

ИЗВЕСТИЯ

**Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины**

№ 2 (131)

Социально-экономические и общественные науки

Гомельский государственный университет
имени Ф. Скорины

ИЗВЕСТИЯ

Журнал зарегистрирован в Министерстве
информации Республики Беларусь
(свидетельство о регистрации
№ 546 от 06.07.2009 года)

Журнал включен ВАК Республики Беларусь
в перечень научных изданий Республики Беларусь,
в которых публикуются результаты
диссертационных исследований
(приказы № 207 от 13.12.2005, № 9 от 15.01.2010,
№ 57 от 16.05.2013)

Журнал включен в библиографические базы данных
ВИНИТИ, Научную электронную библиотеку
eLIBRARY.RU и банк данных Национального
центра правовой информации
Республики Беларусь

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор С.А. ХАХОМОВ,
д-р. физ.-мат. наук, доцент
Зам. главн. редактора О.М. ДЕМИДЕНКО,
д-р тех. наук, профессор
Зам. главн. редактора М.В. СЕЛЬКИН,
д-р физ.-мат. наук, профессор

Члены редакционной коллегии:

Г.Г. Гончаренко, д-р биол. наук, проф.,
чл.-корр. НАН Беларуси
Ф.В. Кадол, д-р пед. наук, проф.
В.Н. Калмыков, д-р филос. наук, проф.
В.И. Коваль, д-р филол. наук, проф.
Г.Г. Лазько, д-р ист. наук, проф.
И.В. Семченко, д-р физ.-мат. наук, проф.,
чл.-корр. НАН Беларуси
В.С. Смородин, д-р тех. наук, проф.
В.М. Хомич, д-р юрид. наук, проф.
О.Г. Шляхтова, ответственный секретарь

Члены редакционной коллегии по социально- экономическим и общественным наукам:

Е.И. Гонта (Украина), д-р экон. наук, проф.
Н.Н. Крестовская (Украина), д-р юрид. наук, проф.
С.Н. Лебедева, д-р экон. наук, проф.
Г.И. Нарский, д-р пед. наук, проф.
Р.М. Нижегородцев (Россия), д-р экон. наук, проф.
В.Г. Никитушкин (Россия), д-р пед. наук, проф.
В.Г. Ротань (Россия), д-р юрид. наук, проф.
Н.В. Сильченко, д-р юрид. наук, проф.
М. Шеневуа (Франция), д-р. наук, проф. права

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
246028, Беларусь, Гомель, ул. Советская, 104,
Телефоны: +375 (232) 51-03-21
E-mail: vesti@gsu.by
Интернет-адрес: <http://vesti.gsu.by>

Francisk Skorina Gomel State University

PROCEEDINGS

The Journal is registered in the Ministry of Information of
Republic of Belarus
(registration certificate
number 546 dated 06.07.2009)

The Journal is included in the Republic of Belarus High-
er Attestation Commission list of scientific publications
of the Republic of Belarus, which publish the main re-
sults for the degree of Doctor (Candidate) of Sciences
(Order number 207 dated 13.12.2005, number 9 dated
15.01.2010, number 57 dated 16.05.2013)

The journal is included in the bibliographic Databases of
the All-Russia Institute of Scientific and Technical Infor-
mation (VINITI), Scientific Electronic Library
eLIBRARY.RU and Database of the National Center of
Legal Information of the Republic of Belarus

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief S.A. KHAKHOMOV,
Sc. D., Docent of Physics
Deputy editor-in-chief O.M. DEMIDENKO,
Sc. D., Professor
Deputy editor-in-chief M.V. SELKIN,
Sc. D., Professor

Members of editorial board:

G.G. Goncharenko, Sc. D., Professor, Corre-
sponding Member NASB
F. V. Kadol, Sc. D., Professor
V.N. Kalmykov, Sc. D., Professor
V.I. Koval, Sc. D., Professor
G.G. Lazko, Sc. D., Professor
I.V. Semchenko, Sc. D., Professor,
Corresponding Member NASB
V.S. Smorodin, Sc. D., Professor
V.M. Homich, Sc. D., Professor
O.G. Shlyahтова, executive secretary

Members of editorial board for the socio-economic and social sciences

E.I. Gonta (Ukraine), Sc. D., Professor
N.N. Krestovskaja (Ukraine), Sc. D., Professor
S.N. Lebedeva, Sc. D., Professor
G.I. Narский, Sc. D., Professor
R.M. Nizhegorodtsev (Russia), Sc. D., Professor
V.G. Nikitushkin (Russia), Sc. D., Professor
V.G. Rotan (Russia), Sc. D., Professor
N.V. Silchenko, Sc. D., Professor
M. Shenevua (France) Sc. D., Professor

EDITORIAL OFFICE ADDRESS:
246028, Belarus, Gomel, Sovetskaya Str., 104,
Tel: +375 (232) 51-03-21
E-mail: vesti@gsu.by
Site: <http://vesti.gsu.by>

© Учреждение образования «Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины», 2022
© Educational Establishment «Francisk Skorina Gomel State
University», 2022

ИЗВЕСТИЯ

Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины

НАУЧНЫЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1999 г.
Выходит 6 раз в год

• 2022, № 2 (131) •

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ:
ПЕДАГОГИКА • ПРАВО • ЭКОНОМИКА

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕДАГОГИКА

Ермаков В.Г. <i>Может ли массовое образование стать личностно развивающим в современных условиях?</i>	5
Ищенко Т.Н. <i>Реализация принципа обратной связи в контексте развития субъекта мышления</i>	11
Малова И.Е. <i>Научно-методическое сопровождение педагога в школе и вузе</i>	16
Метелица А.Н. <i>Теоретическая модель целевой потребностно-мотивационной сферы физической культуры учащихся</i>	22
Нецветаева Е.С., Боровая В.А., Врублевский Е.П. <i>Использование индивидуальных биомеханических моделей в процессе управления технической подготовкой квалифицированных спортсменов, специализирующихся в легкоатлетическом многоборье</i>	27
Прокопюк О.В. <i>Комплекс заданий для обучения студентов профессионально ориентированной лексике на основе использования поликодовых текстов</i>	32
Севдалев С.В., Врублевский Е.П., Алейник Е.А., Вырский М.М. <i>Морфологические и функциональные особенности проявления полового диморфизма у высококвалифицированных спортсменов – пятиборцев</i>	39
Уметов Т.Э. <i>Роль и значение народных игр в современном образовательном процессе</i> ..	43
Усович В.Ю. <i>Об использовании ветеранами спорта эластичных амортизаторов для развития гибкости и улучшения подвижности в суставах</i>	48
Хоршидахмед Х.С. <i>Методика использования игровых средств для повышения скоростно-силовой подготовленности юных спринтеров</i>	54

ПРАВО

Афонченко Т.П., Нилов Д.Г., Коржов Н.Ю. <i>О развитии информационного пространства и праве на личную неприкосновенность</i>	60
Брилёва В.А. <i>Теоретическая модель института социального предпринимательства в Республике Беларусь</i>	66
Василевич Г.А. <i>Охранительная функция права в условиях цифровой трансформации</i> ..	73
Горошко Е.Ю., Набатова А.Э. <i>Право на безопасность в условиях ликвидации и расследования чрезвычайных ситуаций</i>	78
Караваева Е.М. <i>Обеспечение посредством нотариата права граждан на квалифицированную юридическую помощь</i>	82

Ковалева Н.П. <i>Социальная поддержка многодетных семей: сравнительно-правовой анализ</i>	86
Копыткова Н.В., Скуратов В.Г. <i>Правовое положение отчима (мачехи) и пасынка (падчерицы) по белорусскому законодательству</i>	90
Парукова Е.В. <i>Правовое регулирование использования и охраны изображения гражданина</i> ..	95
Силивончик А.А. <i>Понятие и сущность термина «виртуальная валюта»</i>	100
Цыкунова И.Н., Емельянов С.Л., Синица И.М., Воробьев В.А., Старикова Е.В. <i>Медиа-ция в уголовном процессе Республики Беларусь: современное состояние законодательного регулирования и направления совершенствования</i>	105
Эсмантович Е.И. <i>Формирование местных советов как одной из структур гражданского общества на территории Беларуси в 1917–1922 гг.</i>	112

ЭКОНОМИКА

Баранов А.М. <i>Информационные волны экономического развития и антропогенный капитал в новой экономике</i>	118
Енин Ю.И., Ци Хуайюань. <i>Стратегия сотрудничества Беларуси и Китая на международном рынке строительных работ и услуг</i>	124
Илимжанова З.А. <i>О необходимости социального и налогового регулирования предпринимательской деятельности</i>	130
Казущик А.А., Сун Чжотао. <i>Феномен стартапов-единорогов: опыт Китая</i>	134
Кунявский А.М. <i>Эффективный инновационный проектный менеджмент на основе программно-целевого планирования</i>	139
Орлова А.В. <i>Концептуальные основы поддержки женского предпринимательства в Республике Беларусь</i>	145
Поболь А.И. <i>Обоснование дорожной карты внедрения европейского стандарта электронных компетенций в Беларуси, Грузии и Украине</i>	151
Пугачева О.В. <i>Исследование проблем сбора и анализа данных о пандемии COVID-19 в разных странах</i>	158
Ятченко М.Д. <i>Этапы формирования стратегии повышения уровня использования производственного потенциала</i>	164

PROCEEDINGS

of Francisk Skorina Gomel State University

SCIENTIFIC, PRODUCTION AND PRACTICAL JOURNAL

Published since 1999

Released bimonthly

• 2022, № 2 (131) •

SOCIO-ECONOMIC AND SOCIAL SCIENCES:

PEDAGOGICS • LAW • ECONOMICS

CONTENTS

PEDAGOGICS

Ermakov V.G. <i>Can mass education become personal development in modern conditions?</i>	5
Ishchenko T.N. <i>Implementation of the feedback principle in development of the thinking subject</i>	11
Malova I.E. <i>Scientific and methodical support of an educator at school and university</i>	16
Metelitsa A.N. <i>Theoretical model of the target need-motivational sphere of students' physical culture</i>	22
Netsvetaeva E.S., Borovaya V.A., Vrublevsky E.P. <i>The use of individual biomechanical models in managing the technical training of qualified athletes specializing in track and field multiathlon</i>	27
Prokopuk O.V. <i>A set of polycode text-based tasks for teaching students professionally oriented vocabulary</i>	32
Sevdalev S.V., Vrublevskiy E.P., Alejnik E.A., Vyrskiy M.M. <i>Morphological and functional features of the manifestation of sexual dimorphism in highly qualified pentathletes</i>	39
Umetov T.E. <i>The role and significance of folk games in the modern educational process</i>	43
Usovich V.Yu. <i>On the use of elastic shock absorbers by sports veterans to develop flexibility and improve mobility in their joints</i>	48
Horshidahmed H.S. <i>The methodology of using game means to increase the speed-strength readiness of young sprinters</i>	54

LAW

Afonchenko T.P., Nilov D.G., Korzhov N.Yu. <i>On the development of the information space and the right to personal integrity</i>	60
Brileva V.A. <i>Theoretical model of the institution of social entrepreneurship in the Republic of Belarus</i>	66
Vasilevich G.A. <i>Protective function of law in the conditions of digital transformation</i>	73
Goroshko E.Yu., Nabatava A.E. <i>The right to security in the conditions of liquidation and investigation of emergencies</i>	78
Karavaeva E.M. <i>Ensuring the citizens' right to qualified legal assistance by a notary</i>	82
Kovaleva N.P. <i>Social support for large families: a comparative legal analysis</i>	86
Kopytkova N.V., Skuratov V.G. <i>The legal status of the stepfather (stepmother) and stepson (stepdaughter) under Belarusian law</i>	90
Parukova E.V. <i>Legal regulation of the use and protection of the image of a citizen</i>	95
Silivonchik A.A. <i>The concept and essence of the term «virtual currency»</i>	100
Tsykunova I.N., Emelyanov S.L., Sinitsa I.M., Vorobiev V.A., Starikova E.V. <i>Mediation in the criminal process of the Republic of Belarus: the current state of legislative regulation and directions for improvement</i>	105

Esmantovich E.I. <i>Formation of local councils as one of the civil society structures on the territory of Belarus in 1917–1922</i>	112
ECONOMICS	
Baranov A.M. <i>Information waves of economic development and anthropogenic capital in the new economy</i>	118
Enin Yu.I., Qi Huaiyuan. <i>Strategy of cooperation between Belarus and China in the international market of construction works and services</i>	124
Ilimzhanova Z.A. <i>On the need for social and tax regulation of entrepreneurial activity</i>	130
Kazuschik A.A., Song Zhuotao. <i>The unicorn startup phenomenon: the China experience</i>	134
Kuniavsky A.M. <i>Effective innovational project management based on program-purposeful planning</i>	139
Orlova A.V. <i>Conceptual framework for supporting women's entrepreneurship in the Republic of Belarus</i>	145
Pobol A.I. <i>Justification of the roadmap for the implementation of the European standard of electronic competencies in Belarus, Georgia and Ukraine</i>	151
Pugacheva O.V. <i>Study of the problems of collecting and analyzing data on the COVID-19 pandemic in different countries</i>	158
Yatchenko M.D. <i>Stages of forming a strategy for increasing the level of using the production potential</i>	164

Педагогика

УДК 37.01:316.612

Может ли массовое образование стать личностно развивающим в современных условиях?

В.Г. ЕРМАКОВ

Проанализированы причины снижения развивающего потенциала современного образования, показано, что противодействию этой тенденции мешают представления о кумулятивном приращении научного знания, которые в отношении образовательной сферы неверны. Обоснована необходимость объединения ресурсов традиционного образования и различных проектов развивающего обучения на основе идей философии незамкнутости и методов корректирующего обучения. Указан способ консолидации и распространения такого трудно формализуемого опыта.

Ключевые слова: личностно развивающее образование, методы обучения, управление, контроль, коррекция, самоорганизация.

The reasons for the decrease in the developmental potential of modern education were analyzed, and it was shown that the perception of cumulative increment of scientific knowledge, which was incorrect in relation to the educational sphere, prevented countering this trend. The need to combine the resources of traditional education and various projects of developmental education based on the ideas of the philosophy of openness and methods of corrective learning is justified. A method of consolidating and disseminating such difficult-to-formalize experience is indicated.

Keywords: personal development education, teaching methods, management, controll, correction, self-organization.

Актуальность очередного обращения к вопросу об усилении развивающей функции процесса обучения обусловлена прежде всего стремительностью социально-культурных изменений. Продолжающийся прогресс науки и техники ставит перед системой образования все более сложные задачи. Достаточно упомянуть проекты 4К, согласно которым ключевыми компетенциями XXI в. должны стать критическое мышление, креативность, коммуникация и кооперация. Еще совсем недавно немалые усилия были направлены на теоретическую и практическую разработку инновационного образования, цель которого состояла в том, чтобы подготовить специалистов, способных сразу, без разбега включиться в инновационную деятельность на производстве. Такой заказ системе образования со стороны общества вызван сокращением временного интервала между научным открытием и его промышленным массовым производством, из-за чего традиционный процесс переобучения выпускника на рабочем месте перестал вписываться в гонку инноваций. Поскольку это именно внешний заказ, а не результат собственного развития системы образования, основным инструментом достижения этой цели стала концентрация в одном учреждении образования или его подразделении необходимых ресурсов, включая личностные. Анализ, проведенный в статье [1], показал, что инновационное образование существенно опирается на «индивидуальность» педагога-ученого и самостоятельность учащегося, но, во-первых, в их использовании – залог совершенствования любого образования, а, во-вторых, начальный задел по этим параметрам в инновационном образовании формируется не за счет совершенствования методов обучения, а за счет отбора среди тех, кто достиг требуемого уровня в рамках традиционного образования. Отсюда следует, что инновационное образование нельзя считать замкнутой в себе системой, его нужно рассматривать в более широком контексте развивающегося образования.

Обращаясь к традиционному массовому образованию как общему – явному или неявному – фундаменту большинства образовательных новаций, приходится констатировать, что на этом базовом уровне развивающий потенциал образования заметно снижается. Выразитель-

ным проявлением этой динамики могут служить данные из статьи [2], в которой представлены результаты двух однотипных контрольных работ, проведенных в 1949 и 1998 гг. Оказалось, что все результаты ухудшились в 1,5–6 раз. В 40-х гг. полноценно усваивали математику почти $\frac{3}{4}$ учащихся, в 90-х – менее $\frac{1}{5}$, в 40-х гг. наблюдалась стабильность знаний по всем годам обучения, в 90-х – резкое ухудшение в старших классах, в 40-е гг. уверенно решали смысловые задачи более $\frac{4}{5}$ школьников, а в 90-е годы больше половины учеников 5–6 классов не решили текстовую задачу. Таким образом, количество успевающих школьников снизилось, а число неуспевающих резко выросло. Главный качественный вывод статьи [2] – неспособность детей мыслить! Разумеется, это далеко не единственное подтверждение тезиса о том, что качество массового образования не только не растет, но падает. Тот факт, что по запросу «Кризис образования» поисковики выдают десяток миллионов адресов, на наш взгляд, означает, что названная тенденция к снижению качества педагогическому сообществу хорошо видна. Соответственно на первый план выходит вопрос о ее причинах и о том, что с этим делать.

Среди многочисленных попыток разрешить эту проблему выделяются работы с критическим анализом уже проведенных реформ. Так, Г.Г. Малинецкий и А.В. Подлазов в статье [3] указали длинный ряд недостатков единого государственного экзамена, включая угрозу развитию мышления учащихся, и наметили пути решения той части из этих проблем, для которых не нужен отказ от единого экзамена, но эти предложения пока не реализованы. По-видимому, помехой на этом пути стала общая приверженность использованию простейших моделей управления, в рамки которых предлагаемая модернизация вписывается плохо. Полный отказ от ЕГЭ тоже не снимает всех проблем. В частности, единый экзамен призван предотвращать ситуации, подобные той, что была выявлена Г.А. Стрюковым. В процессе его исследования оказалось, что «двоечники и троечники одного района обнаруживают существенно более высокий уровень математической подготовки, чем “четверочники” и “пятерочники” другого» [4, с. 124]. Наличие таких перекосов в оценивании знаний означает, что проблемы введения и использования ЕГЭ – лишь малая часть трудных и нерешенных проблем и задач образования. Главную из них авторы статьи [3] обозначили явно: «стране сегодня, как воздух, требуются квалифицированные кадры, чтобы удержать техносферу, созданную усилиями нескольких предшествующих поколений».

Данное высказывание напоминает о центральном противоречии современности – противоречии между стремительным ростом накапливаемого человечеством опыта и дефицитом времени, необходимого для его полноценного усвоения новым поколением людей. Перманентная интенсификация образовательных процессов, порождаемая этим противоречием, подталкивает к формальному подходу к обучению, а он отрицательно сказывается на развитии мышления. Без отыскания дополнительных резервов в обеспечении личностного развития задачи построения инновационного образования, инновационной экономики, подготовки нового поколения к жизни в стремительно меняющемся и усложняющемся мире, задачи сохранения и развития культурного достояния человечества, воспитания разумного и ответственного отношения к проблемам экологии и др. не могут быть решены на приемлемом уровне.

Ограничительная роль фактора времени отчетливо проявилась при переходе на двухступенчатую систему обучения. В некоторых технических университетах объем часов на курс «Математика», заменивший курс «Высшая математика», уменьшился более чем в два раза, превысив границу допустимости. Не найдя возможностей для конструктивных педагогических решений, некоторые кафедры в разделе «Интегрирование» свели подготовку студентов к обучению пользоваться готовыми пакетами программ для вычисления интегралов. После этого о каком-либо качестве подготовки инженеров можно забыть. В статье [5] показано, что результат обучения может быть совершенно иным. На основе поэтапного и детального обсуждения со студентами узловых вопросов в данной теме можно обеспечить полноценное усвоение этого материала каждым студентом и сформировать у них способность и навыки преодоления сложных учебных препятствий, тем самым помогая им стать субъектами учебной деятельности. При соответствующей модернизации текущего контроля времени для такого обучения с усиленной корректирующей составляющей требуется немного, но и его удастся быстро наверстать благодаря сформированной самостоятельности студентов. Как видим, в условиях названного выше противоречия фактор времени оказывается существенной точкой ветвления инди-

видуальных образовательных траекторий. Отсюда следует, что при проведении реформ в образовании нужно учитывать «болевы́е точки» в строении предметных областей, а также состояние и динамику изменений личностной составляющей процесса обучения. Поэтому и сокращение числа часов на изучение отдельных тем не должно быть равномерным.

Характерно, что обостряющийся кризис образования вызывает порой крайне резкие высказывания отдельных авторов в адрес предшественников. Например, В.Ф. Базарный построил свою теорию на основе яростной критики наследия Я.А. Коменского. Анализ этих претензий и ответ на них, основанный на цитатах из работ самого Я.А. Коменского, дан в статье [6]. Это не единственный случай негативного отношения к автору «Великой дидактики» и к традиционному образованию в целом. Например, В.В. Давыдов разрабатывал систему развивающего обучения именно в качестве альтернативы традиционному образованию [7]. Изучение теории Я.А. Коменского с позиции исповедуемой им христианской антропологии и в сопоставлении с современным образованием, проведенное в статье [8], показало, что в ней есть неувядающее начало – метод постоянного применения анализа и синтеза, позволяющий учащемуся добираться до логической основы научных теорий, которая, в свою очередь, является хорошей платформой и для развития мышления.

Конечно, вслед за развитием культуры, науки, производственных технологий педагогические системы тоже должны развиваться. Ф. Клейн обратил внимание на то, что в отличие от предшествующего времени в XIX столетии в работах авторов начала сквозить мысль о том, что «читателя нужно не только услаждать и поучать, но что в нём надо будить силы, которые вели бы его дальше, побуждать его к самостоятельной деятельности» [9, с. 16]. Причиной таких изменений в сфере образования, очевидно, стало бурное развитие математики и появление новых трудностей в усвоении сложного и большого по объёму материала. Из-за этого как раз и понадобилось стимулировать индивидуальное развитие учащихся и их активность. Такое же объяснение можно дать и тезису о решающем значении самостоятельности учащегося, о котором в первой половине XIX столетия писал А. Дистервег. По его словам, «самостоятельность – средство и одновременно результат образования» [10, с. 118]. Здесь есть определенное противоречие: самостоятельность оказалась и средством, и результатом применения этого средства. Но если принять во внимание меняющиеся социально-культурные условия образования, то легко понять, что дело тут опять-таки в растущей напряженности образовательного процесса, которая, сужая простор для формирования и развития самостоятельности, настоятельно требует ее постоянной поддержки на всем протяжении процесса обучения – от начала и до конца. А. Дистервег не утверждал, что его книга «Руководство к образованию немецких учителей» является откликом на изменения в мире, но по факту это так и есть.

Динамическую сопряженность перемен в образовании и в его внешних условиях можно зарегистрировать и во второй половине этого столетия, когда стала складываться отрасль психологии, изучающая психологические проблемы обучения и воспитания. В 1874 г. П.Ф. Каптерев предложил обозначать ее термином «Педагогическая психология». На фоне этой естественной взаимообусловленности изменений неожиданным диссонансом прозвучала его оценка системы Я.А. Коменского. «Дидактике Коменского, – заявил П.Ф. Каптерев, – свойственны весьма существенные недочеты: это дидактика метода, представляемого в виде какого-то внешнего механического орудия; в этой дидактике еще нет речи о развитии обучением способностей учащихся; (...) дидактике Коменского недостает психологии» [11, с. 293]. В качестве возражения заметим, что до той поры, пока в центре событий в процессе обучения находится анализ и синтез, развитие способностей учащегося не может не происходить и, напротив, отказ от применения основного метода Я.А. Коменского неотвратимо разрушит любую педагогическую систему и технологию. Можно согласиться с тем, что отход от его активного использования педагогами имеет немало причин, включая все ту же нехватку времени, недостаточное понимание его роли, попадание под влияние носителей злого умысла или просто недостаточную детализацию, формализацию и операционализацию данного метода. Но считать, что он устарел, стал «внешним механическим орудием», не обеспечивающим развития способностей учащихся в процессе обучения, на наш взгляд, никак нельзя. Более точной и справедливой была бы постановка вопроса о необходимой адресной модернизации системы Я.А. Коменского под нужды образования в изменившемся мире.

Можно предположить, что яростная критика многих авторов в адрес традиционного образования и основоположника педагогической теории вызвана не вскрывшимися изъянами в наследии предшественников, а чем-то иным. Уместно вспомнить, что, например, в математике, и не только в ней, многие результаты авторизованы и их удается формулировать в виде конкретных утверждений. Это дает основание говорить о кумулятивном приращении научного знания. Не вступая в дискуссию о степени истинности такой точки зрения, отметим вытекающее из него следствие: каждому, кто претендует на признание научных заслуг, нужно получить действительно новые результаты. В педагогике этот подход можно реализовать только с большими потерями, поскольку образовательные процессы беспредельно многоаспектны, они вплетены в мировые процессы, через традиции зависят от прошлого, а настоящим существенно влияют на будущее, которое предугадать все более сложно. Поэтому здесь очень трудно найти свободную нишу для реализации своего творческого потенциала и получения результатов, которые можно предъявить в качестве безусловной научной новации. Вот и приходится самостоятельно расчищать место для творчества, отгораживаясь от предшественников путем целенаправленного отыскания или придумывания недостатков в их разработках.

Эту гипотезу подтверждает, например, тот факт, что количество педагогов очень велико и продолжает увеличиваться. Наблюдаемое расслоение педагогической теории на множество частных педагогик дало основание В.В. Краевскому написать: «Каждый Божий день миру является какая-нибудь педагогика. Возможно, их уже миллион. Нет, наверное, меньше. И возникают не ежедневно. Но все равно – много и часто. (...) “Процесс пошел” давно, а сейчас принял обвальный характер» [12, с. 113]. Такой же является ситуация и с образовательными технологиями. В учебном пособии [13] Г.К. Селевко собран сведения о полусотне таких технологий. В монографии [14] проанализированы более 15 проектов развивающего обучения. Несмотря на идейную близость исходных позиций в вопросе о соотношении процесса обучения и развития они остаются обособленными друг от друга, так как акцентируют внимание на разных гранях образовательного процесса. В том, что это обособление носит искусственный характер, убеждает статья В.В. Давыдова [15], в которой автор провел тщательный анализ отличий методической системы Л.В. Занкова от его собственной теории развивающего обучения, притом, что, на наш взгляд, объединение их потенциалов дало бы гораздо больший импульс и развитию учащихся, и развитию системы образования. Для этого каждую из них понадобилось бы дорабатывать, но это лучше, чем отметить другую систему целиком.

Заметим, доработка и возможна, и полезна. Ранее нами было показано, как при корректном согласовании принципа обучения на высоком уровне трудности Л.В. Занкова с подходящими формами и методами текущего контроля можно осуществить операционализацию этого принципа, расширив область его применения на все ступени образования. Характерно, что потребовавшиеся для этого методы контроля давно разработаны в рамках традиционного образования, так что полное размежевание с ним было бы ошибкой. Данный пример модернизации педагогической системы, опирающейся на вариации форм и методов контроля, показателен тем, что средства контроля укрепляют обратные связи, а они помогают формировать адресные педагогические импульсы, направленные на развитие учащегося. Пути актуальной модернизации теории развивающего обучения В.В. Давыдова описаны и обоснованы в статье [16].

Перед тем, как приступить к поиску оснований для объединения ресурсов развития учащегося в отдаляющихся друг от друга педагогических теориях, технологиях и проектах, отметим еще одну – фундаментальную – причину расхождений между ними, связанную с ограниченностью общих принципов классической рациональности. М.К. Мамардашвили по этому поводу писал: «В классической педагогике, а она лишь частный элемент общего классического стиля мышления, фактически предполагается некоторая привилегированная (и в этом смысле – единая и абсолютная) система отсчёта – такая, что перенос знания из любой точки пространства и времени в любую другую точку пространства и времени (...) покоится на реконструкции или воссоздании одного единого (или самотождественного) субъекта по всем точкам этого поля» [16, с. 21]. Однако «одного единого субъекта по всем точкам этого поля» не может быть хотя бы потому, что, по словам Л.С. Выготского, «между процессами развития и обучением устанавливаются сложнейшие динамические зависимости, которые нельзя охватить единой, наперед данной, априорной умопытательной формулой» [17, с. 390].

Из этих динамических зависимостей вытекает, что даже отдельно взятый субъект, рассматриваемый в фиксированной точке образовательного пространства, не находится в статичном состоянии. Это означает, что обособившиеся педагогические теории, которые, как правило, описывают систему взаимодействий между участниками образовательного процесса статично, во-первых, не являются полными, а, во-вторых, они не могут, отодвинув все другие теории в сторону, охватить образовательное пространство целиком со всеми его проблемами и противоречиями. Поэтому им нужно искать свои области наибольшей эффективности.

Разрывают педагогическую теорию на множество частей и нерешенные проблемы. И.В. Гете сказал: «Принято думать, что между крайними точками лежит истина. Никоем образом! Между ними лежит проблема». Лежащая между разными подходами проблема как раз и мешает их объединению в единое целое. Но поскольку они нацелены на разрешение этой проблемы, то тем более стоит искать пути их объединения. Как было показано, в современных социально-культурных условиях центральной проблемой является всемерная поддержка личностного развития учащегося. Особая сложность решения этой проблемы вытекает не только из того, что его так долго не удается найти, но и из принципиальной невозможности полноценной диагностики мышления и его развития [19].

В то же время высокая актуальность этой основной задачи вынуждает многих педагогов прилагать в этом направлении немалые усилия так, что их следы должны быть в каждой теории или проекте. Обращает на себя внимание тот факт, что описание образовательных технологий в пособии Г.К. Селевко является кратким, использует обобщенные формулировки и не содержит разъяснений по поводу узких мест в использовании технологии. Напоказ выставлена только та ее часть, которая соответствует этапу стабильного течения образовательного процесса, а самым трудным и важным является вывод процесса в такой режим и его своевременное восстановление при тех или иных сбоях. Тезис Л.С. Выготского о сложнейших динамических зависимостях между процессами обучения и развитием указывает на то, что эти процессы крайне нестабильны и потому отклонений от установленного заранее режима непременно будет много. Восстановление стабильности полностью стало заботой педагогов, что отчасти и естественно, так как в каждом конкретном классе только они и могут действовать с опорой на обратные связи.

В итоге получаем, что резервов для того, чтобы сделать массовое образование личностно развивающим, еще очень много, они сосредоточены в руках педагогов, в их педагогической деятельности и реализуются прежде всего в рамках тех усилий, которые направлены на укрепление устойчивости образовательного процесса. Содействие педагогам в этой сложной и трудноформализуемой работе со стороны теории практически отсутствует, но оно может состоять в дальнейшей разработке активных методов педагогической коррекции и в оказании педагогам прямой методической помощи непосредственно на их рабочем месте сотрудниками региональных инновационных научно-практических Центров, актуальность организации которых обоснована в статье [20]. Таким способом в массовом порядке можно создавать точки роста системы образования – точки взаимосвязанного развития учащегося, педагога и педагогической системы. Однако эта возможность реализуема только при переходе на более сложные модели управления образовательными процессами [21] и при общей ориентации на философию незамкнутости [22].

Литература

1. Ермаков, В. Г. Инновационное образование как объект теории / В. Г. Ермаков, Н. Н. Нечаев // Психолого-педагогические аспекты развития образования : сб. ст. ; редкол.: Н. Н. Нечаев [и др.]. – М., 2008. – С. 96–113 (Вестник МГЛУ. Сер., Педагогическая антропология ; вып. 539).
2. Костенко, И. П. Сравнение математических умений школьников 90-х и 40-х годов (причины деградации и пути ее преодоления) / И. П. Костенко, Н. М. Захарова // Математика и общество. Математическое образование на рубеже веков : материалы Всероссийской конференции, Дубна, сентябрь 2000. – М. : МЦНМО, 2000. – С. 182–185.
3. Малинецкий, Г. Г. ЕГЭ как катализатор кризиса российского образования [Электронный ресурс] / Г. Г. Малинецкий, А. В. Подлазов // Сайт С.П. Курдюмова. – Режим доступа : <http://spkurdyumov.ru/education/ege-kak-katalizator-krizisa-rossijskogo-obrazovaniya/>. – Дата доступа : 01.03.2021.

4. Стрюков, Г. А. О единстве критериального и нормативного подходов к оцениванию знаний учащегося / Г. А. Стрюков // Психологический журнал. – 1995. – Т. 16, № 2. – С. 120–127.
5. Ермаков, В. Г. Вредные советы : Как новациями в системе образования заблокировать инновационное развитие страны / В. Г. Ермаков // Россия : тенденции и перспективы развития. Ежегодник. – М. : РАН. ИНИОН, 2014. – Вып. 9, ч. 2. – С. 363–368.
6. Ермаков, В. Г. О методологических аспектах построения и использования здоровьесберегающих технологий образования / В. Г. Ермаков // Проблемы личности в современном мире : сб. научных трудов по итогам Междун. научно-практ. конф., Орел, 30 марта 2017 г. – Орёл : Изд-во ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени К.С. Тургенева», 2017. – С. 172–176.
7. Давыдов, В. В. Анализ дидактических принципов традиционной школы и возможные принципы обучения ближайшего будущего / В. В. Давыдов // Адукацыя і выхаванне. – 2005. – № 12. – С. 41–45.
8. Ермаков, В. Г. Христианская антропология, «Великая дидактика» Я. А. Коменского и методологические проблемы современного образования / В. Г. Ермаков, М. В. Таланкина // Христианский гуманизм и его традиции в славянской культуре : сб. ст. – Гомель : УО «ГГУ им. Ф. Скорины», 2013. – Вып. 7. – С. 144–149.
9. Клейн, Ф. Лекции о развитии математики в XIX столетии : в 2 т. / Ф. Клейн. – М. : Наука, 1989. – Т. 1. – 456 с.
10. Дистервег, А. Избранные педагогические сочинения / А. Дистервег. – М. : Учпедгиз, 1956. – 375 с.
11. Каптерев, П. Ф. Избранные педагогические сочинения / П. Ф. Каптерев. – М. : Педагогика, 1982. – 704 с.
12. Краевский, В. В. Сколько у нас педагогик? / В. В. Краевский // Педагогика. – 1997. – № 4. – С. 113–118.
13. Селевко, Г. К. Современные образовательные технологии : учеб. пособ. / Г.К. Селевко. – М. : Народное образование, 1998. – 256 с.
14. Ермаков, В. Г. Развивающее образование и функции текущего контроля : в 3 ч. / В. Г. Ермаков. – Гомель : УО «ГГУ им. Ф. Скорины», 2000. – Ч. 2. Методологические аспекты развивающего образования. – 318 с.
15. Давыдов, В. В. О понятии развивающего обучения / В. В. Давыдов // Педагогика. – 1995. – № 1. – С. 29–39.
16. Ермаков, В. Г. О методологической основе теории развивающего обучения В. В. Давыдова и актуальных направлениях ее модернизации / В. Г. Ермаков // Методологические проблемы развития мышления субъектов образовательного процесса : монография ; под общ. ред. Т. Н. Ищенко. – Красноярск : СибГУ им. М.Ф. Решетнева, 2021. – С. 154–165.
17. Мамардашвили, М. К. Классический и неклассический идеалы рациональности / М. К. Мамардашвили. – М. : Азбука: Азбука-Аттикус, 2010. – 288 с.
18. Выготский, Л. С. Педагогическая психология / Л. С. Выготский. – М. : Педагогика, 1991. – 480 с.
19. Ермаков, В. Г. Диагностика мышления и его развития как методологическая проблема / В. Г. Ермаков // Методологические проблемы развития мышления субъектов образовательного процесса : монография ; под общ. ред. Т. Н. Ищенко. – Красноярск : СибГУ им. М.Ф. Решетнева, 2021. – С. 72–86.
20. Ермаков, В. Г. Концепция регионального инновационного научно-практического Центра активных методов педагогической коррекции / В. Г. Ермаков // Россия : тенденции и перспективы развития. Ежегодник / РАН. ИНИОН. – М., 2019. – Вып. 14, ч. 2. – С. 731–735.
21. Ермаков, В. Г. Актуальность и методология использования нелинейных моделей управления в системе развивающего образования / В. Г. Ермаков // Педагогика и психология : проблемы развития мышления : материалы III Всероссийской науч.-практ. конф. с междунар. участием, Красноярск, 25 апр. 2018 г. ; под общ. ред. Т. Н. Ищенко. – Красноярск : СибГУ им. М.Ф. Решетнева, 2018. – С. 31–39.
22. Ермаков, В. Г. Связь обучения и развития, проблемы её моделирования и философия незамкнутости / В. Г. Ермаков // Педагогика и психология : проблемы развития мышления : материалы II Всероссийской науч.-практ. конф. с междунар. участием, Красноярск, 8 дек. 2016 г. ; под общ. ред. Т. Н. Ищенко. – Красноярск : СибГУ им. М.Ф. Решетнева, 2017. – С. 40–50.

Реализация принципа обратной связи в контексте развития субъекта мышления

Т.Н. ИЩЕНКО

Если развитие определяется освоением содержания образования, то обучающийся в условиях реализации дидактической системы осваивает систему идей, понятий, законов, владея при этом интеллектуальным инструментарием познания. Реализация дидактического принципа обратной связи позволяет педагогу разумно осуществлять изменения в учебном процессе, корректировку и предвосхищать состояние образовательной системы, а значит – осуществлять гибкое управление и создание дополнительных условий для развития субъекта мышления.

Ключевые слова: принцип обратной связи, субъект мышления, субъект деятельности, диалектический подход, дидактическая система.

Given that development is defined by the acquisition of the content of education, the learner in the setting of an unfolding didactic system is to acquire a system of ideas, concepts, and laws, while being equipped with intellectual tools for learning. By implementing the didactic principle of feedback, the teacher is able to implement sensible changes to the academic process, as well as adjust and anticipate the state of the educational system, and therefore adopt flexible management practices and create additional conditions for further development of the thinking subject.

Keywords: feedback principle, thinking subject, subject of agency, dialectical approach, didactic system.

Модернизация высшего образования, с одной стороны, направлена на совершенствование образовательной деятельности, то есть обновление содержания и организации образовательного процесса, а с другой – на получение результатов, отвечающих вызовам времени и сложившимся проблемам в обществе, требуя при этом развитого критического мышления у обучающихся, креативности, способности вступать в коммуникации и работать в кооперации с другими. Идеи развития образования предусматривают индивидуализацию и персонализацию, что тоже требует изменений в образовательном процессе. Обновление содержания образования и его освоение требуют от педагогов не только понимания изменений, вносимых в образовательный процесс, а и развитой теоретической способности, удерживающей методологический, теоретический и технологический аспекты. Если для педагога, по Э.В. Ильенкову, теория представляет излишество, тогда обыденные представления руководят учебным процессом, интуитивно демонстрируя решаемость проблем не по существу дела. Сложившаяся в образовании ситуация требует серьезных фундаментальных и прикладных междисциплинарных исследований, направленных на обновление содержания образования, а значит и конструирование средств его освоения. Потому как одно из ключевых противоречий образовательного процесса – противоречие между богатейшим характером предметного содержания, открытий в области науки, искусства, технологий и неспособностью обучающимися в полной мере их освоить. Роль учителя, преподавателя в информационный век меняется и заключается не в ретрансляции знаний (репродуктивный характер деятельности), а в управлении учебным процессом таким образом, чтобы учащиеся, студенты смогли как совместно с преподавателем, так и самостоятельно открывать знания (продуктивный труд, выход на творчество). И если полагать, что знание представляет систему понятий, идей по преобразованию окружающей действительности, исследуемого предмета, явления, процесса, то обучающемуся необходимо освоить путь открытия знания и встраивания нового знания в ту систему понятий, которой он владеет.

Гегель отмечал, что понять, значит отразить в форме понятия [1]. Понятие как форма мысли и представляет уникальное средство познания и его результат. Развитая способность действовать с понятием (определять, делить, обобщать и ограничивать, отражать отношения между понятиями и пр.) определяет мыслительную активность студента и проявляет его спо-

способность мыслить на теоретическом уровне (рациональное познание), а не на уровне представлений (чувственное познание). Владение понятием, системой понятий и есть развитая способность обучающегося разумно осуществлять учебную деятельность, самостоятельную деятельность, оттачивая свой мыслительный аппарат и тем самым преобразовывая себя, свою способность к рефлексии. Понятие отражает существенные признаки предмета и его виды, то есть раскрывая понятие мы выявляем его качество (признаки, суть) и количество (виды, с указанием основания деления). В самом понятии отражено единство противоположностей, требующее развитой способности выявлять противоположные начала в предмете и устанавливать отношения между ними от единства до противоречия. Принцип противоречия представляет необходимый момент в разворачивании пути по открытию понятия. А поскольку в характеристике понятия *содержание представляет качество*, то можем заключить, что качество образования и представляет развитую способность обучающегося как в открытии понятия, так и в овладении системой понятий. Этот тезис проясняет суть качества образования на основе содержательной логики, где принцип противоречия имеет определяющее значение в открытии знания (понятия, системы обобщенных понятий). Сознательное и осмысленное освоение содержания учебного предмета предполагает овладение обучающимися интеллектуальным инструментарием познания, задействование в учебном процессе ключей к познанию окружающей действительности – образов и понятий. Осмысленность и представляет синтез образа и понятия, где первичный образ еще не раскрывает сути изучаемого. Однако выявление сути понятия, его качественных характеристик позволяет получить вторичный обогащенный образ исследуемого предмета, явления. И тогда мы создаем обогащенные дидактические условия для обучающихся с разными стилями обучения. При таком подходе создаются условия для развития понятийного теоретического мышления, образного теоретического мышления. Формальная и содержательная логика (диалектическая) представляют как методологическую основу развития субъектности в образовательном процессе, так и уникальные средства познания. Формальное задействование принципов диалектической логики, законов и логических операций познания формальной логики не позволяет разрешать противоречия и проблемы образования XXI в.

Гегель одним из первых обнаружил необходимость выводных знаний в развитии субъекта мышления. «Предмет, каков он без мышления и без понятия есть некоторое представление или даже только название; лишь в определениях мышления и понятия он есть то, что он есть. Поэтому в действительности дело в них одних; они истинный предмет и содержание разума, и все то, что обычно понимают под предметом и содержанием в отличие от них, имеет значение только через них и в них» [1, с. 941]. И это связано, на наш взгляд, с механизмом интериоризации, благодаря чему знание становится осознанным и обучающийся способен тогда преобразовать исследуемый предмет.

В каком случае, при каких условиях педагог обеспечит разумное управление учебным процессом? Каким образом переход от подачи знаний в готовом виде к знаниям выводным будет обеспечивать качество образования, развитие субъекта мышления в образовательном процессе? Поиск ответов на эти вопросы необходим, потому как если их рассматривать на уровне представлений, то противоречия не будут разрешены. И тогда мыслящая способность молодого поколения будет не в состоянии разрешать проблемы современного характера (экологические, социальные, нравственные и пр.).

Во взаимосвязи с принципом противоречия возникает необходимость в реализации принципа обратной связи, который позволит со знанием дела корректировать и вносить необходимые изменения в процесс познания по ходу разворачивания содержания постигаемого предмета. Что понимается под дидактическим принципом обратной связи в учебном процессе? Почему на основе принципа обратной связи педагог становится способным осуществлять развитие субъекта мышления и субъекта деятельности в учебном процессе? Если всякое отношение образует из своих носителей объект, то «связь – это такое отношение, которое образует из них предмет, то есть целостность» [2]. Понятие связи определяется как «отношение взаимной зависимости, обусловленности, общности между чем-нибудь» [3, с. 705]. С.И. Архангельский отмечал: «Основной функцией любой обратной связи является функция

управления... Рациональной системой обучения, очевидно, является та система, где все функциональные связи управляемы, где они контролируются и регулируются на основе обратной связи» [4, с. 153]. С одной стороны, связь есть сообщение с кем-нибудь или чем-нибудь, а с другой – средство, которое дает возможность сообщаться [5]. Связь в системе выполняет функцию объединения элементов системы в одно целое. В образовательной динамической системе виды связи определяют ее функционирование и развитие. Такие виды связи, как прямая и обратная, причинно-следственная, играют в ней особенно важную роль. По направлению передаваемых воздействий, что является основанием деления рассматриваемого понятия, связи можно разделить на положительные и отрицательные. «В первом случае рост одной переменной влечет за собой рост другой, связанной с ней переменной. Во втором – напротив, рост одной переменной ведет к снижению другой» [5, с. 885]. Понятие обратной связи в педагогику и психологию было перенесено из радиотехники, кибернетики. В экономике обратная связь представляет процесс передачи информации о состоянии объекта управления, получаемой органом управления после принятия управленческого решения, а прямая связь – вид связей в системе, при котором выходное воздействие одного элемента передается на вход какого-либо иного элемента. При этом, «если все связи в системе прямые, то сигнал, поступающий на вход ее элемента, не зависит от выходного сигнала этого элемента и системы в целом» [5, с. 885]. Психолог В.А. Крутецкий считает одной из основных способностей обучающегося является способность к свободному и быстрому переключению на обратный ход мысли в процессе изучения предмета [6]. Ж. Пиаже обратимость считал наиболее характерной особенностью интеллекта. Исследователь П.М. Эрдниев занимался реализацией обратной связи в преподавании математики и отмечал: «Прямая связь мыслей ($a \rightarrow b$) и обратная ($a \leftarrow b$) связь мыслей – это разные процессы; прямая связь самопроизвольно не переходит в обратную связь; при методике раздельного изучения такие знания могут годами сосуществовать без взаимодействия, без перехода в новое высшее целостное качество, в обратимую связь ($a \leftrightarrow b$), представляющую некоторое укрупненное знание» [7, с. 28]. Проведенные исследования привели ученого к выводу: если математика в силу своей внутренней структуры насквозь пронизана взаимно обратными связями, то и в системе методов обучения математике эти связи должны быть определяющими. Тем самым можем заключить, что «обратная связь» является общенаучным понятием, позволяющим выявлять, наиболее полно изучать и предлагать пути решения проблем человеческой деятельности, в том числе и такого сложного учебного труда.

Из представленного материала можем заключить, что при наличии только прямой связи информация, поступающая в управляющее устройство, не содержит сведений о состоянии управляемого объекта. И если педагог систематически не задействует обратную связь, то и управление учебным процессом идет вслепую, а значит получение качественных образовательных результатов остается под вопросом. Так, например, сообщение информации преподавателем на лекции, семинаре представляет прямую связь; реакция обучающихся на эту информацию может касаться восприятия, переработки информации посредством конструирования проблемных вопросов, что представляет обратную связь. Регулирование преподавателем состояния управляемой системой на основе анализа, синтеза полученной информации (конструирование проблемных вопросов, дополнение заданий, изменение методов, средств освоения содержания и пр.), получение информации о новом состоянии системы – вторичная обратная связь. Однако в учебном процессе чаще проявляется косвенная обратная связь, в большей степени имеющая психологический характер. В статье [8] подробно представлены критерии деления обратной связи на виды, где отражаются качественные характеристики этих связей. Развитие субъекта мышления в условиях сложной кооперации рассмотрено более подробно в монографии [9].

Задействование принципа обратной связи в учебном процессе, с одной стороны, позволяет качественно осуществить процесс постижения мыслящей способностью обучающегося содержания, дойти в этом пути до сути, до первопричины возникновения явления, понятия, а с другой – до обнаружения истинной «картины» понимания и усвоения обучающимися предмета. Процесс понимания запускается при реализации механизма перехода от сообщенных знаний к знаниям выводным, в совместном поиске разрешения поставленной проблемы, задачи. И в этом процессе велика роль системы заданий, постановку которых осуществляет преподаватель.

Система заданий, проблемных вопросов, отражающих всеобщие признаки окружающего мира (структура, движение, развитие, взаимосвязь) и законы логики, запускает процесс движения мысли в учебном процессе, а следовательно, определяет развитие мышления. Разработка системы заданий, то есть структурирование предметного содержания, представляет первый компонент дидактической системы – содержательный. Второй компонент – когнитивно-операциональный – направлен на работу с системой понятий, предусматривает анализ и синтез понятий, разрешение противоречия путем выведения нового знания как результата учебного труда. Третий компонент дидактической системы по организации учебного процесса – организационно-методический (организационно-коммуникативный) – предусматривает оптимальный выбор форм организации деятельности обучающихся и форм общения. На втором этапе дидактической системы важны освоение функций учебного труда субъектами познания (мыслительная (теоретическая), практическая (исполнительская), управленческая (синтез теоретической и практической), на третьем – форм учебного труда (индивидуальный труд, простая кооперация, сложная кооперация) и форм общения, предусматривающих переход от воздействия к взаимодействию и формирующих способность субъекта вступать в содержательные коммуникации. Такой подход содержательно и организационно описан в теории и технологии способа диалектического обучения [10]. Оценочно-регулятивный (четвертый) компонент направлен на материализацию самооценки, формирование внешнего и внутреннего побудительного мотивов познавательной деятельности. На этом этапе критерии оценки понятны и педагогу, и обучающимся, что позволяет разрешить противоречие между субъективной оценкой педагога и самооценкой обучающегося. Однако отметим, что между компонентами дидактической системы существуют связи и отношения, при которых первый компонент обуславливает качество второго компонента и так далее, то есть между компонентами существует обратная связь, определяющая качество организации учебного процесса и развитие субъекта мышления. В такой системе субъекты образовательного процесса обретают самостоятельность и свободу выбора как исследовательских заданий, так и вхождение в группу (самоопределение) по решению проблемы, задачи.

Дидактическая система, с одной стороны, задает структуру работы на учебное занятие, систему занятий, а с другой – предоставляет свободу самоопределения, выбора, гибко реагируя на продвижение в освоении предметного содержания как коллективом обучающихся, так и каждым индивидуально. Н.И. Кондаков отмечал: «*Теоретическое и научно-практическое значение понятия обратной связи* состоит в том, что теория систем с обратной связью дает возможность выразить на математическом и естественно-научном языке сложные, развертывающиеся во времени формы взаимодействия причин и следствий и, в частности, обратное влияние следствий на действующие причины» [11, с. 397]. В этом контексте реализация принципа обратной связи в образовательном процессе обеспечивает еще и проявление причинно-следственных связей, что позволит преподавателю осуществлять продуктивную деятельность в предупреждении ошибок, своевременно реагировать на необходимые изменения в процессе познания.

В рассмотренной дидактической системе образование представляет «форму непосредственного творчества (творения) человека». Учитывая идею Э.В. Ильенкова об индивидуальном как проявлении коллективного и идею К. Маркса в рассмотрении человека как совокупности общественных отношений, можем заключить, что «без удержания в сознании этого обстоятельства сознательная образовательная деятельность адекватно осуществиться не может» [12, с. 193]. Личность и формируется совокупностью тех отношений, которые реально включены в ее активные формы и ею воспроизводятся. Именно в отношениях, содержательных коммуникациях проявляется личность, ее свобода и субъектность, что представляет ключевую задачу педагогики.

В широком смысле обратная связь представляет движение, обратное прямой связи. Если по прямой связи ПРИРОДА (естественное бытие) – ОБЩЕСТВО (общественное бытие) – СОЗНАНИЕ (осознанное бытие) человек не ведает, что он творит, то напротив, по обратной связи человек творит, мыслит, способен осуществлять труд совместно с другими, не теряя себя, а обнаруживая и развивая (продуктивная обратная связь: СОЗНАНИЕ – ОБЩЕСТВО –

ПРИРОДА). В этих условиях совершается процесс расширенного воспроизводства знаний, что по сути представляет педагогику сотрудничества. Потому как задействуется логика процесса познания и природа самого обучающегося, изменение которой порождает Личность.

Отметим, что *методологическое значение обратной связи* заключается в том, что она необходима для анализа функционирования и развития образовательной системы. Ключевые уровни реализации принципа обратной связи (методологический, дидактический, психолого-педагогический) в образовательном процессе подробно описаны в работе [8, с. 302–303].

На основе проведенного исследования мы полагаем, что научная дидактика представляет фундаментальную науку, отражающую одновременную взаимосвязь психологии и философии, занимающуюся формированием, развитием культуры мышления. В этом контексте дидактический принцип обратной связи, тесно связанный с принципом противоречия, ориентирован на сознательное управление учебным процессом по формированию субъекта мышления, субъекта деятельности, способного осуществлять преобразование исследуемого предмета, тем самым преобразуя себя. Переход на основе обратной связи от сообщенных знаний к знаниям выводным, от простого воспроизводства знаний к расширенному обеспечивает развитие субъекта мышления. А выводное знание путем обратной связи есть качество, получение которого требует реализации современной дидактической системы, которая строится на философском фундаменте (научный метод познания, аналитико-синтетический характер деятельности педагога и др.), психологических закономерностях развития субъектов образовательного процесса.

Литература

1. Гегель, Г. В. Ф. Наука логики / Г. В. Ф. Гегель. – М. : Изд-во «Мысль», 1998. – 1072 с.
2. Философский словарь / под ред. М. М. Розенталя, П. Ф. Юдина. – М. : Политиздат, 1968. – 432 с.
3. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка : 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М. : Азбуковник, 1997. – 944 с.
4. Архангельский, С. И. Учебный процесс в высшей школе, его закономерные основы и методы : учеб.-метод. пособ. / С. И. Архангельский. – М. : Высш. Школа, 1980. – 368 с.
5. Большой экономический словарь / Под ред. А. Н. Азрилияна. – 4-е изд., доп. и перераб. – М. : Институт новой экономики, 1999. – 1248 с.
6. Крутецкий, В. А. Психология математических способностей школьников / В. А. Крутецкий. – М. : Просвещение, 1968. – 432 с.
7. Эрдниев, П. М. Преподавание математики в школе / П. М. Эрдниев. – М. : Просвещение, 1978. – 304 с.
8. Ищенко, Т. Н. Дидактический принцип обратной связи / Т. Н. Ищенко // European Social Science Journal. – 2014. – Т. 1 (50), № 11. – С. 297–304.
9. Ищенко, Т. Н. Развитие субъекта мышления в условиях сложной кооперации / Т. Н. Ищенко // Методологические проблемы развития мышления субъектов образовательного процесса : монография ; под общ. ред. Т. Н. Ищенко ; СибГУ им. М. Ф. Решетнева. – Красноярск, 2021. – С. 52–71.
10. Гончарук, А. И. Концепция школы XXI века (диалектика учебного процесса) : монография / А. И. Гончарук. – Красноярск : Краснояр. гос. ун-т, 2002. – 68 с.
11. Кондаков, Н. И. Логический словарь-справочник / Н. И. Кондаков. – М. : Наука, 1975. – 720 с.
12. Лобастов, Г. В. Философия как деятельная форма сознания / Г. В. Лобастов. – М. : НП ИД «Русская панорама», 2018. – 262 с.

Научно-методическое сопровождение педагога в школе и вузе

И.Е. МАЛОВА

Научно-методическое сопровождение педагога предусматривает взаимодействие с педагогом, направленное на актуализацию имеющегося у педагога методического опыта и дальнейшее его обогащение. В статье раскрыты этапы научно-методического сопровождения педагога на основе анализа учебного занятия или его фрагмента.

Ключевые слова: научно-методическое сопровождение, обучение математике, повышение квалификации, открытая познавательная позиция.

The scientific and methodical support of an educator provides for interaction with the educator, aimed at actualization the educator's methodical experience and further enriching it. The article reveals the stages of scientific and methodical support of an educator based on the analysis of a study lesson or its fragment.

Keywords: scientific and methodical support, teaching mathematics, professional development, open cognitive position.

Тезис «Кадры решают всё» актуален всегда и для любой сферы деятельности. Тезис предусматривает не только требования к подготовке кадров в рамках учебных заведений, но и непрерывный анализ профессиональной деятельности специалистов. К сожалению, в сфере педагогической деятельности учитель школы или преподаватель вуза остается один на один со своими профессиональными проблемами, со своими профессиональными успехами. Профессиональные проблемы есть и у начинающего, и у опытного педагога, поскольку обучающиеся меняются и ставят новые профессиональные задачи. Хорошо, если эти проблемы осознаются педагогом, тогда он пытается найти способы их решения у коллег, на форумах, в литературе, в экспериментальной работе. Хорошо, если профессиональные успехи обобщаются педагогом и находят способ распространения среди других.

Для иных ситуаций, на наш взгляд, необходимо научно-методическое сопровождение педагога. Такое сопровождение могли бы осуществлять завучи школ, заведующие кафедрами, наставники.

Наряду с термином «сопровождение» в психологической и педагогической литературе употребляются термины «поддержка», «коучинг», «наставничество», «помощь», «тьюторство». Однако в работе [1] обосновывается то, что понятие научно-методического сопровождения является самостоятельным понятием и не является синонимом таких понятий, как поддержка, помощь и др.

В работе [2] научно-методическое сопровождение деятельности учителя рассматривается как комплекс взаимосвязанных целенаправленных действий, мероприятий, направленных на оказание всесторонней помощи учителю в решении возникающих затруднений, способствующих его развитию и самоопределению на протяжении всей профессиональной деятельности. В данном определении мы поддерживаем направленность научно-методического сопровождения на помощь учителю по преодолению его профессиональных затруднений и деятельности в интересах учителя.

Необходимость оказания помощи учителю может быть вызвана не только затруднениями учащихся, но и новыми требованиями к образовательной системе (внедрение новых стандартов, новых технологий и пр.).

Так, в работе [2] научно-методическое сопровождение инициировано необходимостью внедрения в практику обучения инноваций и включает четыре этапа: *аналитико-диагностический этап*, предусматривающий выявление профессиональных затруднений учителя в реализации стратегии развития образовательного учреждения и определение задач научно-методического сопровождения; *проектировочный этап*, предусматривающий отбор

форм, методов, средств научно-методического сопровождения, разработку маршрута научно-методического сопровождения; *этап реализации маршрута*, предусматривающий научно-методическое сопровождение с использованием разнообразных форм и методов, коррекцию первоначального замысла, стимулирование к достижению цели; *контрольно-оценочный этап*, предусматривающий мониторинг результатов, рефлексия, оценку эффективности и постановку новой цели научно-методического сопровождения.

В.И. Снегурова, исследуя методическую систему дистанционного обучения математике, выделяет две подсистемы сопровождения: сопровождение сетевых педагогов, сопровождение сетевых учащихся. Выделено три вида сетевых педагогов: тьютор, выполняющий организационные функции, создатель учебно-методических материалов, сетевой учитель – тот, кто ведет учебные занятия. Введено определение сопровождения сетевого учителя: это осознанный системный процесс взаимодействия субъектов дистанционного обучения (методиста, создателя курса, психолога, куратора, сетевого учителя и сетевого ученика) в условиях информационно-образовательной среды, который направлен на оказание помощи сетевому учителю и сетевому ученику в конструировании и реализации процесса дистанционного обучения в рамках личностно ориентированной образовательной парадигмы [3, с. 134]. В этом определении мы поддерживаем согласованность научно-методического сопровождения не только с учителем, но и с учащимися. Автором выделены задачи сетевого учителя, которые можно рассматривать, на наш взгляд, как направления сопровождения педагога: конструирование индивидуальных образовательных маршрутов каждого учащегося; управление самостоятельной работой учащихся; организация занятий в режиме реального времени; инициирование обсуждений в режимах on-line и off-line; оценивание результатов деятельности учащихся и их коррекция; руководство проектной и исследовательской деятельностью учащихся в условиях дистанционного обучения [3, с. 135].

В монографии [4] раскрываются сущностные характеристики научно-методического сопровождения деятельности педагогов (научно-методическое сопровождение профессиональной деятельности педагога – это реализуемая в разнообразных формах и технологиях система взаимосвязанных функций, действий, процедур, мероприятий, обеспечивающих оказание квалифицированной помощи педагогу на протяжении всей его профессиональной карьеры), теоретические источники и предпосылки процесса научно-методического сопровождения, консультирование и супервизия в парадигме консультационной культуры. Одной из целей научно-методического сопровождения названо развитие «продуктивного специалиста», т. е. профессионала, способного постоянно обновлять свой поведенческий репертуар, обладающего чувством перспективы, разрабатывающего различные стратегии и стили профессионального поведения, адекватные контексту ситуации, признающего возможность альтернативных способов решения проблемных задач. Данный вывод согласуется с понятием «открытая познавательная позиция». Открытая познавательная позиция – одна из составляющих метакогнитивного опыта человека, отвечающая за инициирование познавательной деятельности [5], за побуждение учителя руководить процессом собственного методического роста [6, с. 31]. Выделены этапы научно-методического сопровождения: *этап планирования и подготовки*, предусматривающий выявление потребностей педагогов, разработку концепции сопровождения, поиск возможных источников поддержки и обучения, разработку пакета методических материалов сопровождения, определение критериев оценки эффективности сопровождения; *этап собственно сопровождения*, предусматривающий углубление знаний и развитие навыков специалиста, расширение профессионального репертуара поведения, актуализацию внутренних сил и резервных возможностей профессионала, информационно-аналитическую поддержку, обеспечение методическими разработками, помощь в поиске оптимальных технологий и методик, повышение уровня адаптации к профессионально-стрессовым ситуациям (инновационная деятельность, опытно-экспериментальная работа и т. д.), диагностирование и разрешение профессиональных конфликтов; *этап использования результатов обучения*, предусматривающий закрепление усвоенных стратегий и приобретенных навыков, привнесение изменений в практическую деятельность, развитие опыта ре-

шения профессиональных задач, анализ профессионально-педагогической деятельности и взаимное обучение специалистов; *этап последующих мероприятий и поддержки*, предусматривающий неформальный контроль и отслеживание изменений в деятельности специалиста (групп персонала, организации), корректировку модели профессионального поведения, расширение источников профессиональных инициатив и экспериментальных проектов, организацию информационного обмена и контактов между специалистами; *этап итогового анализа*, предусматривающий подготовку данных для итогового анализа и оценки эффективности процесса сопровождения, разработку рекомендаций по повышению качества обучения специалистов и сопровождения профессиональной деятельности, создание перспективных проектов и программ поддержки и сопровождения профессиональной деятельности специалистов.

Несмотря на то, что научно-методическое сопровождение педагога нашло свое отражение в научных работах разного уровня (статьи, монографии, диссертации), исследования могут быть продолжены, причем в разных направлениях. Например, в выборе средств диагностики методических затруднений педагога. Цель нашей работы – представить этапы научно-методического сопровождения педагога, основанные на анализе учебного занятия или его фрагмента.

Выделим три этапа научно-методического сопровождения педагога. Заметим, что эти три этапа повторяются циклично.

Этап 1. Диагностика методического опыта учителя.

Цель этапа – выявление имеющегося у педагога методического опыта. Как сказал И.Д. Лушников [7], важен анализ «конкретных вариантов педагогических процессов», разработанных педагогом. Этап диагностики предусматривает посещение или просмотр видеозаписи учебного занятия или изучение методической разработки его фрагмента.

Задачи этапа диагностики:

- 1) составить расширенный план учебного занятия, чтобы иметь содержательную основу для последующего анализа;
- 2) выявить методические находки учителя;
- 3) выявить проблемные ситуации обучения, вызванные ошибочными методическими действиями педагога.

Этап 2. Анализ учебного занятия.

Этап направлен на обогащение методического опыта педагога. Предлагаемые рекомендации по анализу учебного занятия и совершенствованию методического опыта педагога должны быть обоснованными (опираться на закономерности обучения или на опыт эффективного их внедрения) и технологичными в реализации, а не лозунгами.

На этом этапе сначала обсуждаются цели каждого этапа учебного занятия, его содержание и формы организации деятельности обучающихся.

Поскольку цель – это планируемый результат, то выявление результата каждого этапа учебного занятия и словесное его представление в формулировке этапа уже обогащает опыт педагога. Кроме того, нацеленность формулировки на результат отражает и содержание учебного занятия.

Сравним две формулировки: «Практическая часть» и «Выявление способа решения задач на...», где вместо многоточия указывается вид задач.

Вторая формулировка предусматривает два итоговых вопроса, отражающих результат этапа: 1) «С каким видом задач работали?»; 2) «Как решаются задачи этого вида?». А первая формулировка не отражает результата этапа.

Организация деятельности обучающихся является ключевым признаком методической деятельности педагога, поскольку методическая деятельность педагога – это деятельность по организации педагогического процесса, направленная на полноценно результативное освоение обучающимися соответствующего учебного предмета. Приведенное определение является расширением определения, представленного в автореферате [6, с. 10–11].

Обсуждение формы организации деятельности обучающихся на том или ином этапе учебного занятия и попытка коротко ее описать в формулировке этапа занятия способствуют обогащению методического опыта педагога.

Например, к формулировке этапа «Выявление способа решения задач на...» можно добавить различные способы организации деятельности обучающихся: а) через анализ учебника; б) через анализ теоретической основы решения (формулировки теоремы или формулы); в) через использование аналогии и др.

При изучении методической разработки фрагмента учебного занятия не только определяются его цели и содержание, но и анализируются учебные диалоги с обучающимися (мотивированы ли вопросы учителя, носят ли вопросы общий характер, позволяющий учащимся самостоятельно прийти к выводам или решить задачу и др.).

Дальнейший анализ этапа учебного занятия проводится в двух направлениях: анализируется методическая деятельность педагога; анализируется учебная деятельность обучающихся.

Для анализа методической деятельности педагога удобно составлять вопросы «Почему педагог...?», где вместо многоточия указывается методический прием педагога. При ответе на составленные вопросы методические решения педагога получают обоснование.

Например. Вопрос: «Почему учитель попросил учащихся по названию темы урока составить вопросы, на которые они планируют найти ответ?». Возможный ответ: «Составленные учащимися вопросы могут служить целями предстоящего и, возможно, последующего уроков, а также быть основой для составления плана урока».

Вопрос: «Почему преподаватель представил студентам план занятия, при этом соблюдал следующую структуру: отчет по материалам лекции; самостоятельная работа по решению задач на...; обсуждение заданий на...; подведение итогов занятия?». Возможный ответ: «Единая структура занятия и ее подтверждение на текущем занятии обеспечивает комфортность студентам из-за предсказуемости отдельных его этапов».

Анализ учебной деятельности обучающихся начинается с составления вопросов: «Почему учащиеся...?». Чаще всего вопросы направлены на выявление проблемных учебных ситуаций, которые указываются вместо многоточия. Ответ на вопрос позволяет определить их причины. А дальнейшее обсуждение – найти пути их преодоления.

Пример. Вопрос: «Почему учащиеся допустили ошибки в выборе уравнения окружности среди других записей?». Возможный ответ: «Потому что не были озвучены признаки распознавания уравнения окружности среди других».

Вопрос «Почему студенты списывают решение с доски, а не пытаются работать самостоятельно?». Возможный ответ: «Не могут решить самостоятельно, потому что не было обсуждения плана решения задания, не было предоставлено студентам возможности выполнить первый этап решения самостоятельно с последующей проверкой».

Этап 3. Обобщение методического опыта педагога.

На этом этапе выделяются направления дальнейшего обогащения методического опыта педагога.

Направления могут касаться методических находок педагога, а могут быть связаны с его методическими затруднениями, которые, в частности, могут быть вызваны учебными затруднениями обучающихся.

Отразить результаты этого этапа педагогу полезно в рамках текста. Это может быть текст публикации, текст методической разработки, текст методического комментария.

Сформулируем требования к организации научно-методического сопровождения педагога на основе анализа учебного занятия или его фрагмента.

1. Рассматривать учебное занятие или его фрагмент как средство диагностики методического опыта педагога и его обогащения.

2. Анализировать учебное занятие через конструирование формулировок его этапов, отражающих цель, содержание и форму организации деятельности обучающихся, через анализ методической деятельности педагога с использованием вопросов «Почему педагог...?» анализ учебных затруднений обучающихся с использованием вопросов «Почему обучающиеся...?».

3. Предоставлять педагогу значимые, технологичные и обоснованные методические рекомендации. Значимыми, на наш взгляд, рекомендациями являются те, которые приводят педагога к профессиональным успехам, а обучающихся – к учебным успехам.

Экспериментальная часть исследования была проведена со студентами и с учителями.

Со студентами осуществлялось индивидуальное сопровождение при подготовке ими методических проектов, а также сопровождение групповой работы магистрантов в рамках дисциплины «Научно-методическая работа в математическом образовании».

В прошлые годы были апробированы методические проекты по работе с задачей по математике и информатике, по работе с теоремой, по организации смыслового чтения учебника информатики. В 2021/2022 учебном году успешно реализованы методические проекты студентов по работе с отдельным параграфом учебника математики, информатики или физики: мотивация, введение и усвоение определения, алгоритма или утверждения; работа с задачей, организация смыслового чтения текста учебника. Хотя методические закономерности обучения, связанные с понятиями, умениями, теоремами, задачами, давно известны, их конкретизация является методической проблемой. Выполненные проекты обогатили не только методический опыт студентов, но и внесли вклад в разработку новых методических решений.

Анализируя результаты работы над проектами, студенты отметили, что создание проекта позволило: «лучше разобраться в механизмах введения, усвоения и закрепления учебного материала; понять, как правильно организовывать не только работу учащихся, но и работу самого учителя; реализовать умение работать с информацией с использованием ИКТ; получить большой толчок к самостоятельности, самодисциплине; сделать вывод, что в дальнейшем данный проект поможет выстроить планы уроков любого содержания, что объемная работа над проектом была как дополнительное образование» и др.

В рамках дисциплины «Научно-методическое сопровождение математического образования» студенты осуществляли поиск видеоуроков, связанных с темой магистерской диссертации. Последующий анализ уроков проходил в три этапа: самостоятельный анализ урока; анализ урока в диалоге с методистом; обобщение результатов анализа урока в рамках публикации.

Кроме того, магистры разрабатывали лекционные и практические занятия с учителями по проблемам магистерских исследований, которые можно было бы проводить в рамках курсов повышения квалификации.

Приведем некоторые отклики магистрантов как ответ на вопрос, какие выводы для себя сделали, изучая новую дисциплину: «Доводить рекомендации до технологий, чтобы учителя могли применить ее при работе с учащимися. Обсуждать методические затруднения в режиме методического штурма. Прделанная работа реально нужна завучу. Ощутили радость от того, что есть, куда расти» и др.

Общий вывод по работе со студентами: все студенты нуждаются в научно-методическом сопровождении; методический опыт студентов позволяет выявить как их затруднения, так и творческие решения.

Работа с учителями в 2021 г. была организована Северо-Кавказским центром математических исследований Владикавказского научного центра Российской академии наук под непосредственным руководством В.С. Абатуровой.

Нами были проведены две сессии воркшопа «Моделирование научно-методического сопровождения учителя» (12 и 19 ноября 2021 г. в режиме онлайн).

Аннотировался воркшоп следующим текстом: «Научно-методическое сопровождение предполагает оказание методической помощи другому учителю. Так поступают наставники молодых коллег, которые только пришли работать в школу. Задача опытного коллеги состоит в том, чтобы выявить и развить методический потенциал молодого учителя, передать ему опыт, методические знания, приёмы, подготовить его к изданию научной публикации или методической разработки. На воркшопе будет рассмотрен способ, каким образом нужно смотреть видеоурок или урок вживую, чтобы подготовить себя к выявлению потенциала учителя, его приёмов обучения, к обогащению собственного методического опыта и опыта молодого коллеги. В рамках методической мастерской участники посмотрят видеоурок по теме “Уравнение окружности”, затем разделятся на микрогруппы для анализа этого урока. Задача будет следующая: 1) выделить этапы урока и дать им анализ; 2) выявить методические приёмы учителя; 3) проанализировать проблемы, с которыми столкнулись учащиеся в ходе урока. Для подготовки к воркшоупу участникам желательно просмотреть записи своих конспектов по теме “Уравнение окружности” на примере учебника “Геометрии” Л.С. Атанасяна.

19 ноября (II сессия). В ходе второй сессии воркшопа будет обобщен опыт учителей – участников воркшопа по анализу урока. В рамках мастер-класса будет показан способ определения направлений для ряда научно-методических публикаций, которые можно подготовить на базе методического анализа просмотренного урока».

При подведении итогов занятий учителя отметили: «возможность повысить свой методический уровень за счет советов, полученных от спикеров, технологию анализа урока, активное подключение к обсуждению слушателей, структурирование организации урока и организации его обсуждения, целостность целей, содержания и организации, групповые домашние задания и групповые занятия в режиме онлайн, анализ методических решений слушателей, обсуждение методических подходов на практических ситуациях, возможность взаимодействия с людьми разного опыта, эмоциональную сторону занятия, после которого «вырастают крылья», возможность совместного проектирования, атмосферу общения, при которой можно смело задать вопрос и поучаствовать в обсуждении ответа» и др.

Заметим, что системное научно-методическое сопровождение учителя осуществлялось нами в 2000–2006 гг., когда в Брянском институте повышения квалификации работала трехгодичная Школа учителя математики.

Имеется и опыт научно-методического сопровождения педагога вуза, когда на кафедре была поставлена система открытых занятий, предусматривающая последующие методические обсуждения с выводами-перспективами индивидуальных методических исследований в рамках научных публикаций.

Литература

1. Винтер, Е. И. Вопросы организационно-стимулирующего сопровождения профессионально-творческой подготовки будущих специалистов / Е. И. Винтер // Высшее образование сегодня – 2008. – № 8. – С. 64–66.
2. Бобровникова, Е. Р. Научно-методическое сопровождение деятельности современного учителя / Е. Р. Бобровникова, С. Л. Фоменко // Педагогическое образование в России. – 2014. – № 2. – С. 49–53
3. Снегурова, В. И. Особенности проектирования методической системы дистанционного обучения математике / В. И. Снегурова // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2008. – № 52. – С. 124–136.
4. Певзнер, М.Н. Научно-методическое сопровождение персонала школы: педагогическое консультирование и супервизия : монография / М. Н. Певзнер, О. М. Зайченко ; под ред. М. Н. Певзнера, О. М. Зайченко. – Великий Новгород : НовГУ им. Ярослава Мудрого : Академия, 2002. – 315 с.
5. Холодная, М. А. Психология интеллекта : парадоксы исследования / М. А. Холодная. – 3-е изд., доп. и перераб. – М. : Издательство Юрайт, 2019. – 334 с.
6. Малова, И. Е. Непрерывная методическая подготовка учителя математики : автореф. дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.08 ; 13.00.02 / И. Е. Малова. – Ярославль, 2007. – 43 с.
7. Лушников, И. Д. Педагогические основы профессионально-личностного развития учителя на послевузовском этапе : дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.01 / И. Д. Лушников. – М., 1993. – 398 с.

Брянский государственный
университет им. академика И.Г. Петровского,
Южный математический институт
Владикавказского научного центра
Российской академии наук

Поступила в редакцию 15.04.2021

Теоретическая модель целевой потребностно-мотивационной сферы физической культуры учащихся

А.Н. МЕТЕЛИЦА

В статье представлена структура и содержание модифицированной теоретической модели целевой потребностно-мотивационной сферы физической культуры человека. Раскрыта структура и содержание потребности человека в телесности. Выявлено значение биогенного, социогенного и культурогенного факторов, определяющих структурные элементы потребности человека в телесности. Дано определение понятия целевой потребностно-мотивационной сферы физической культуры человека.

Ключевые слова: теоретическая модель, потребностно-мотивационная сфера, телесность, потребность в телесности, биогенный фактор, социогенный фактор, культурогенный фактор.

The article presents the structure and content of the modified theoretical model of the target need-motivational sphere of human physical culture. The structure and content of a person's need for physicality is revealed. The significance of nutrient, social and cultural factors that determine the structure of human needs in physicality is indicated. The definition of the concept of the target need-motivational sphere of human physical culture is given.

Keywords: theoretical model, need-motivational sphere, physicality, need for physicality, biogenic factor, sociogenic factor, cultural factor.

Одной из доминирующих задач современной системы физического воспитания Республики Беларусь является формирование потребностно-мотивационной (ПМ) сферы физической культуры учащихся. Это связано с тем, что ПМ сфера физической культуры учащихся является главной движущей силой, определяющей степень их реальной включенности в физкультурную деятельность. Дело в том, что не имея сбалансированной системы физкультурных потребностей и мотивов, учащиеся не будут активными и заинтересованными участниками физкультурной деятельности, что в последствии отрицательно отразится на формировании их физической культуры и состоянии здоровья.

Однако, для того чтобы успешно справляться с задачей по формированию ПМ сферы физической культуры учащихся, специалистам, занимающимся физическим воспитанием подрастающего поколения, необходимо понимать, что она собой представляет в структурном и содержательном отношении.

Проблеме формирования ПМ сферы физической культуры учащихся посвящены работы таких ученых, как А.В. Лотоненко, О.Ю. Масалова, В.Н. Старченко, В.В. Койносов, К.Н. Верховцев, Ю.С. Молчанова, Л.В. Закурин, М.Е. Кутепов, Н.М. Куликов, Е.С. Шеенко, Е.Г. Еделева, Н.В. Ерохова, В.В. Пятков, Е.Э. Афанасенко, А.В. Камальдинова, В.С. Матвеев и др.

Вместе с тем анализ научно-методической литературы показал, что среди ученого сообщества нет единых теоретических представлений относительно структуры и содержания ПМ сферы физической культуры человека. К ПМ сфере физической культуры ученые относят любые потребности и мотивы, совокупность которых побуждает человека осуществлять физкультурную деятельность. Такое понимание ПМ сферы физической культуры по большей части характеризует реальную ПМ сферу, чем целевую. В реальной ПМ сфере могут присутствовать не только физкультурные мотивы, но и множество других мотивов, которые с физкультурной деятельностью прямо не связаны. Такое состояние характерно для несформированной ПМ сферы физической культуры и смысл педагогической работы как раз и состоит в том, чтобы по результатам диагностики состояния ПМ сферы физической культуры учащихся продумать и реализовать систему педагогических воздействий, направленных на ее приближение к целевой ПМ сфере.

Но поскольку среди ученых отсутствуют единые теоретические представления относительно структуры и содержания ПМ сферы физической культуры человека, то данное обстоятельство не позволяет целенаправленно ее формировать.

В научной литературе встречается определение понятия «физкультурные потребности».

Так, например, Ю.С. Молчанова физкультурные потребности определяет как фундаментальные свойства личности человека, состояния психики субъекта, отражающие нужду в достижении физического совершенства через физкультурную деятельность [1].

В.В. Койносов и И.И. Сулейманов все физкультурные потребности классифицировали на три группы: материальные, социальные и духовные.

К материальным потребностям ученые относят: «потребность в укреплении здоровья, в благотворном воздействии природно-оздоровительных факторов, в формировании двигательных умений и навыков, в экономизации сил при занятиях физической культурой, потребности в двигательной активности».

К социальным – «потребность в общении в процессе занятий, принадлежности к физкультурно-спортивной группе, оказании взаимопомощи при выполнении физических упражнений, спортивных достижениях».

К духовным – «потребность в познании явлений и феноменов физического воспитания, в творческом отношении к занятиям физической культурой, в формировании знаний по физической культуре» [2].

К.Н. Верховцев в структуре физкультурных потребностей выделяет витальный, социальный и идеальный компоненты.

К витальному компоненту ученый относит потребность в укреплении здоровья, потребность в движении, потребность в освоении новых движений, потребность в благотворном воздействии природно-оздоровительных факторов, потребность в улучшении своего телосложения, потребность в развитии своих физических качеств.

К социальному компоненту – потребность в общении, в совместных занятиях с другими людьми, потребность в социальном положении в группе, потребность в умении постоять за себя, потребность в достижении спортивных результатов, потребность в обретении новых друзей-физкультурников.

К идеальному компоненту – потребность в познании закономерностей физического воспитания, потребность в познании возможностей своего тела и разума через физкультурно-спортивную деятельность, потребность в приобретении знаний, в открытии нового, потребность в повышении положительного эмоционального состояния посредством физкультурно-спортивных занятий [3].

В.Н. Старченко, исходя из структурно-функциональной модели физической культуры человека, в структуре ПМ сферы выделяет шесть системных физкультурных потребностей, а именно: потребность в физкультурной деятельности, потребность в физической подготовленности, потребность в двигательных умениях и навыках, потребность в физкультурных знаниях, потребность в физкультурном мышлении и потребность в физкультурной среде [4], [5].

Физкультурные мотивы, так же как и физкультурные потребности, имеют множество классификаций. Так, например, большую популярность получила классификация, в соответствии с которой все физкультурные мотивы подразделяются на следующие группы:

- внутренние мотивы, связанные с удовлетворением как от самого процесса, так и от содержания деятельности;
- внешние положительные мотивы, связанные с результатами деятельности;
- внешние отрицательные мотивы (страх получить низкую отметку);
- перспективные мотивы, связанные с развитием физических качеств, коррекцией телосложения, формированием различных двигательных умений, необходимых для той или иной профессиональной деятельности и др. [6].

Е.П. Ильин все физкультурные мотивы условно делит на общие и конкретные. В первом случае учащиеся не конкретизируют, в какую конкретно физкультурную деятельность им включиться. Во втором случае учащиеся отдают предпочтение любимым видам спорта, определенным физическим упражнениям или форме проведения занятий [7].

В.Н. Старченко выделяет шесть групп физкультурных мотивов, каждая из которых связана с одной из шести физкультурных потребностей [4]. Например, потребность в физической подготовленности может конкретизироваться в таких мотивах, как желание быть самым сильным, ловким, гибким и выносливым, желание повысить уровень своей физической подготовленности, желание длительное время выдерживать большие физические нагрузки и т. п.

Принимая во внимание различные научные трактовки относительно понимания структуры и содержания ПМ сферы физической культуры человека, в нашей работе считаем целесообразным придерживаться теоретической модели этой сферы, разработанной В.Н. Старченко [4], [5].

Данная модель (по В.Н. Старченко) нами была модифицирована путем включения в ее структуру потребности в телесности.

Необходимость в данной модификации вызвана тем, что тело выступает в качестве инструмента двигательной (в частности физкультурной) деятельности человека. При этом любая осуществляемая человеком двигательная деятельность во всех случаях актуализирует потребность в телесности. В связи с чем потребность в телесности также должна входить в структуру целевой ПМ сферы физической культуры человека.

В научной литературе проблема телесности человека широко представлена в работах И.М. Быховской, Т.Н. Буйко, В.И. Столярова и др.

И.М. Быховская телесность определяет, как «преобразованное под влиянием социальных и культурных факторов тело человека, обладающее социокультурными значениями и смыслами и выполняющее определенные социокультурные функции» [8].

Т.Н. Буйко под телесностью понимает тело, приобретающее в дополнение к своим изначально данным, естественным характеристикам те свойства и качества, которые порождены спецификой социокультурной среды, определяющей условия существования [9, с. 260].

В нашей работе мы рассматриваем телесность как соматическую компоненту человека, рассматриваемую ее в контексте как двигательной функции, так и в контексте ее социального значения. Рассматривая телесность в качестве инструмента (средства) двигательной деятельности, она может быть описана антропометрическими характеристиками и двигательными возможностями тела, а в социальном контексте – характеристиками эстетическими и социально-статусными.

Посредством тела человек связан с окружающим миром и с помощью тела он способен этот мир преобразовывать. В известной мере тело выступает индикатором различных составляющих (физического, психического, интеллектуального и духовного) развития человека.

Телесность человека также имеет и эстетическое значение. Эстетический компонент телесности оказывает существенное влияние на социальный статус человека в обществе. Например, положительно воспринимается человеческое тело, имеющее правильное сложение, пропорциональное развитие его частей, гармонично развитую мускулатуру, легкость и пластичность движений, отсутствие скованности и закрепощенности в движениях и позах, стройную фигуру и красивую осанку. И, наоборот, отрицательно воспринимается физически не развитое тело, имеющее избыточный вес, недостаточность тонуса мускулатуры, плохую координацию и закрепощенность в движениях, плохую осанку.

Несмотря на явную значимость потребности в телесности в составе потребностей человека ее структура и содержание не получили должного научного изучения.

Исходя из наших представлений о телесности человека, представим структуру этой потребности и факторы, на нее влияющие, более подробно. В структурном отношении потребность в телесности состоит из двух компонентов: потребности в теле, адекватном требованиям двигательной деятельности и потребности в эстетической составляющей тела (рисунок).

Из представленного рисунка следует, что потребность в телесности индуцируется биогенным фактором, связанным с тем, что человеку, для того чтобы осуществлять двигательную деятельность, необходимо тело (опорно-двигательный аппарат), являющееся средством движения. С внешней стороны опорно-двигательный аппарат характеризуется такими антропометрическими параметрами тела человека как рост, вес, размеры и объем частей тела и др.

Потребность в эстетической составляющей телесности порождается преимущественно социогенным фактором. При этом эстетическая составляющая телесности характеризуется не только особенностями формы тела, но и красотой выполняемых движений и принимаемых поз. Эстетические характеристики телесности непосредственно связаны с антропометрическими, являясь их качественными оценками с позиций представлений человека о красоте.

Потребность в теле, адекватном требованиям двигательной деятельности, индуцируется культурогенным фактором. Человеческая деятельность осуществляется посредством культуры, которая может быть представлена как совокупность способов деятельности [10].

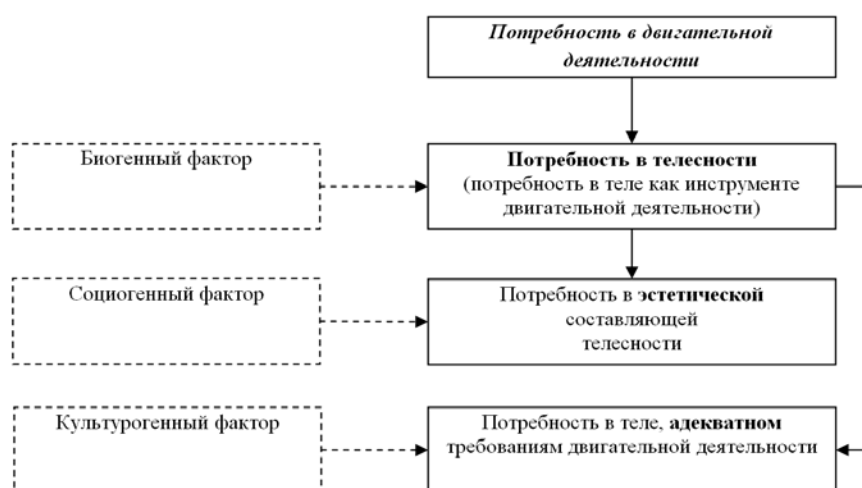

Рисунок – Структура потребности человека в телесности

Человек буквально формируется, существует и действует в социокультурной среде, им же и создаваемой. При этом как особенности телесности человека обуславливают деятельность, так и сама деятельность приспосабливает под свои условия тело человека. Человеческая культура, развиваясь, предъявляет к телесности человека новые требования, изменяя способы его деятельности. Естественным образом возникает необходимость в изменении содержания двигательных умений и навыков, уровня физической подготовленности, знаний и двигательного мышления человека.

Потребность в телесности может быть конкретизирована во множестве физкультурных мотивов. Например, такими мотивами могут быть: желание иметь эстетически красивое и пропорционально развитое тело; желание иметь тело, адекватное условиям осуществляемой деятельности; желание иметь правильную осанку; желание иметь крепкое и физически здоровое тело и т. п.

Учитывая вышесказанное, потребность в телесности включена нами в теоретическую модель целевой ПМ сферы физической культуры человека.

При этом целевая ПМ сфера физической культуры человека нами определяется как системное единство, обусловленных теоретической моделью физической культуры человека, внутренних физкультурных потребностей и мотивов, побуждающих его к активному участию в физкультурной деятельности.

В таблице представлена структура и примерное содержание модифицированной теоретической модели целевой ПМ сферы физической культуры человека.

Таблица – Структура и примерное содержание модифицированной теоретической модели целевой ПМ сферы физической культуры человека

№	Физкультурные потребности	Физкультурные мотивы
1	Потребность в физкультурной деятельности	Желание быть физически культурным
		Желание соответствовать идеалу физически совершенной личности
		Желание быть адекватным в двигательном отношении требованиям жизни, учёбы, профессии
2	Потребность в двигательных умениях и навыках	Желание выполнять различные (в том числе жизненно необходимые) двигательные действия
		Желание научиться распространённым и популярным физическим упражнениям
		Желание выполнять физические упражнения технически правильно и красиво
3	Потребность в физической подготовленности	Желание быть сильным, выносливым, быстрым, ловким, гибким...
		Желание быть самым сильным, выносливым, быстрым, ловким, гибким...
		Желание выполнять некоторые физические или соревновательные упражнения лучше (интенсивнее) других
4	Потребность в физкультурных знаниях	Желание знать ответы на вопросы, связанные с теорией и практикой физической культуры, ее историей
		Желание самому управлять своим (или чужим) физическим развитием и физическим совершенствованием
		Желание овладеть физкультурной грамотностью

Окончание таблицы

5	Потребность в физкультурном мышлении	Желание понимать и уметь анализировать знаковые системы физкультурного пространства
		Желание заниматься научно-исследовательской деятельностью в области физической культуры
		Желание овладеть логикой физкультурного мышления и деятельности, стать теоретиком физической культуры
6	Потребность в физкультурной среде	Желание пользоваться спортивными сооружениями
		Желание обладать спортивной формой и атрибутикой (вымпелами, значками, медалями...)
		Желание общаться (в том числе играть и соревноваться) с другими физкультурниками и спортсменами
		Желание получать и передавать информацию о событиях в физкультурно-спортивном пространстве
		Желание чувствовать причастность к физкультурной группе, команде, коллективу
		Желание получать удовольствие от движений
7	Потребность в телесности	Желание иметь тело, адекватное требованиям двигательной деятельности
		Желание иметь эстетически привлекательное тело
		Желание иметь здоровое тело

В таблице приведены целевые физкультурные потребности и некоторые соответствующие им физкультурные мотивы. Представленная модифицированная теоретическая модель ПМ сферы физической культуры человека является целевой и была нами использована при разработке как методики ее диагностики, так и методики ее формирования.

Литература

1. Молчанова, Ю. С. Формирование потребностей к занятиям физической культурой у школьников 14–15 лет : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.04 / Ю. С. Молчанова. – Белгород, 2007. – 153 л.
2. Койносов, В. В. Формирование потребности в физической культуре у учащихся младшего школьного возраста : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.04 / В. В. Койносов. – Омск, 1992. – 227 л.
3. Верховцев, К. Н. Структура физкультурно-спортивных потребностей различных социально-демографических групп городского населения : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.04 / К. Н. Верховцев. – Тюмень, 2001. – 156 л.
4. Старчанка, У. М. Структура і змест патрэбасна-матывацыйнай і каштоўнаснай сфер фізічнай культуры чалавека / У. М. Старчанка // Проблемы физической культуры населения, проживающего в условиях неблагоприятных факторов окружающей среды : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 60-летию фак. физ. культуры, Гомель, 8–9 окт. 2009 г. : в 2 ч. / Гомел. гос. ун-т [и др.] ; редкол.: О. М. Демиденко (пред.) [и др.]. – Гомель, 2009. – Ч. 1. – С. 176–179.
5. Старчанка, У. М. Спартыўная метралогія : вучэб. дапам. / У. М. Старчанка. – Гомель : ГДУ, 2017. – 282 с.
6. Фурманов, А. Г. Оздоровительная физическая культура : учебник / А. Г. Фурманов, М. Б. Юспа. – Минск : Тесей, 2003. – 526 с.
7. Ильин, Е. П. Психология физического воспитания : учеб. пособ. / Е. П. Ильин. – М. : Просвещение, 1987. – 287 с.
8. Быховская, И. М. Homo somaticus : аксиология человеческого тела / И. М. Быховская. – М. : Эдиториал УРСС, 2000. – 204 с.
9. Буйко, Т. Н. Человеческая телесность в глобализирующемся мире : достижения постклассической философии и практика физического воспитания / Т. Н. Буйко // Философия в Беларуси и перспективы мировой интеллектуальной культуры : материалы Междунар. науч. конф. к 80-летию Ин-та философии НАН Беларуси, Минск, 14–15 апр. 2011 г. / НАН Беларуси, Ин-т философии ; науч.-ред. совет: А. А. Лазаревич (пред.) [и др.]. – Минск, 2011. – С. 259–261.
10. Старчанка, У. М. Сутнасць дзейнаснага падыхода і яго значэнне для педагогічнай тэорыі і практыкі / У. М. Старчанка // Становление социальной и профессиональной компетентности личности : сб. науч. ст. / Гомел. гос. ун-т ; редкол.: Ф. В. Кадол (науч. ред.), В. П. Горленко (отв. ред.). – Гомель, 2012. – С. 95–102.

Использование индивидуальных биомеханических моделей в процессе управления технической подготовкой квалифицированных спортсменов, специализирующихся в легкоатлетическом многоборье

Е.С. НЕЦВЕТАЕВА, В.А. БОРОВАЯ, Е.П. ВРУБЛЕВСКИЙ

Настоящее исследование посвящено поиску новых путей совершенствования технического мастерства квалифицированных спортсменов, специализирующихся в легкоатлетическом многоборье. Выявленные в результате исследования отличительные особенности техники многоборья в отдельных дисциплинах семиборья могут способствовать разработке групповых биомеханических моделей. Авторы аргументировали целесообразность применения индивидуальных биомеханических модельных показателей, которые служат основой для формирования управляющих тренировочных воздействий, направленных на совершенствование технической подготовки спортсменов.

Ключевые слова: семиборье, техническая подготовка, биомеханическая модель.

This study is devoted to the search of new ways to improve the technical skills of qualified athletes specializing in track and field multiathlon. The distinctive features of the multi-turn technique revealed as a result of the study in individual disciplines of the heptathlon can contribute to the development of group biomechanical models. The authors argued the expediency of using individual biomechanical model indicators, which serve as the basis for the formation of control training actions aimed at improving the technical training of athletes.

Keywords: heptathlon, technical training, biomechanical model.

Введение. В настоящее время большинство ведущих многоборков обладают достаточным уровнем подготовленности, позволяющим им при высоком коэффициенте ее реализации достичь высоких спортивных результатов. Но очень часто, даже прикладывая много сил и времени, чтобы реализовать достигнутый уровень развития функциональных возможностей, они так и не могут добиться желаемого результата. Для того, чтобы спортсменки в полной мере могли использовать свой двигательный потенциал, с минимальными потерями энергии и сил, которые необходимы для ведения изнурительной двухдневной борьбы с соперницами и прогрессирующей усталостью, им необходимо обладать стабильной техникой выполнения всех дисциплин, входящих в многоборье [1], [2].

Прежде всего, необходимо расширить само понятие технического мастерства. В него должно включаться совершенствование не только самой техники, но и процесса управления ею, основанное на создании индивидуальных биомеханических моделей, являющихся ориентировочной основой действия в технической подготовке спортсменов [3], [4], [5], [6]. Индивидуальные биомеханические модели семиборья формируются на основе их индивидуальных антропометрических, психофизиологических, морфофункциональных и других особенностей. В зависимости от этого конвертируется индивидуальная техническая манера и стиль спортсменов. При этом важное значение имеет организация тренирующих воздействий в годичном цикле и на его структурных образованиях [7], [8], а также учет биоритмики организма спортсменов [9], [10], [11], [12].

Анализ специальной литературы продемонстрировал отсутствие исследований, посвященной проблеме совершенствования технического мастерства квалифицированных семиборков.

Цель исследования заключается в теоретическом обосновании применения индивидуальных биомеханических моделей, как основы управления технической подготовкой квалифицированных спортсменов, специализирующихся в легкоатлетическом многоборье.

Основная часть. Особой техники для семиборья не существует. Но если сравнить технику выполнения одних и тех же легкоатлетических упражнений у спортсменов, специализирующихся в отдельных дисциплинах легкой атлетики и многоборьями, то можно обнаружить существенные различия в кинематических и динамических характеристиках выполне-

ния данного упражнения, а самое главное – в конечном результате действия. Такие различия предопределены, прежде всего, технической подготовленностью спортсменов, что и определяет степень реализации их двигательного потенциала.

Наряду с отличиями в технике скоростно-силовых дисциплин, входящих в семиборье, есть ряд общих закономерностей и в организации двигательной деятельности спортсменов в этих видах легкой атлетики. Выявление общих механизмов, лежащих в их основе, особенно важно в семиборье, поскольку многоборки не могут себе позволить столько времени тренировать отдельные виды многоборья так, как это делают прыгуны, метательницы или бегуны. По нашему мнению, разработка рациональных вариантов двигательных действий с целью достижения запланированного спортивного результата является одним из неиспользованных ресурсов [13], [14], [15], [16], [17], [18], способным оптимизировать механизм управления технической подготовкой семиборок.

На первом этапе следует разработать групповые биомеханические модели для каждой спортивной дисциплины, входящей в легкоатлетическое семиборье. Для решения поставленной задачи необходимо установить специфические механизмы реализации двигательных действий в анализируемых дисциплинах и выявить отличительные особенности техники семиборок и тех, кто специализируется только в этих, конкретных спортивных упражнениях. С этой целью проводится анализ кинематических и динамических характеристик техники ведущих спортсменов мира в дисциплинах легкой атлетики, входящих в семиборье, и сравнение данных характеристик в тех же дисциплинах легкой атлетики, но показанных сильнейшими многоборками.

Рассмотрим отличительные особенности техники спортсменов, специализирующихся в легкоатлетическом семиборье, на примере метания копья.

В качестве испытуемых мы взяли участниц последнего командного Чемпионата Европы по многоборьям 2019 г., проходившем в украинском городе Луцке. Анализировались попытки спортсменов, чья итоговая сумма превысила 5300 очков [19]. Из 32 участниц 17 спортсменкам удалось преодолеть этот рубеж.

Видеоанализ соревновательных бросков и анализ исследуемых характеристик позволил выявить основные отличия копьеметательниц при постановке правой ноги (опорная нога для праворуких метателей) на поверхность (одноопорная фаза) в начале финального усилия. К ним относятся:

а) недостаточный «обгон» снаряда. Так, у 11 семиборок во время постановки опорной ноги проекция ОЦМ находилась над стопой, о чем свидетельствует малая величина угла коленного сустава опорной ноги – $125,59 \pm 8,88^\circ$, у сильнейших копьеметателей (чемпионат мира 1999 г.) он варьируется от 158 до 178° [20]. Отсутствие «обгона» снаряда лишает спортсменов-многоборок возможности использовать в броске энергию упругой деформации мышечно-сухожильных структур;

б) большой угол отклонения тела от вертикали у многоборок – $19,47 \pm 5,92^\circ$. У финалисток ЧМ-2009 он варьируется от $4,9^\circ$ до $16,4^\circ$. Чемпионка Ш. Нериус отклонилась на $12,2^\circ$, призеры Б. Шпотакова на $13,4^\circ$ и М. Абакумова на $10,8^\circ$, также как и М. Стойян, занявшая 4 место [21]. Большой угол отклонения туловища от вертикали ведет к значительной потере горизонтальной скорости;

в) только у 6 спортсменов, выступающих в Луцке, угол локтевого сустава более 150° , у остальных средний показатель равен $131,45 \pm 11,62^\circ$. Это свидетельствует о том, что бросок выполняется согнутой рукой, наблюдается уменьшение рычага воздействия на снаряд, а также уменьшение длины рабочего пути при выполнении финального усилия. Малый угол говорит о стремлении многоборок выполнить бросок только мышцами одной руки.

В результате проведенного анализа были выявлены закономерности, не позволяющие семиборкам реализовать свои двигательные и функциональные возможности при выполнении броска [6], [22], [23]:

– после постановки правой ноги на опору отсутствует подфаза амортизации. Внешне она выражается в некотором сгибании опорной ноги и приближении таза к опоре. А внутреннее содержание этой подфазы заключается в уступающей работе мышц и последующем проявлении взрывного характера их работы;

– слишком длинная подфаза амортизации ведет к потере горизонтальной скорости и «провалу» на правой ноге, в результате чего спортсмен «переползает» с правой ноги на согнутую левую;

– отсутствует взятие копыя «на себя», что приводит к нарушению последовательного включения мышц тела и укорочению кинематической цепи, т. е. бросок выполняется без включения сильных мышц туловища;

– у многих спортсменов отсутствует двухопорное положение.

В толкании ядра анализируется скорость вылета снаряда, высота вылета снаряда, угол вылета и результат. Скорость вылета снаряда у толкательниц в среднем на 40 % выше, а дальность полета ядра на 5 м больше, чем у семиборок. Выраженность отличий в технике наблюдается и при анализе временной структуры упражнения: длительность фазы разгона ядра и финальной фазы у семиборок значительно больше и потери в фазе разгона настолько велики, что не могут быть компенсированы в заключительной части толчка.

В барьерном беге наибольшие различия между барьеристками и семиборками наблюдаются в опорном периоде после схода с барьера. Длительность опоры после схода с барьера у семиборок почти на 30 % больше, чем у барьеристок.

Техника прыжка в длину, которую демонстрируют семиборки, имеет свои особенности по сравнению с техникой тех прыгунь, которые специализируются только в этой дисциплине. Это, прежде всего, касается организации временной структуры последних трёх шагов разбега, которая в значительной степени влияет на эффективность отталкивания, а следовательно, и на конечный результат прыжка.

При несущественных различиях в линейных размерах трех последних шагов разбега их длительность у семиборок значительно больше в основном за счет увеличения времени опорных фаз. В разбеге и подготовке к отталкиванию перед спортсменкой ставится задача – добиться оптимальной горизонтальной скорости тела к началу отталкивания и создать условия для образования вертикальной составляющей скорости вылета тела. Величина скорости разбега тем больше к индивидуальному максимуму, чем выше скоростно-силовые возможности мышц нижних конечностей, особенно толчковой ноги. Существуют значительные различия в наклоне туловища у прыгунь и семиборок в момент постановки толчковой ноги на брусек. Взаимное расположение туловища и бедра опорной ноги оказывает различное влияние на противодействие силам, возникающим в начале фазы амортизации, а также на формирование результирующего вектора сил при отталкивании. В начале фазы амортизации угол в коленном суставе опорной ноги у семиборок меньше, а маховой – значительно больше. Такое соотношение создает худшие предпосылки перехода из фазы амортизации в фазу отталкивания, так как при таких условиях происходят потери в мощности отталкивания и в использовании инерционных сил, возникающих при движении маховой ноги [24].

Сравнительный анализ техники подготовки к отталкиванию у прыгунь в длину и семиборок показывает, что основные резервы в росте результатов у многоборок связаны с повышением скорости разбега и эффективности отталкивания, которые в определяющей степени зависят от скоростно-силовых возможностей спортсменки [24], [25].

Выявленные в результате исследования отличительные особенности техники многоборок в отдельных видах дисциплин семиборья могут способствовать разработке групповых биомеханических моделей. Для корректировки управляющих воздействий технической подготовкой необходимо адаптировать полученную модель под конкретную спортсменку. При этом разработка индивидуальных биомеханических моделей технической подготовки требует наличие необходимой точной количественной информации о показателях специальной подготовленности, полученной в процессе проведения этапных и текущих обследований. Для этого необходимо выявить:

– уровень развития следующих координационных способностей многоборки: способность к управлению временными, пространственными и силовыми параметрами движений; способность к сохранению равновесия; чувство ритма; способность к ориентированию в пространстве; способность к произвольному расслаблению мышц; координированность движений (ловкость);

– уровень специальной физической подготовки;

– силовые характеристики основных мышечных групп;

– состав тела спортсменки и других морфологических показателей;

– функциональные показатели;

– состояние здоровья.

Сопоставляя индивидуальные показатели специальной подготовленности с модельными групповыми параметрами, специалисты оценивают уровень технической подготовленности конкретных спортсменов в каждой дисциплине многоборья, определяют перспективные направления их технической подготовки, резервы роста мастерства. При этом научно-обоснованная разработка индивидуальных биомеханических модельных показателей служат основой для формирования точных управляющих тренировочных воздействий, направленных на совершенствование технической подготовки спортсменов [5], [6], [26], [27], [28].

Заключение. Техническая подготовка имеет для многоборков исключительно большое значение. В совершенстве изучить технику всех семи видов очень трудно и даже сильнейшие семиборки мира в некоторых дисциплинах выступают относительно слабо. Они много работают над совершенствованием техники отстающих видов, но очень трудно избавиться от укоренившихся ошибок. Поэтому правильную технику всех дисциплин семиборья нужно изучить еще в юные годы, когда эта задача легко выполнима. Недостатки в технике выполнения отдельных видов многоборья довольно часто связаны с неправильным пониманием содержания двигательного действия, формирование которого должно строиться на усвоении кинематической и динамической структур упражнения.

Кинематическая структура детерминирует в сознании обучающегося конечную цель действий, а динамическая – создает условия воспроизведения необходимого ритма, то есть организует силы для решения двигательной задачи. В организацию сил входят величина и направление развиваемых усилий, акцентируемые моменты, которые требуют регламентированного проявления силовых качеств (например, быстрота нарастания силы), последовательность включения в работу отдельных мышечных групп (мышечная координация), создание оптимальных условий для работы мышц (амплитуда движений), использование инерционных и гравитационных сил, а также сил упругой деформации мышц и сухожилий, формирование механизмов передачи движения и др. [29].

Применение индивидуальных биомеханических моделей, как ориентира при формировании точности воспроизведения кинематических и динамических структур соревновательного упражнения, в процессе управления технической подготовкой квалифицированных спортсменов, специализирующихся в легкоатлетическом многоборье, позволит оптимизировать тренировочный процесс и добиться максимального использования моторного потенциала во всех дисциплинах семиборья, что обеспечит улучшение их спортивной результативности.

Литература

1. Севдалев, С. В. Индивидуализация в подготовке квалифицированных спортсменов, специализирующихся в комплексных видах многоборий / С. В. Севдалев, М. С. Кожедуб, Е. А. Алейник // Известия Гомельского гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2021. – № 2 (125). – С. 31–37.
2. Севдалев, С. В. Особенности предсоревновательной подготовки квалифицированных спортсменов, специализирующихся в современном пятиборье / С. В. Севдалев, Е. П. Врублевский, М. С. Кожедуб // Физическая культура и спорт в современном мире к 70-летию факультета физической культуры : сб. науч. ст. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2019. – С. 378–381.
3. Гавердовский, Ю. К. Обучение спортивным упражнениям. Биомеханика. Методология. Дидактика / Ю. К. Гавердовский. – М. : Физкультура и спорт, 2007. – 912 с.
4. Врублевский, Е. Тренироваться много или правильно? Управление тренировочным процессом квалифицированных метательниц молота / Е. Врублевский, А. Селезнев, А. Свиринов // Легкая атлетика. – 2002. – № 6. – С. 19.
5. Боровая, В. А. Формирование способности к точному выполнению соревновательного действия как основа технической подготовки копьеметателей / В. А. Боровая, Е. П. Врублевский // Вісник Чернігівського нац. ун-ту ім. Т.Г. Шевченка. – 2011. – № 91. – С. 142–146.
6. Боровая, В. А. Анализ технической подготовленности высококвалифицированных семиборков в метании копья / В. А. Боровая // Ученые записки БГУФК. – 2020. – Вып. 23. – С. 21–26.
7. Костюченко, В. Ф. Особенности индивидуальной тренировочной деятельности спортсменов высокой квалификации в годичном цикле подготовки / В. Ф. Костюченко, Е. П. Врублевский // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. – 2009. – № 3 (49). – С. 39–43.
8. Мирзоев, О. М. Психофизиологические и биохимические аспекты тренировочной и соревновательной деятельности легкоатлетов. Пути повышения спортивной работоспособности спринтеров и барьеристов : учеб.-метод. пособ. / О. М. Мирзоев, В. У. Аванесов, Е. П. Врублевский. – М., 2007. – 125 с.

9. Балахничев, В. В. Отбор и подготовка спортсменов в легкой атлетике с позиции полового диморфизма / В. В. Балахничев, Е. П. Врублевский, О. М. Мирзоев // Теория и практика физической культуры. – 2007. – № 4. – С. 11–15.
10. Индивидуализация тренировочного процесса легкоатлетов, специализирующихся в беге на разные дистанции, на основе учета биоритмики их организма / С. В. Севдалев, М. С. Кожедуб, Е. П. Врублевский, Е. Д. Митусова // Теория и практика физической культуры. – 2020. – № 5. – С. 83–85.
11. Vrublevskiy, E. Influence of the organism biorhythms of the qualified women-runners for short distances on their movement abilities dynamics. pedagogical sciences : theory, history and innovative / E. Vrublevskiy, M. Kozhedub, S. Sevdaliev // Technologies. – 2018. – Т. 3, № 77. – P. 38–45.
12. Vrublevskiy, E. The level of specific motor properties in the individual phases of the menstrual cycle among young sportswomen practicing sprints / E. Vrublevskiy, M. Kozhedub // Rocznik Lubuski. – 2018. – Т. 44, № 2A. – P. 105–115.
13. Боровая, В. А. Методическая направленность выбора специальных упражнений в метании копья / В. А. Боровая, В. Ф. Костюченко, Е. П. Врублевский // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. – 2011. – № 8 (78). – С. 34–39.
14. Врублевский, Е. Модельные характеристики метательниц молота / Е. Врублевский, И. Романов // Легкая атлетика. – 1998. – № 6. – С. 28–29.
15. Закономерности формирования и совершенствования системы движений спортсменов (на примере метания копья) / В. А. Боровая [и др.] ; М-во образования РБ, Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2013. – 180 с.
16. Романов, И. Метания молота: внешняя структура / И. Романов, А. Богданов, Е. Врублевский // Лёгкая атлетика. – 1998. – № 3. – С. 58–61.
17. Vrublevskiy, E. P. Modelling of the competitive activities of qualified female short-distance runners, taking into account their individual characteristics / E. P. Vrublevskiy, S. V. Sevdaliev, S. V. Lashkevich, A. S. Gerkusov // Physical Education of Students. – 2019. – № 6. – P. 320–326.
18. Боровая, В. А. Педагогический подход к формированию оптимального технического выполнения основного соревновательного упражнения / В. А. Боровая, В. М. Дронова, Е. П. Врублевский // Наука и образование. – 2013. – № 4. – С. 85–89.
19. Сайт Федерации легкой атлетики Украины [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://competitions2.uaf.org.ua/2019.07.06-07>. – Дата доступа : 10.12.2021.
20. Campos, J. Three-dimensional kinematic analysis of elite javelin throwers at the 1999 IAAF World Championships in Athletics / J. Campos, G. Brizuela, V. Ramon // New Studies in Athletics. – 2000. – V. 14. – P. 31–41.
21. Biomechanical analyses of selected events at the 12th IAAF World Championships in Athletics, Berlin 15–23 August 2009 / A Project by German Athletics Federation. – Darmstadt, 2009. – 24 p.
22. Костюченко, В. Ф. Классификация специальных упражнений, применяемых в тренировке метателей (на примере метания копья) / В. Ф. Костюченко, Е. П. Врублевский, В. А. Боровая // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. – 2014. – № 5 (111). – С. 70–77.
23. Биомеханическая структура двигательных действий в различных фазах метания копья / К. К. Бондаренко [и др.] // Физическая культура : воспитание, образование, тренировка. – 2020. – № 5. – С. 50–52.
24. Оганджанов, А. Л. Педагогические технологии индивидуальной подготовки квалифицированных легкоатлетов-прыгунов : автореф. дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.04 / А. Л. Оганджанов ; Рос. гос. ун-т физ. культуры, спорта и туризма. – М., 2007. – 50 с.
25. Гусинец, Е. В. Управление тренировочным процессом квалифицированных бегунов на короткие дистанции на основе миоэлектрических показателей мышечной системы / Е. В. Гусинец, В. Ф. Костюченко, Е. П. Врублевский // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. – 2012. – № 5 (87). – С. 30–34.
26. Романов, И. Женщины и молот / И. Романов, В. Врублевский // Легкая атлетика. – 1998. – № 1–2. – С. 66–67.
27. Боровая, В. А. Обучение технике метания копья и ее совершенствование / В. А. Боровая, В. Ф. Костюченко, Е. П. Врублевский // Лёгкая атлетика : сб. науч. тр. ; Нац-ый гос. ун-т физ. к-ры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта. – СПб., 2011. – С. 9–18.
28. Специальные упражнения в подготовке метателей копья / В. А. Боровая [и др.] // Легкая атлетика : сб. науч. тр. ; Нац-ый гос. ун-т физ. к-ры, спорта и здоровья им. П.Ф. Лесгафта. – СПб., 2013. – С. 11–27.
29. Верхошанский, Ю. В. Основы специальной физической подготовки спортсменов / Ю. В. Верхошанский. – М. : Физкультура и спорт, 1988. – 331 с.

Комплекс заданий для обучения студентов профессионально ориентированной лексике на основе использования поликодовых текстов

О.В. ПРОКОПЮК

В статье рассматривается комплекс заданий, направленных на овладение студентами профессионально ориентированной лексикой на основе использования поликодовых текстов. Автор обосновывает необходимость учитывать при создании комплекса заданий структуру и содержание поликультурной профессиональной языковой личности, а также структуру интегрального значения термина. Разработанный комплекс заданий соотносится с этапами овладения студентом профессионально ориентированной лексикой. В комплексе выделяются типы и виды заданий, которые иллюстрируются примерами.

Ключевые слова: обучение лексике, интегральное значение термина, поликультурная профессиональная языковая личность, поликодовый текст, лингвокогнитивные задания, квазипрофессиональные задания.

In the article, a set of polycode text-based tasks developed for students to learn professional vocabulary is outlined. The author justifies the necessity to consider the structure and content of the multicultural professional linguistic identity, as well as the structure of the integral meaning of a term. The set of tasks reflects the stages of professional vocabulary learning. The tasks are classified into types and subtypes and accompanied by some examples.

Keywords: teaching vocabulary, integral meaning of a term, multicultural professional linguistic identity, polycode text, linguo-cognitive tasks, quasi-professional tasks.

Особенности современного социального заказа ориентируют учреждения образования технического профиля на такую подготовку выпускников, в условиях которой происходит становление и развитие поликультурной профессиональной языковой личности, обладающей способностью и готовностью использовать иностранный язык в различных видах деятельности: познавательной, профессиональной (трудовой), межкультурного общения и т. д., что способствует самоопределению и самореализации специалиста в контексте определенной профессиональной деятельности. Достижение поставленной цели в процессе обучения студентов иностранным языкам требует учета ряда факторов. Прежде всего, при проектировании процесса обучения иностранному языку преподавателю необходимо принимать во внимание структуру поликультурной профессиональной языковой личности (ППЯЛ), которая является трехуровневым конструктом, который включает мотивационно-прагматический и вербальный уровни, уровень профессионального сознания [1]–[3], и представляет собой набор лингвокогнитивных характеристик субъекта профессиональной деятельности. Данные характеристики формируются в особой профессионально ориентированной образовательной среде и обуславливают понимание и создание субъектом речевых произведений на иностранном языке в поликультурном профессиональном сообществе. Кроме того, на современном этапе эффективное овладение студентом иностранным языком как инструментом профессиональной деятельности представляется невозможным без встраивания в процесс обучения электронных образовательных ресурсов и эффективного использования их методического потенциала, в том числе при обучении профессионально ориентированной лексике.

В рамках нашего исследования, посвященного обучению иноязычной профессионально ориентированной лексике, наибольший интерес представляет вербальный уровень ППЯЛ, а также особенности взаимодействия единиц, представленных на данном уровне, с единицами мотивационно-прагматического уровня и уровня профессионального сознания. Отметим, что ключевыми единицами вербального уровня ППЯЛ являются термины, профессионализмы и номенклатурные знаки [2], а также единицы, входящие в их лексическое окружение: общенаучная и общеупотребительная лексика. Все единицы данного уровня объединены ассоциа-

тивными связями (синтагматическими, парадигматическими и тематическими), наличие которых обусловлено интегральными значениями данных единиц. Под интегральным значением, вслед за И.А. Стерниным, мы понимаем значение слова, которое представляет собой упорядоченную структуру, объединяющую все семантические компоненты, которые реально связаны с данной звуковой оболочкой в сознании носителей языка [4]–[6], регулярно проявляются в определенных контекстах употребления слова, хотя и не фиксируются в его лексикографическом значении. В рамках интегральной концепции значения, разработанной М.В. Никитиным и И.А. Стерниным, в структуре интегрального значения выделяются два компонента: интенционал и импликационал [7]. Интенционал является ядерным компонентом интегрального значения [7, с. 33], т. е. включает обязательные семантические компоненты. Импликационал объединяет в своем содержании семантические компоненты, являющиеся отражением разнообразных предметных связей объектов реальной действительности, называемых словом, т. е. охватывает вероятностную область того, что может быть названо человеком в связи с данным словом [7, с. 35]. Соответственно, можно сделать вывод о том, что в интегральном значении термина (ИЗТ) объединены семантические компоненты, актуализируемые в речи лексическими единицами, входящими в потенциальное лексическое окружение термина. Учитывая тот факт, что значение слова / термина носит отражательный характер, некоторые исследователи (И.А. Стернин, М.Я. Розенфельд и др.) наряду с интенционалом и импликационалом в структуре интегрального значения выделяют образный компонент как чувственное представление о наблюдаемом предмете / объекте профессиональной деятельности. Овладение студентом ИЗТ в единстве образного компонента, интенционала и импликационала способствует формированию в языковом сознании студента не только формальных (графической и звуковой форм) и содержательных характеристик термина, но и ассоциативных связей термина с лексическими единицами, входящими в его окружение, что позволит будущему специалисту максимально точно донести до собеседника своё сообщение на иностранном языке, выбирая лексические средства, значение которых позволяет наиболее полно выразить смысл обсуждаемой проблемы, а также верно понять высказывание собеседника.

Как следует из определения ППЯЛ, приведенного выше, её становление и развитие в условиях лишь учебной деятельности представляется невозможным, что диктует необходимость приближения образовательного процесса к условиям реальной профессиональной деятельности и коммуникации [8], т. е. моделирования контекстов будущей профессиональной деятельности студентов. Мы полагаем, что одним из наиболее эффективных средств моделирования будущей профессиональной деятельности студентов в условиях обучения иностранному языку в целом и профессионально ориентированной лексике в частности является поликодовый текст, созданный преподавателем на основе электронных образовательных платформ (например, Genially, Clilstore, Thinglink и др.). Под поликодовым текстом в рамках нашего исследования мы понимаем текст, соединяющий в себе разные семиотические коды: вербальный код, реализующийся в визуальной и аудиальной модальностях, и невербальный (образный) код, представленный в виде статических изображений (рисунки, схемы, диаграммы, фотографии), динамических схем и интерактивных трехмерных моделей объектов [9]. Мы полагаем, что поликодовый текст является необходимым контекстом для предъявления студенту термина, поскольку в нем актуализируются не только семантические компоненты, входящие в интенционал и импликационал ИЗТ, но и образный компонент. На наш взгляд, овладение студентом ИЗТ на основе поликодового текста целесообразно осуществлять с использованием учебной модели интегрального значения (УМИЗ), которая представляет собой формализованный аналог трехкомпонентного ИЗТ как ментальной сущности, и отвечает специфике реального функционирования термина в речи специалистов-носителей языка. УМИЗ представлен нами на рисунке 1. Целесообразность использования УМИЗ обусловлена необходимостью структурировать извлекаемые студентом из поликодового текста актуализации семантических компонентов ИЗТ, что позволит создать в языковом сознании студента ассоциативные связи между ними.

ОБРАЗ				
чувственные представления, схемы, картины, эмоциональные состояния, кодирующие рациональную информацию				
ИНТЕНСИОНАЛ				
минимум семантических признаков, определяющих сущность предмета или процесса профессиональной деятельности				
ИМПЛИКАЦИОНАЛ				
семантические признаки, имплицитные интенциональным признакам				
Энциклопедическая зона (признаки, обусловленные опытом взаимодействия с номинируемым словом объектом)	утилитарная зона (признаки, обусловленные возможностями использования номинируемого словом объекта / процесса)	регулятивная зона (признаки, регулирующие использование номинируемого словом объекта)	оценочная зона (признаки, выражающие общую оценку)	социально-культурная зона (признаки, отражающие связь номинируемого словом объекта с бытом и культурой народа)

Рисунок 1 – Учебная модель интегрального значения

Традиционно учебная деятельность студентов по овладению иноязычной лексикой организуется с помощью упражнения, представляющего собой структурно-функциональную единицу урока / занятия. В разработку теории упражнений в разное время внесли значительный вклад И.В. Рахманов, И.Л. Бим, С.Ф. Шатилов, В.А. Бухбиндер, Е.И. Пассов и др. На данном этапе развития методики обучения иностранному языку под упражнением понимается многократно повторяющееся действие, направленное на развитие способности обучаемых выполнять отдельные элементарные языковые или речевые действия с целью решения поставленной задачи [10], [11]. Однако, ряд особенностей процесса обучения студентов профессионально ориентированной лексике в условиях моделирования профессиональной деятельности в рамках технологии контекстного обучения выдвигает особые методические требования. Так, деятельность студентов должна характеризоваться прагматической направленностью [8] и соотноситься с профессиональными прецедентными ситуациями определенной предметной области. Кроме того, внимание студентов должно быть сконцентрировано на функциях терминов и их потенциального лексического окружения как инструментов решения прагматических задач профессионального характера посредством профессиональной коммуникации [8]. Мы полагаем, что в рамках нашего исследования упорядочивание действий студентов должно осуществляться с помощью заданий, под которыми мы понимаем средства организации деятельности студентов по овладению профессионально ориентированной лексикой и управления ею на основе использования поликодовых текстов. Задания должны состоять из инструкции и корпуса и характеризоваться: 1) прагматическим характером; 2) соотнесенностью с профессиональной прецедентной ситуацией; 3) прогнозируемыми результатами выполнения задания. К последним мы относим идеальные образовательные продукты (сформированные единицы уровней ППЯЛ студента) и материальные (УМИЗ, собственный текстовый продукт как процесс и итог решения задания) [12]–[14].

Эффективность обучения студентов профессионально ориентированной лексике с использованием заданий зависит от их последовательной организации [12], [15], т. е. включения заданий в комплекс, который создаётся с учетом положений реализуемых методических подходов. В рамках технологии контекстного обучения обучение студентов профессионально ориентированной лексике происходит в условиях моделирования предметно-технологического и социального контекстов их будущей профессиональной деятельности и включает поэтапное овладение студентами: 1) формальными и содержательными характеристиками термина, включая его интегральное значение; 2) внутриуровневыми ассоциативными

ми и межуровневыми связями термина, обусловленными его интегральным значением. На основе анализа исследований, посвященных созданию систем и комплексов упражнений (И.Л. Бим, Г.В. Рогова, А.А. Миролубов, И.В. Рахманов, С.Ф. Шатилов, Е.И.Пассов и др.), и с учетом объекта нашего исследования под комплексом заданий мы понимаем упорядоченную совокупность последовательно организованных типов и видов заданий, которые обеспечат овладение студентами характеристиками термина и его интеграцию с другими единицами уровней ППЯЛ. При разработке комплекса заданий учитывались *этапы овладения* студентом профессионально ориентированной лексикой. Выделенные этапы, а также задачи данных этапов, представлены нами на рисунке 2.

ЭТАПЫ ОВЛАДЕНИЯ СТУДЕНТОМ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОЙ ЛЕКСИКОЙ		
осознание студентом формальных и содержательных характеристик термина	актуализация студентом в речи формальных и содержательных характеристик термина	интеграция термина с другими единицами уровней ППЯЛ
ЗАДАЧИ ЭТАПОВ		
• привлечение внимания студента к формальным характеристикам термина (графической и звуковой формам) и образу объекта профессиональной деятельности • наполнение студентом содержанием УМИЗ; • обсуждение студентами результатов проектирования индивидуальных УМИЗ	• укрепление структурных связей между формальными и содержательными характеристиками термина; • укрепление в импликационном внутривербальном ассоциативных связей термина и его лексического окружения; • формирование межуровневых связей термина	• расширение внутривербальных ассоциативных связей между термином и другими единицами вербального уровня ППЯЛ; • расширение межуровневых связей термина посредством использования его студентом в устной и письменной речи
ЦЕЛЕВЫЕ ОРИЕНТИРЫ		
знание ИЗТ	рецептивные лексические навыки	продуктивные лексические навыки

Рисунок 2 – Этапы овладения студентом профессионально ориентированной лексикой

Мы полагаем, что в комплексе заданий должны быть реализованы следующие *методические принципы*: взаимосвязанного формирования трех уровней ППЯЛ, проблемно-исследовательской направленности обучения, учёта структуры интегрального значения термина, визуализации контекстов будущей профессиональной деятельности и предъявления интегрального значения термина в поликодовом профессиональном прецедентном тексте. Реализация данных принципов позволит создавать условия для развития всех уровней ППЯЛ студента: а) апеллировать к потребностно-мотивационной сфере студента, обеспечивая преобладание внутренних мотивов обучения над внешними стимулами и, соответственно, способствовать развитию познавательной и профессиональной мотивации; б) приводить к формированию новообразований на вербальном уровне ППЯЛ студента и коррелирующих с ними профессиональных концептов.

Предлагаемый комплекс должен обеспечить формирование когнитивных структур в языковом сознании студента (т. е. единиц вербального уровня ППЯЛ и коррелирующих с ними единиц других уровней) и развитие способности обучающегося решать прагматические задачи профессионального характера средствами иностранного языка в профессиональной коммуникации. В зависимости от этапа овладения профессионально ориентированной лексикой одно из требований является ведущим, что обусловило выделение лингвокогнитивных и квазипрофессиональных (рецептивного и продуктивного характера) **типов заданий**.

Отличительной особенностью **лингвокогнитивных заданий** является наличие информационного разрыва как условия выполнения задания, что обуславливает необходимость самостоятельного поиска студентом лексических языковых средств для наполнения содержанием элементов УМИЗ. Это способствует более прочному запоминанию студентом термина и лексических единиц, входящих в его потенциальное окружение [12], [15].

Виды заданий соотносятся в нашем комплексе с задачами каждого из этапов овладения студентом профессионально ориентированной лексикой. Последовательность предъявления студентам типов и видов заданий для овладения профессионально ориентированной лексикой обусловлена возрастанием их языковой и операциональной сложности и последовательностью стадий формирования содержательного компонента термина, т. е. его интегрального значения.

Лингвокогнитивные задания подразделяется на отдельные **виды**, которые соотносятся с задачами первого этапа и направлены на: 1) создание структурных связей между формальными характеристиками термина и образом объекта профессиональной деятельности; 2) осознание студентом содержания интенционала ИЗТ; 3) осознание в импликационале ИЗТ внутриуровневых ассоциативных связей термина и его лексического окружения; 4) уточнение общего содержания компонентов ИЗТ. Первый, второй и третий виды заданий студенты выполняют самостоятельно индивидуально, четвертый вид выполняется в ходе парного и/или группового взаимодействия обучающихся. Приведем пример первого вида лингвокогнитивного задания, размещенного на интерактивной странице поликодового текста (рисунок 3):

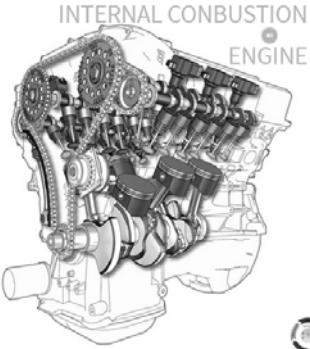
 IMAGE 1 1) Use the interactive element to listen to the pronunciation of the term "internal combustion engine". Repeat it aloud after the speaker. 2) Look at the picture of the internal combustion engine. What does it tell you about the internal combustion engine? 3) Fill in the first segment of your TD with your inference. 	1) Используйте интерактивный элемент, чтобы прослушать произношение термина «двигатель внутреннего сгорания». Повторите его вслух вслед за диктором. 2) Посмотрите на изображение двигателя. Что оно говорит вам о двигателе внутреннего сгорания? 2) Запишите своё предположение в первый сегмент вашей УМИЗ.
--	---

Рисунок 3 – Первый вид лингвокогнитивного задания

Второй тип заданий в разработанном комплексе – **квазипрофессиональные задания рецептивного характера** – направлен на овладение студентами рецептивными лексическими навыками посредством активизации формальных и содержательных характеристик термина в рецептивных видах речевой деятельности. Исходя из задач второго этапа овладения студентом профессионально ориентированной лексикой, нами были выделены три *вида квазипрофессиональных заданий рецептивного характера*, направленных на: 1) укрепление структурных связей между формальными и содержательными характеристиками термина в рецептивных видах речевой деятельности; 2) укрепление в импликационале внутриуровневых ассоциативных связей между термином и его лексическим окружением; 3) формирование межуровневых связей термина. Приведем пример первого вида квазипрофессиональных заданий рецептивного характера (рисунок 4):

Write out the terms that refer to the engine parts involved in the four-stroke cycle from the following list (use the information in the text and your TD):	Выпишите из следующего списка термины, обозначающие детали двигателя, задействованные в четырехтактном цикле (используйте информацию в тексте и вашу УМИЗ):
inlet valve, crankshaft, master cylinder, exhaust valve, cylinder, rotor, piston, spark plug, brake pads, intake manifold, transmission, combustion chamber.	

Рисунок 4 – Первый вид квазипрофессиональных заданий рецептивного характера

Третий тип заданий – **квазипрофессиональные задания продуктивного характера** – предъявляется студентам на этапе интеграции термина с другими единицами уровней ППЯЛ. Данный тип заданий направлен на овладение студентами продуктивными лексическими навыками путем порождения устных и письменных самостоятельных высказываний с использованием лексических единиц, объединенных в рамках УМИЗ термина. Порождение данных высказываний должно осуществляться в условиях устной / письменной квазипрофессиональной коммуникации в процессе решения прагматических задач профессионального характера: например, описания конструктивных особенностей устройства / узла / агрегата (энциклопедическая зона); консультирования клиентов / исполнителей по вопросам обслуживания и эксплуатации автомобилей (утилитарная зона); подготовки инструкций по охране труда / технике безопасности; консультирования клиентов / исполнителей по вопросам ремонта

(регулятивная зона) автомобилей; обсуждения критериев выбора оптимальных комплектующих для различных устройств (оценочная зона); подготовки лекции об истории двигателестроения (социально-культурная) и т. д. Приведем примеры первого вида квазипрофессиональных заданий продуктивного характера (рисунок 5):

	Student A: You are a professional engineer invited to deliver a lecture at a university. Study the internal combustion engine simulation and describe the engine operation to the students using the simulation. Student B: You are a student. Before attending the lecture on internal combustion engine think of 10 questions you would like to know the answers to. Listen to the lecture provided by a professional engineer attentively. At the end of the lecture, ask the questions that haven't been answered.	Студент А: Вы профессиональный инженер, приглашенный для чтения лекции в университете. Изучите симуляцию работы двигателя внутреннего сгорания и опишите его работу студентам, используя симуляцию. Студент В: Вы студент. Перед тем, как посетить лекцию, посвященную работе двигателя внутреннего сгорания, придумайте 10 вопросов, на которые вы хотите получить ответы. Внимательно послушайте лекцию профессионального инженера. В конце лекции задайте вопросы, на которые не слышали ответы.
---	--	---

Рисунок 5 – Первый вид квазипрофессиональных заданий продуктивного характера

Таким образом, разработанный нами комплекс лингвокогнитивных и квазипрофессиональных заданий направлен на овладение студентами профессионально ориентированной лексикой на основе использования поликодовых текстов. Данный комплекс заданий позволяет оптимизировать овладение иноязычной профессионально ориентированной лексикой, поскольку он предусматривает овладение формальными и содержательными характеристиками термина с учетом структуры интегрального значения термина, что обеспечивает формирование внутриуровневых ассоциативных и межуровневых связей термина, а также его интеграцию с другими единицами вербального уровня, уровня профессионального сознания и мотивационно-прагматического уровня ППЯЛ.

Литература

1. Азначеева, Е. Н. К проблеме типологизации профессиональной языковой личности музыканта / Е. Н. Азначеева // Вестн. Чел. гос. ун-та. Сер. Филология. Искусствоведение. – 2009. – Вып. 39, № 43 (181). – С. 5–7.
2. Голованова, Е. . Введение в когнитивное терминоведение: учебное пособие / И. Е. Голованова. – М. : ФЛИНТА, 2014. – 221 с.
3. Макшанцева, Н. В. Профессиональная подготовка будущих специалистов по направлению «лингвистика и межкультурная коммуникация» в вузе : дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.02 / Н. В. Макшанцева ; Шуйский гос. пед. ун-т. – Шуя, 2011. – 441 л.
4. Маклакова, Е. А. Теоретические проблемы семной семасиологии / Е. А. Маклакова, И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2013. – 277 с.
5. Стернин, И. А. Семантический анализ слова в контексте / И. А. Стернин, М. С. Саломатина. – Воронеж : Истоки, 2011. – 150 с.
6. Розенфельд, М. Я. Слово и образ / М. Я. Розенфельд, И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2008. – 243 с.
7. Никитин, М. В. Лексическое значение в слове и словосочетании. Спецкурс по общей и английской лексикологии / М. В. Никитин. – Владимир, 1974. – 224 с.
8. Вербицкий, А. А. Контекстное обучение иностранному языку специальности : учеб.-метод. пособ. / А. А. Вербицкий, О. А. Григоренко. – М. : Ред.-изд. центр МГГУ им. М.А. Шолохова, 2015. – 204 с.
9. Сенцова, В. А. Поликодовые тексты как средство обучения итальянских учащихся русской грамматике (I сертификационный уровень) : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / В. А. Сенцова ; СПб. гос. ун-т. – СПб., 2017. – 184 л.

10. Бим, И. Л. Теория и практика обучения немецкому языку в средней школе. Проблемы и перспективы / И. Л. Бим. – М. : Просвещение, 1988. – 255 с.
11. Шатилов, С. Ф. Методика обучения немецкому языку в средней школе: учеб. пособ. для студентов пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностранный язык» / С. Ф. Шатилов. – М. : Просвещение, 1986. – 223 с.
12. Nunan, D. Task-Based Language Teaching / D. Nunan. – Cambridge : Cambridge University Press, 2004. – 222 p.
13. Коряковцева, Н. Ф. Теоретические основы организации изучения иностранного языка учащимся на базе развития продуктивной учебной деятельности : Общеобразовательная школа : дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.02 / Н. Ф. Коряковцева. – М., 2003. – 426 л.
14. Рубцова, А. В. Продуктивный подход в иноязычном образовании (аксиологические аспекты) : дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.02 / А. В. Рубцова. – СПб., 2012. – 465 л.
15. Willis, D. Doing task-based teaching / D. Willis, J. Willis. – Oxford : Oxford University Press, 2007. – 296 p.

Минский государственный
лингвистический университет,
Брестский государственный
технический университет

Поступила в редакцию 10.12.2021

Morphological and functional features of the manifestation of sexual dimorphism in highly qualified pentathletes

S.V. SEVDALEV, E.P. VRUBLEVSKIY, E.A. ALEJNIK, M.M. VYRSKIY

The article presents the results of studies on the degree of manifestation of sexual dimorphism in highly qualified athletes specializing in modern pentathlon in terms of morphological and functional indicators. The highest degree of sexual dimorphism was determined in terms of body composition and functional capabilities of the respiratory system. To reduce the severity of sexual dimorphism, the particular attention should be paid to the selection of female athletes. The training process of qualified athletes must be carried out on the basis of a thorough study of the functioning of the body of athletes in difficult conditions of physical activity. Sexual dimorphism and the associated physiological characteristics of the female body predetermine the need for the specifics of building the training process of highly qualified female athletes.

Keywords: highly qualified athletes, modern pentathlon, morphological features, functional indicators, sexual dimorphism.

В статье представлены результаты исследований степень проявления полового диморфизма у высококвалифицированных спортсменов, специализирующихся в современном пятиборье по морфофункциональным показателям. Наибольшая степень выраженность полового диморфизма определена в показателях компонентного состава тела и показателях функциональных возможностей системы дыхания. Для снижения выраженности полового диморфизма следует обратить внимание на отбор спортсменок. Тренировочный процесс квалифицированных спортсменок необходимо осуществлять на основе тщательного изучения особенностей функционирования организма спортсменок в сложных условиях физических нагрузок. Половой диморфизм и связанные с ним физиологические особенности женского организма предопределяют необходимость специфики построения тренировочного процесса высококвалифицированных спортсменок.

Ключевые слова: высококвалифицированные спортсмены, современное пятиборье, морфологические особенности, функциональные показатели, половой диморфизм.

Introduction. Currently, there are practically no «male» sports left. The girls are actively engaged in martial arts, power sports, mastered the original men's track and field athletics. The unbridled desire of women to achieve high sports results in all sports requires complex scientific research, primarily related to the study of the impact on the female body of intense training and competitive loads inherent in modern sports activities.

Currently in the system of sports training in addition to general provisions for men and women, there are two dominant approaches regarding the peculiarities of women's training. In one case, the authors emphasize the existence of features that are characteristic only of women's sports. In their opinion, first of all, the features and specific requirements characteristic of individual sports entail differences in the course of adaptive processes in the female body, and when organizing training effects, the cyclicity of the female body must be taken into account [1], [2], [3], [4].

On the other hand, the group of authors is convinced that in most sports women are represented mainly by an androgenic hormonal profile, and when planning the training process, one should adhere to generally accepted approaches used in men's sports (except a slight decrease in the amount of load), linking this to the fact that an increased level of natural androgens (congenital hyperandrogenism), often supplemented with illegal drugs, allows female athletes to be competitive [5].

It is noted that one of the main shortcomings of a number of modern studies in the field of sports theory is the lack of consideration of the characteristics of sexual dimorphism, only this approach will reveal the objective causes of the problems of women's sports [6].

Works on the problem of sexual dimorphism make it possible to reveal a clear pattern of convergence of sports results in highly qualified athletes of both sexes who specialize in one sport. As their physiological and morphological and functional indicators converge, the possibility of achieving a high sports result is predetermined [3].

Basically, studies of the features of the manifestation of sexual dimorphism in athletes are devoted to power sports, martial arts, less often sports games, acrobatics, and gymnastics. Scientific works concerning multiathlon sports are extremely rare. Sports all-around events are characterized by high specificity of requirements to the morphological and functional systems of the body, which provide the possibility of achieving a high result. At the same time, mutual parallels were established between the morphological data and the performance of female athletes [7], [8], [9].

Modern pentathlon is one of the applied types of multiathlon sports, which includes fencing as a masculine sport, swimming as a neutral sport, a combined sport (including running and shooting), and equestrian sports.

Thus, scientific studies devoted to determining the features of the manifestation of sexual dimorphism in qualified athletes involved in modern pentathlon in the available literature are not enough. For this reason, this study was undertaken.

Purpose of the study: to establish the degree of manifestation of sexual dimorphism in highly qualified athletes specializing in modern pentathlon in terms of morphological and functional indicators.

Organization and research methods. The study involved 18 highly qualified athletes (masters of sports and masters of sports of international class) involved in modern pentathlon.

To solve the tasks set, somatometry methods generally accepted in sports morphology were used. In addition, the method of bioimpedance analysis of body composition was used using the measuring device ABC-1 «Medass». Evaluation of functional indicators was carried out in the conditions of performing a competitive exercise (combined relay race) using a portable ergospirometer «Cortex MetaMax 3B». We recorded the following indicators: vital lung capacity (VC), heart rate at rest (HR, beats/min), heart rate at the level of anaerobic metabolism threshold (HR (AT), beats/min), maximum oxygen consumption (VO₂ max, ml / kg / min), as well as the maximum heart rate (HR max, beats / min). Also, lactate concentration was determined (La max, mmol/l).

The severity of sexual dimorphism was determined according to five categories. The absence of sex differences was established when the compared values converged $\pm 1\%$; light expressiveness – at their divergence in the range of $\pm 10\%$; medium – with a discrepancy of at least $\pm 10\%$ and not more than $\pm 30\%$; high – respectively, within $\pm 50\%$; very high – with a discrepancy of values more than $\pm 50\%$ [10].

To quantify the severity of sexual dimorphism, in addition to the generally accepted statistical indicators ($\bar{X}$, S , $V\%$), the Mollison test (kM) was used [10], [4].

$$kM = \frac{\bar{X}_w - \bar{X}_m}{S_m}.$$

Where $\bar{X}_w$ – is the arithmetic mean of this trait in women, $\bar{X}_m$ – the arithmetic mean of this trait in men, S_m – is the quadratic deviation of this trait in men. The higher the numerical values of the criterion, the greater the degree of sexual dimorphism.

Research results. Comparison data of morphological parameters of athletes specializing in modern pentathlon (men and women) are presented in

Table 1 – Morphological indicators of highly qualified athletes specializing in modern pentathlon (n = 18)

Indicators	Men			Women			%	kM
	$\bar{X}$	S	$V\%$	$\bar{X}$	S	$V\%$		
Body length, cm	182,8	6,14	3,35	167,25	8,34	4,98	9,29	6,52
Body weight, kg	73,04	7,24	9,91	59,6	8,27	13,87	22,55	5,40
Body mass index, units	21,86	1,55	7,09	21,25	1,23	5,78	2,87	1,41
Waist circumference, cm	76,4	3,97	5,19	67,25	3,40	5,05	13,61	7,95
Hip circumference, cm	95,4	4,21	4,41	92,5	5,25	5,67	3,13	1,89
Waist / Hip Ratio	0,79	0,86	5,12	0,72	0,02	3,95	9,72	0,41

According to anthropometric (morphological) indicators, the severity of sexual dimorphism in highly qualified athletes is within the limits of a light and medium degree. In body length (9,29 %), hip circumference (3,13 %), waist / thigh ratio (9,72 %), body mass index (2,87 %), a light degree of sexual dimorphism was found. Body mass index (22,55 %), and waist circumference (13,61 %) have a medium degree of sexual dimorphism.

Studies of the component composition of the body (table 2) revealed a high degree of sexual dimorphism in terms of: skeletal muscle mass (44,22 %), intracellular fluid (39,49 %), total fluid (32,90 %), active cell mass (38,07 %).

Table 2 – Indicators of the body composition of highly qualified athletes specializing in modern pentathlon (n = 12)

Indicators	Men			Women			%	kM
	X	S	V%	X	S	V%		
Share of active cell mass, %	62,24	2,62	4,20	60,1	1,23	2,04	3,56	1,91
Skeletal muscle mass, kg	34,54	2,32	6,71	23,95	2,93	12,23	44,22	2,44
Share of skeletal muscle mass, %	55,76	1,48	2,65	51,3	1,26	2,45	8,69	10,43
Fat mass, %	14,96	1,85	12,36	21,15	4,33	20,47	-29,26	-5,51
Intracellular fluid, kg	27,62	2,58	9,36	19,8	1,73	8,76	39,49	11,71
Extracellular fluid, kg	17,76	1,29	7,26	14,35	1,78	12,42	23,76	6,73
Total fluid, kg	45,4	3,84	8,46	34,17	3,46	10,12	32,90	9,82
Active cell mass, kg	38,66	4,12	10,65	28,0	2,63	9,39	38,07	10,19

The medium degree was revealed in the following indicators – extracellular fluid (23,76 %), fat mass (29,26 %). Low – the proportion of active cell mass (3,56), the proportion of skeletal muscle mass (8,69 %).

Analyzing the variability (V %) of the studied indicators, it is possible to identify indicators – fat mass (20,47 % for women and 12,36 % for men), body weight (13,87 % for women and 9,91 % for men), active cell mass (9,39 % in women and 10,65 % in men) having the highest significant coefficient of variation. The smallest coefficient of variation was found in such indicators as body mass index, body length and percentage of skeletal muscle mass. In general, the variability of the studied indicators is higher in female pentathletes.

Studies of functional indicators (table 3) revealed a high degree of sexual dimorphism in terms of the functional capabilities of the respiratory system (vital capacity of the lungs – 43,29 %).

Table 3 – Functional indicators of highly qualified athletes specializing in modern pentathlon (n = 12)

Indicators	Men			Women			%	kM
	X	S	V%	X	S	V%		
VC, ml	5885	304,3	5,17	4107	245,66	5,98	43,29	5,84
HR, beats/min	57,57	3,02	5,25	57,71	3,61	6,26	0,24	0,04
HR max, beats/min	195,86	5,54	2,83	191,4	8,55	4,47	2,33	0,80
HR (AT)	175,57	9,75	5,55	180,0	5,25	2,92	2,52	0,45
VO2 max, ml/kg/min	59,33	2,56	4,31	55,25	5,27	9,54	7,38	1,59

A light degree was revealed in the following indicators – the maximum heart rate (2,33 %), the heart rate at the level of the anaerobic metabolism threshold (2,92 %), the maximum oxygen consumption (7,38 %). The absence of sex differences was established in terms of heart rate at rest (0,24).

The highest variability (V %) of the studied indicators was found in pentathletes in terms of maximum oxygen consumption (9,54). In other indicators of functional readiness, the coefficient of variation is not significant.

The highest severity of the degree of sexual dimorphism according to the Mollison criterion (kM) was determined in the following morphological and functional indicators: intracellular fluid – 11,71; proportion of skeletal muscle mass – 10,43; active cell mass – 10,19.

Conclusion. It has been determined that according to anthropometric indicators, the severity of sexual dimorphism in highly qualified athletes specializing in modern pentathlon is within the limits of light (body length, hip circumference, waist / hip ratio, body mass index) and medium (body weight, waist circumference) severity of sexual dimorphism.

In terms of the component composition of the body, high (musculoskeletal mass, intracellular fluid, total fluid, active cell mass), medium (extracellular fluid, fat mass) and light (share of active cell mass, share of skeletal muscle mass) degrees of sexual dimorphism were determined. In almost all studied indicators, men are ahead of women, with the exception of the indicator of fat mass.

The study of functional indicators revealed a high degree of sexual dimorphism in terms of the functional capabilities of the respiratory system, light in terms of maximum heart rate, heart rate

at the level of anaerobic metabolism threshold, maximum oxygen consumption. The absence of sex differences was established in terms of heart rate at rest.

Light and medium severity of sexual dimorphism according to the studied parameters can be explained by adaptation to specific training and competitive influences. This fact is also confirmed by the evaluation of the results of the severity of the degree of sexual dimorphism according to the Mollison criterion (kM).

To reduce the severity of sexual dimorphism, attention should be paid to the selection of female athletes. At present, as a rule, athletes who went in for swimming in the past and did not show high results in this type of sport come to modern pentathlon. When selecting for modern pentathlon, attention should be paid to athletes who are the most adapted in terms of total body size, motor potential and functional abilities for speed-strength loads and the manifestation of special endurance.

At the same time, according to the authors [11], [12], in connection with the next changes in the rules of competitions in modern pentathlon in the preparation of athletes, special attention should be paid to fencing and increasing the effectiveness of running training.

It becomes obvious that the training process of qualified athletes must be carried out on the basis of a thorough study of the functioning of the body of women in difficult conditions of physical activity. Sexual dimorphism and the associated physiological characteristics of the female body predetermine the need for the specifics of building the training process of highly qualified female athletes.

References

1. Денисова, У. Ж. О проблемах полового диморфизма в женском спорте / У. Ж. Денисова, Р. М. Аязамов // Фан-Спортга. – 2018. – № 3. – С. 63–69.
2. Севдалев, С. В. Организационно-методические аспекты индивидуализации оздоровительной тренировки женщин / С. В. Севдалев, А. А. Скидан, Е. П. Врублевский // Человек. Спорт. Медицина. – 2020. – Т. 20, № S1. – С. 69–76.
3. Шахлина, Л. Я.-Г. Гендерная политика и вопросы полового диморфизма в практике современного спорта / Л. Я.-Г. Шахлина, М. А. Чистякова // Спортивна медицина і фізична реабілітація. – 2019. – № 2. – С. 18–23.
4. Asienkiewicz, P. Dymorfizm cech somatycznych i proporcji ciała oraz sprawności motorycznej młodzieży Uniwersytetu Zielonogórskiego w świetle wielkośći środowiska / P. Asienkiewicz // Aktywność Ruchowa Ludzi w Różnym Wieku. – 2016. – № 4 (32). – P. 39–52.
5. Соболева, Т. С. Половой диморфизм в женском спорте / Т. С. Соболева, Д. В. Соболев, О. В. Чернухина // Культура физическая и здоровье. – 2013. – № 2 (44). – С. 53–55.
6. Соха, Т. Женский спорт (новые знания – новые методы тренировки) / Т. Соха. – М.: Теория и практика физ. культуры, 2002. – 203 с.
7. Добрынская, Н. Моделирование соревновательной деятельности как основа индивидуализации построения многолетней подготовки в легкоатлетическом многоборье (женщины) / Н. Добрынская, Е. Козлова // Наука в олимпийском спорте. – 2013. – № 3. – С. 31–37.
8. Полищук, В. Д. Легкоатлетическое десятиборье / В. Д. Полищук. – Киев: Науковий світ, 2001. – 252 с.
9. Севдалев, С. В. Индивидуализация в подготовке квалифицированных спортсменов, специализирующихся в комплексных видах многоборий / С. В. Севдалев, М. С. Кожедуб, Е. А. Алейник // Известия Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины. – 2021. – № 2 (125). – С. 31–37.
10. Асинкевич, Р. Особенности проявления полового диморфизма у высококвалифицированных спортсменов, специализирующихся в современном пятиборье / Р. Асинкевич, С. В. Севдалев, Е. П. Врублевский // Теория и практика физической культуры. – 2022. – № 1. – С. 17–19.
11. Нарский, Г. И. Специфика соревновательной деятельности высококвалифицированных спортсменов, специализирующихся в современном пятиборье / Г. И. Нарский, С. В. Севдалев // Прикладная спортивная наука. – 2021. – № 1 (13). – С. 4–11.
12. Севдалев, С. В. Моделирование соревновательной деятельности высококвалифицированных спортсменов, специализирующихся в современном пятиборье / С. В. Севдалев // Мир спорта. – 2021. – № 2 (83). – С. 54–59.

Роль и значение народных игр в современном образовательном процессе

Т.Э. УМЕТОВ

В статье рассмотрены вопросы, касающиеся развивающего потенциала детской игры. Более подробно проанализированы народные игры, обоснован тезис о том, что они являются важным компонентом народной педагогики. Показано, что в современных изменившихся условиях сохранение этого культурного наследия требует специально организованной работы и создания необходимой среды. Подчеркнута актуальность осознания значимости детских народных игр в развитии детей дошкольного возраста как работниками образования, так и родителями.

Ключевые слова: игра, народные игры, развитие детей, роль взрослых, создание условий.

The article discusses issues related to the developing potential of a children game. Folk games are analyzed in more detail; the thesis that they are an important component of folk pedagogy is substantiated. It is shown that in today's changed conditions, the preservation of this cultural heritage requires specially organized work and the creation of the necessary environment. The urgency of awareness of the importance of children's folk games in the development of preschool children by both educators and parents is emphasized.

Keywords: game, folk games, children's development, the role of adults, creating conditions.

Тот, кто обращаясь к старому,
Способен открывать новое,
Достоин быть учителем.
Конфуций.

Социальные задачи возрождения, развития и забота о будущем нации повышают интерес науки к периоду онтогенеза человека – старту человеческой личности. Изменение социально-исторических условий влечет за собой необходимость изменения содержания, методов и форм учебно-воспитательного процесса, что является основой реформирования образования. Как ни парадоксально, но одним из источников новых подходов в воспитании и развитии детей может стать народная педагогика – хранительница вечных ценностей человечества. Народная педагогика наиболее действенная, проверенная поколениями педагогическая система, которая прошла через призму «седой древности», отшлифована временем, каждая грань которой аккумулирует многовековую мудрость и опыт воспитания подрастающего поколения. Универсальность народной педагогики заключается в том, что она охватывает практически все стороны развития личности.

Традиции народной педагогики находили и находят свое отражение в процессе воспитания, но к сожалению приходится констатировать, что фрагментарность её использования, отсутствие системности и последовательности снижают эффективность и результативность учебно-воспитательного процесса.

Анализ литературных источников и собственные исследования позволили представить народную педагогику как выражение опыта жизни народа, которая включает в себя:

- совокупность условий хозяйствования;
- материальную культуру;
- формы трудовой деятельности;
- традиции;
- обычаи;
- обряды;
- формы общения;
- произведения устного народного творчества;
- игру.

Результаты исследования источников народной педагогики позволили представить её в виде следующей схемы:

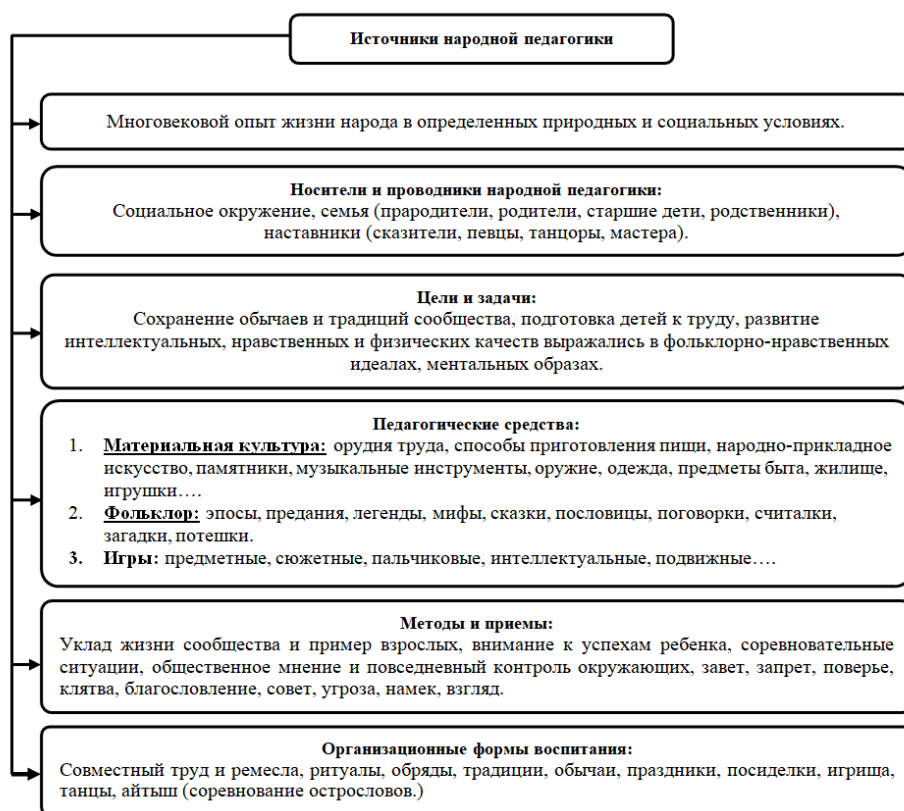

Схема – Источники народной педагогики [1]

Проведенные исследования позволили представить нам народную педагогику как **результат эволюции человеческой жизни, в процессе которой происходит накопление нравственных идеалов, педагогических средств, форм и методов воспитания (воздействия на детей), которые, проверяясь временем, видоизменяются, но всегда выполняют свою функцию – передача нравственно-этических норм и социально-накопленного опыта, формируют и развивают важнейшие интеллектуальные и нравственные качества.**

Предметом нашего внимания являются детские народные игры, которые являются самым универсальным средством развития детей дошкольного возраста. При этом не отрицается значимость других компонентов народной педагогики в формировании личности.

Несмотря на то, что народная игра появилась раньше чем дидактическая (игра, включенная или созданная для повышения эффективности учебного процесса), обратим свои взоры на игру.

Игра является одним из основных и значимых видов деятельности детей. В игре происходит слияние таких составляющих как приятное и полезное, в процессе игры происходит усвоение знаний, развиваются память, мышление, наблюдательность, воображение.

Проблема использования игры в дидактических целях была впервые поставлена в древнегреческой философии, т. к. возникнув в глубокой древности, ещё в доклассовом родовом обществе, игра развивалась и вбирала в себя многообразие явлений действительности [2, с. 3].

Рассматривая вопросы организации обучения и воспитания, Платон в своих трудах «Государство» и «Законы» представил игру главным средством в повышении их эффективности. Квинтилиан в трактате «Об образовании оратора» также уделял приоритетное внимание играм, которые развивают ум и интеллект ребенка.

Отмечая значение игры в развитии ребенка, Ж.Ж. Руссо писал, что игра побуждает ребенка к мышлению, приводит в действие его чувства и волю, влияет на его характер, ум и поступки.

Значимый вклад в систему дошкольного воспитания и образования внес Фребель. До Фребеля подбор детских игр проводился случайно и хаотично, его заслуга заключается в том, что он определил дидактическую задачу и значимость каждой игры, обосновал последовательность их проведения, указывая, какие игры полезны для развития органов чувств, а какие для развития речи, ума, движений [3].

К.Д. Ушинский подчеркивал, что игра – это «свободная деятельность дитяти» и что в процессе игры «формируются все стороны души человеческой, его ум, его сердце и воля...» [4].

Основываясь на работах П.Я. Гальперина, Д.Б. Эльконин рассматривает игру как практику поэтапной отработки умственных действий на основе функционального развития игровых действий. Особый интерес вызывает подход Д.Б. Эльконина, касающийся возможности разложить игру на сумму отдельных способностей, т. е. определить, какая часть игры способствует развитию восприятия, памяти, воображения и т. д. Помимо этого он предлагал изучить удельный вес игры в развитии этих способностей.

Достаточно противоречивым является отношение А.Н. Леонтьева [5] к игре как к непродуктивной деятельности: «Игра не является продуктивной деятельностью», вместе с тем на определенном возрастном этапе включение в игру предполагает достижение результата, т. е. выигрыш. А что касается содержания игры и игровых действий, то они ведут к результату. Если рассматривать продуктивность как качество деятельности, характеризующуюся производительностью, эффективностью совершаемых действий, коэффициентом полезности, которые имеют высокие показатели, то игра, в процессе которой ребенок считает, размышляет, воображает, т. е. совершает действия, ведущие к его качественному росту, игра не может быть непродуктивной. Это подтверждается тем, что сам А.Н. Леонтьев отмечал, что в игре развиваются новые, прогрессивные образования и возникает мощный познавательный мотив, являющийся основой возникновения стимула к учебе. В данной ситуации считаю уместным обратить внимание на понятие «Человеческий капитал». Впервые это понятие в 1958 г. **предложил** американский экономист Джейкоб Минсер.

Американский экономист Т. Шульц считал, что улучшение благосостояния бедных людей зависит больше всего от знаний, а не от земли, техники и т. д. [6].

Согласно теории человеческого капитала образование представляет собой отрасль, которая производит специфический капитал с длительным использованием времени. Исходя из данной теории, затраты на образование рассматриваются как инвестиционные вложения. «В той степени в какой расходы на обучение увеличивают будущий доход студента, то их можно отнести к категории инвестиций». В 1979 г. за развитие теории человеческого капитала Т. Шульц был награжден Нобелевской премией [7].

Другой американский экономист Г. Беккер считал, что человеческий капитал – это совокупность навыков, знаний и умений человека [8].

Таким образом, игровая деятельность детей, в процессе которой они приобретают знания, умения и навыки, является первой ступенью производительной деятельности. Резюмируя вышеизложенное, можно заключить, что практически все мыслители и исследователи детской игры отмечали и отмечают её развивающий характер: восприятие, воображение, память, понимание, осознание. Вместе с тем необходимо отметить, что задидактизированность игры, вплетение её в структуру занятия или урока приводит к тому, что игра начинает носить фрагментарный и эпизодический характер. Это приводит к частичной потере её изюминки, фантазии, творчества. Как справедливо отметила Г.Г. Макаренкова «...подчиняясь дидактическим задачам (игра), перестаёт быть самостоятельной и творческой, ... приводит, как отмечают учёные, к разрушению детского сообщества» [9, с. 8].

В отличие от дидактической игры народная игра имеет ряд преимуществ – свобода, возможность играть в любое время и в любом месте, разновозрастной состав играющих, использование подручных и бросовых материалов и самое главное – фундаментом народных игр являются народные традиции, предметы народного быта, народного фольклора и т. п.

Актуальность народных игр в настоящее время не вызывает сомнений, несмотря на глобализационные процессы и информационные технологии, ибо, как считал Януш Корчак, в играх заложена генетика прошлого. Й. Хейзинга, изучая жизнь и культуру народов в историческом разрезе писал: «Игровое состояние как общественный импульс, более старый чем сама культура, издревле заполняло жизнь и, подобно дрожжам, заставляло расти формы архаической культуры» [10].

В народных играх отражается огромный педагогический потенциал, изучение и раскрытие которого будет способствовать повышению эффективности развития психических качеств ре-

бенка. Тем не менее, с сожалением приходится констатировать, что как старшее, так и молодое поколение, в основном городские жители, не знают народных игр и вследствие этого не умеют в них играть. Как справедливо писал экс-замминистра образования Республики Беларусь К.С. Фарино: «Признавая огромную ценность игры в развитии ребёнка, руководство детской игрой представляется для нас, взрослых, серьёзной проблемой... необходимо признать, что игра не заняла должной ниши в содержании воспитательно-образовательного процесса» [9, с. 4].

Многолетний опыт проведения семинаров-тренингов по вопросам использования народных игр в работе с детьми дошкольного возраста в Кыргызстане, Республике Саха (Якутия), Красноярском педагогическом колледже, Московском психолого-социальном университете показал, что практически все признают развивающее значение народных игр и необходимость использования их в работе с детьми. Но в процессе семинаров-тренингов участники признавались, что не помнят или не знают народных игр, а те игры, которые они вспоминали, вызывали у них восторг и детскую неподкупную радость. «Погружаясь в проблему детской игры и создания благоприятных условий для развития игровой деятельности, всё больше убеждаешься в том, что главную роль здесь должны играть взрослые» [9, с. 5].

Под понятием «взрослые» подразумеваются все социально заинтересованные группы, в первую очередь воспитатели и родители. «Не все педагоги и руководители осознают необходимость внутренней перестройки своего педагогического сознания», в связи с этим, «необходима перестройка педагогического сознания воспитателя» [9, с. 8]. Но не только педагогические работники нуждаются в «перестройке сознания», необходимо разработать план мероприятий для родителей, которым нужна педагогическая и психологическая поддержка в повышении их компетентности как воспитателей своего ребенка, в частности, во взглядах на игру, её роли в развитии ребёнка.

М.М. Ярмолинская справедливо отмечает, что большое количество родителей, к сожалению игнорируют игру, и не понимают её воспитательного потенциала. Оправдывая свою позицию, некоторые родители утверждают, что дети не любят играть, но игра не возникает сама собой. Это предполагает, что кто-то должен заинтересовать их игрой и научить играть. Игра, как всякое народное наследие, передавалась от поколения к поколению, от старших к младшим [9, с. 11].

К сожалению, практика показала, что народные игры, традиции, обычаи, обряды используются в основном при праздниках и народных гуляниях. Как справедливо отметил исследователь белорусской народной игры С.Д. Сергейчук, «...сейчас белорусская народная игра имеет свободное существование только в традиционных народных праздниках и любительских художественных объединениях Беларуси, что ограничивает её влияние на воспитательный процесс в системе современного этнопедагогического образования, тем более недостаточно происходит реализация ее педагогического потенциала и воспитательных возможностей» [11, с. 259–261].

Вместе с тем, В. Козловщик в своей работе «Аб дзіцячым выхаванні беларусаў» поднимал вопрос о необходимости овладения молодежью духовно-нравственными ценностями своих предков, развитии их физической и духовной силы, «чтобы приобрести свободу и воплотить свои народные и общественные мечтания» [12, с. 132].

Как сегодня привлечь детей к игре, как сделать так, чтобы дети сами захотели играть? Практика показывает, что одним из главных условий является знание взрослыми правил игры, умение играть и самое главное – знание того, что развивает та или иная игра и что является актуальным в той или ином возрасте: развитие внимания, памяти, речи, мышления, умений сравнивать, сопоставлять, находить аналогии, воображения, фантазии, творческих способностей... К примеру, говоря о развитии речи, необходимо акцентировать внимание на пальчиковых играх на развитие мелкой моторики: «Сорока-белобока», «Арпа кууру, будай кууру». Для подготовки кисти руки к письму хорошо зарекомендовала себя кыргызская народная игра «Допу басмай». Для отработки устного счета-игра «Канча», «Брюльки», для ознакомления с геометрическими фигурами и развития воображения – игры «Чатраш» и «Жайлоо». Суть в том, что дети просто играют и при этом приобретают необходимые знания, умения и навыки для дальнейшего обучения в школе, в игре реализуется принцип развивающего обучения.

Важно сделать игру максимально свободной, чтобы дети могли играть по своему желанию, без принуждения. Главная задача взрослых заключается в создании условий, мотивации и в ненавязчивом руководстве игрой.

Литература

1. Уметов, Т. Э. Игры народов Средней Азии и Казахстана / Т. Э. Уметов. – Москва-Воронеж : Изд-во «МОДЕК», 2006. – 208 с. (Сер. «Библиотека педагога-практика»).
2. Гузик, М. А. Игра как феномен культуры : учеб. пособ. / М. А. Гузик. – М., 2012. – 268 с.
3. Волобуева, Л. М. Фридрих Фребель. Будем жить для своих детей. Педагогика детства / Л. М. Волобуева. – М., 2001. – 287 с.
4. Хайбулаев, М. Х. Педагогические основы игры / М. Х. Хайбулаев, С. В. Алиев. – Махачкала : Изд-во ДГПУ, 1997. – 120 с.
5. Леонтьев, А. Н. Избранные психологические произведения : в 2-х т. / А. Н. Леонтьев. – М. : Педагогика, 1983. – Т. 1. – С. 303–323.
6. Бычков, А. А. Формирование и развитие теории человеческого капитала / А. А. Бычков // Молодой ученый. – 2015. – № 20 (100). – С. 228–230.
7. Дятлов, С. А. Теория человеческого капитала / С. А. Дятлов. – СПб. : Изд-во СПбУЭФ, 1996. – 141 с.
8. Беккер, Г. С. Человеческое поведение : экономический подход / Г. С. Беккер // Избранные труды по экономической теории / Сост., науч. ред., послесл. Р. И. Капелюшников ; предисл. М. И. Левин ; пер. с англ. – М. : ГУ ВШЭ, 2003. – 672 с.
9. Игра в мире детства : материалы Республиканской конференции «Современные игры и игрушки в образовательном процессе дошкольного учреждения : состояние, проблемы, перспективы», Гомель, 26–27 ноября 2007 г. ; редкол.: А. Саченко (гл. ред.) [и др.] // Пралеска. – 2008. – № 1 (97). – 77 с.
10. Хёйзинга, Й. Homo Ludens. Статьи по истории культуры / Й. Хёйзинга ; пер., сост. и вступ. ст. Д. В. Сильвестрова ; комм. Д. Э. Харитоновича. – М. : Прогресс – Традиция, 1997. – 416 с.
11. Сергейчук, Д. П. Социально-культурное пространство белорусской народной игры / Д. П. Сергейчук // Теория и практика образования в современном мире : материалы Междунар. заоч. науч. конф., Санкт-Петербург, февраль 2012 г. ; под общ. ред. Г. Д. Ахметовой. – СПб. : Реоме, 2012. – С. 259–261.
12. Белорусские народные танцы, хороводы, гульни / Сост. В. С. Семеняков. – Минск, 1989. – 135 с.

Об использовании ветеранами спорта эластичных амортизаторов для развития гибкости и улучшения подвижности в суставах

В.Ю. УСОВИЧ

В статье представлены результаты влияния упражнений для развития гибкости и улучшения подвижности в суставах с использованием эластичных амортизаторов на уровень физического состояния ветеранов спорта, мужчин среднего и пожилого возраста, членов Гомельской областной организации Белорусского общественного объединения «Ветераны физической культуры и спорта». Полученная нами информация о динамике физического состояния ветеранов спорта при использовании эластичных амортизаторов свидетельствует о целесообразности их применения при подготовке индивидуально-ориентированных рекомендаций по построению и содержанию занятий физкультурно-оздоровительной направленности с ветеранами спорта, мужчинами среднего и пожилого возраста, с учетом индивидуальных особенностей организма.

Ключевые слова: ветераны спорта, физкультурно-оздоровительные занятия, физические упражнения, гибкость, эластичные амортизаторы, лента, кольцо.

The article presents the results of the analysis of the influence of exercises to develop flexibility and improve mobility in joints using elastic shock absorbers on the level of physical condition of sports veterans, middle-aged and elderly men, members of the Gomel regional organization of the Belarusian public association «Veterans of Physical Culture and Sports». The information received about the dynamics of the physical state of sports veterans when using elastic shock absorbers indicates the expediency of their use in preparing individually oriented recommendations for planning physical training and health-improving activities with sports veterans, middle-aged and elderly men, taking into account the individual characteristics of their bodies.

Keywords: sports veterans, health and fitness classes, exercise, flexibility, elastic shock absorbers, tape, ring.

Введение. Еще несколько столетий назад физический труд помогал человечеству выживать, мужчины и женщины много работали, обустроив семейный быт и занимаясь воспитанием детей. С развитием цивилизации и технического прогресса образ жизни принципиально изменился, производственные и многие бытовые процессы были автоматизированы и доля физического труда сведена к минимуму. Значительная часть населения Земли в настоящее время больше занимается умственным трудом, чем физическим. Все это привело к дефициту ежедневной двигательной активности, а также к отсутствию необходимых физических нагрузок. Пандемия коронавирусной инфекции и вынужденные меры социального дистанцирования еще больше усугубили ситуацию, на какое-то время лишив многих людей возможности посещать спортивные и физкультурно-оздоровительные объекты. В группе риска оказались люди среднего и пожилого возраста.

Необходимо отметить, что несмотря на мощное развитие современной лекарственной терапии, грамотно спланированная и дозированная в соответствии с индивидуальными особенностями организма физическая нагрузка и в настоящее время остается универсальным методом профилактики различных заболеваний [1], [2].

В современных условиях необходимого социального дистанцирования, обусловленного повсеместным распространением вирусной инфекции, многие любители здорового образа жизни, в том числе и ветераны спорта, изменили свой привычный уклад тренировочных и оздоровительных занятий, сместив при этом акцент на применение средств аэробной направленности (бег, ходьба, скандинавская ходьба, езда на велосипеде и т. д.). Вместе с тем, в ряде случаев односторонность в построении физкультурно-оздоровительных занятий способна привести к возникновению определенных проблем с функционированием опорно-двигательного аппарата.

Цель исследования: экспериментально оценить влияние применения упражнений для развития гибкости и улучшения подвижности в суставах с использованием эластичных амортизаторов на уровень физического состояния ветеранов спорта, мужчин среднего и пожилого возраста.

Материалы и методы исследования. Для достижения поставленной цели нами использовались следующие методы: изучение и анализ современной отечественной и зарубежной научно-методической литературы, анкетирование ветеранов спорта, педагогические наблюдения, педагогический эксперимент и методы математико-статистического анализа. В процессе исследования данной проблемы было проведено анкетирование ветеранов спорта, мужчин среднего и пожилого возраста, членов Гомельской областной организации Белорусского общественного объединения «Ветераны физической культуры и спорта» с целью выявления их отношения к выполнению упражнений на развитие гибкости.

Анализ полученных нами данных показал, что исследуемой категорией ветеранов недостаточно используются такие, на наш взгляд, эффективные средства развития гибкости, как физические упражнения с использованием разнообразных эластичных амортизаторов.

Принимая во внимание проведенные нами ранее исследования, мы посчитали возможным рекомендовать увеличение доли данных упражнений в структуре физкультурно-оздоровительных занятий с ветеранами спорта, мужчинами среднего и пожилого возраста для повышения уровня их физического состояния, гибкости, улучшения подвижности в суставах и поддержания устойчивого функционирования опорно-двигательного аппарата [3].

Для этого в течении 9 месяцев проводился педагогический эксперимент с участием 19 мужчин среднего и пожилого возраста, на протяжении которого мы анализировали динамику показателей физического состояния исследуемой категории ветеранов спорта.

Результаты исследования. Необходимо отметить, что физическое состояние ветеранов спорта определяется многими связанными между собой факторами, каждый из которых по-своему очень важен для организма. Хорошо известно, что процесс старения приводит к снижению гибкости и ограничению диапазона подвижности суставов. Принимая во внимание, что гибкость имеет важное значение при выполнении значительного объема двигательных действий как в повседневной бытовой жизни, так и в трудовой деятельности, в последние годы все в большей степени тренировка гибкости для людей старшей возрастной группы осознается как важная предпосылка для гармонизации телосложения, улучшения координации движений и предупреждения травм. В этой связи нам было важно выяснить, каково отношение самих ветеранов спорта к выполнению упражнений на развитие гибкости. Проанализировав данные анкетного опроса и пообщавшись с ветеранами спорта, стало очевидно, что только 19 % регулярно выполняют упражнения, развивающие гибкость, 24 % выполняют их эпизодически и 57 % из числа опрошенных не выполняют совсем (рисунок 1).

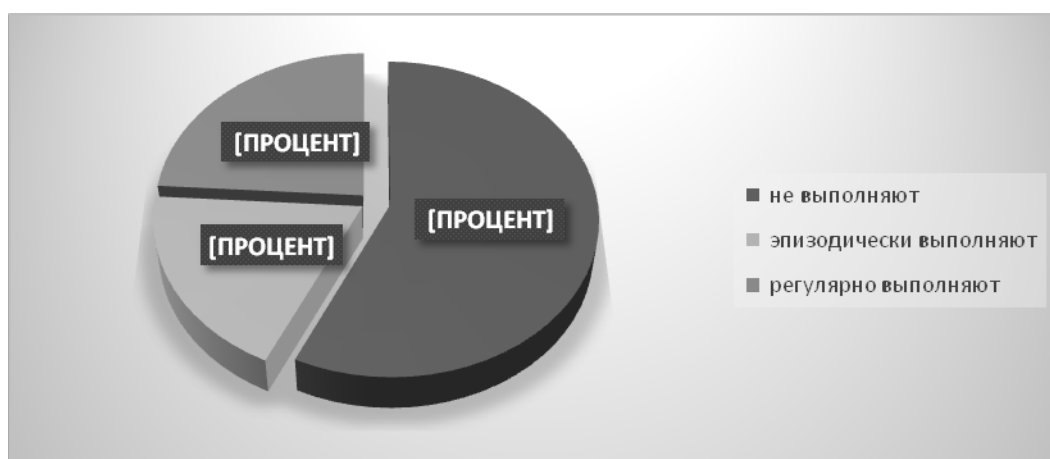

Рисунок 1 – Использование ветеранами спорта упражнений на развитие гибкости

Ряд авторов считает, что в пожилом возрасте предпочтение следует отдавать тем физическим упражнениям, которые не предъявляют высоких требований к организму и легко дозируются по нагрузке. Рекомендуются специальные комплексы физических упражнений, не допускающие утраты силовых качеств и гибкости, что, в свою очередь, способствует поддержанию осанки и обеспечению нормального функционирования организма [4], [5], [6].

В этой связи, на наш взгляд, исследуемой группой ветеранов спорта не в полной мере используются средства для развития гибкости и улучшения подвижности в суставах. В то же время людям среднего и пожилого возраста необходимо обращать внимание на то, что, хотя упражнения на растягивание и могут улучшить гибкость, однако их выполнение ветеранами спорта требует особой осторожности, так как у людей с возрастом связки, сухожилия и мышцы становятся менее эластичны и податливы. Как правило, это обусловлено пониженным содержанием жидкости и заменой эластичных волокон коллагеновыми. Именно поэтому менее эластичные ткани становятся более подвержены травмам, например, растяжению. При этом необходимо подчеркнуть, что в каждом отдельном случае важно учитывать индивидуальные особенности физического состояния ветеранов и последствия ранее перенесенных ими травм.

Как показывает практика, хорошая гибкость обеспечивает экономичность, быстроту и свободу движений, позволяет увеличить эффективность приложения усилий при выполнении разнообразных физических упражнений. При недостаточно развитой гибкости затруднена координация движений человека, так как ограничивается перемещение отдельных звеньев тела. Гибкость различают по форме проявления на активную и пассивную. Гибкость принимается активной, если движение с большой амплитудой выполняется за счет собственной активности соответствующих мышц. Пассивная же гибкость – это способность выполнять те же движения только под воздействием внешних растягивающих сил: специальных приспособлений, усилий партнера, внешнего отягощения и т. п. [7]. Еще гибкость подразделяют по способу проявления на статическую и динамическую. Статическая гибкость проявляется в позах, а динамическая, соответственно, в движениях. Также различают специальную и общую гибкость, при этом специальная гибкость характеризуется амплитудой движений, соответствующей технике конкретного двигательного действия, а общая гибкость – высокой подвижностью во всех суставах [8].

В последнее время все большую популярность набирает выполнение упражнений на развитие гибкости с использованием разнообразных эластичных амортизаторов.

Современные зарубежные исследования (M. Brandt и др., 2013) указывают на то, что проведение оздоровительных занятий с использованием разнообразных эластичных амортизаторов является реальной альтернативой тренировкам на тренажерах или же со свободными отягощениями.

Спортивный инвентарь, который создан на основе упругого сопротивления, является простым, но в то же время универсальным для тренировок, так как при этом используется постоянное напряжение для стимуляции роста мышц и также минимизируются нагрузки на суставы. При этом считается, что выполнение физических упражнений с использованием эластичных амортизаторов способствует улучшению показателей гибкости и подвижности суставов, в том числе у людей среднего и пожилого возраста [9], [10], [11].

В настоящее время выбор эластичного спортивного инвентаря представлен достаточно широко, при этом в нашей работе мы использовали четыре основных типа амортизаторов (рисунок 2).

Кольцо

Трубчатый амортизатор

Мини-ленты

Канат

Рисунок 2 – Разновидности эластичных амортизаторов

Весьма доступны и просты в использовании кольцевые мини-амортизаторы, которые подходят для любого человека и практически на любом уровне физической подготовки. В зависимости от цвета ленты и силы натяжения каждая лента-кольцо имеет разную степень сопротивления, при этом они занимают очень мало места и их удобно брать с собой в дорогу и использовать в любом месте.

Ленточный амортизатор является более упругим, чем кольцевые мини-ленты, и представляет собой прочную и достаточно длинную закольцованную ленту, сделанную из многослойного латекса. При использовании во время физкультурно-оздоровительных занятий ленточные амортизаторы помогают увеличивать нагрузку без использования дополнительного веса и способствуют развитию силы и скорости. Также сверхпрочные латексные ленты можно успешно использовать для проведения тренировок с собственным весом при выполнении облегченных подтягиваний и отжиманий, для усложнения приседаний, жима лежа, для выполнения растягивающих и баллистических упражнений. Так же, как и в предыдущем варианте амортизаторов, для определения уровня сопротивления здесь используется цветовая индикация, а еще имеются отличия в толщине и ширине ленты.

Следует отметить несомненное удобство и функциональность трубчатых амортизаторов, которые представляют собой эластичную трубку с возможностью крепления различных рукоятей на концах. На практике применяются разные вариации этого снаряда: одинарный, двойной, тройной, плетеный амортизатор, обернутый в кожан, имеющий вставки для прижатия ног к полу и т. д., при этом в целом конструкция у всех одна. В физкультурно-оздоровительных занятиях трубчатые амортизаторы используются для укрепления мышц верхней части тела, спины, плечевого пояса, рук, ног, груди и брюшного пресса. Их с успехом можно использовать не только для занятий в специально оборудованных залах, но также на свежем воздухе и в домашних условиях.

Трубчатые амортизаторы легко крепятся, довольно просты в использовании и безопасны, если соблюдать рекомендации производителей не растягивать их более указанной длины покоя. Они также, как и ленточные, имеют несколько уровней сопротивления, маркированные различными цветами в зависимости от бренда производителя.

Определенный интерес представляет также канат-амортизатор, обернутый в защитный кожан и снабженный рукоятями в виде петель на концах. Его использование позволяет успешно прорабатывать мышцы-стабилизаторы, брюшной пресс, да еще и выполнять разнообразные функциональные упражнения, особенно для работы в паре. Канат также обладает разнообразием сопротивлений, растягиваясь до 300 % от своей первоначальной длины.

Используемые нами в работе эластичные амортизаторы применимы как для динамического, так и для статического стретчинга, при этом они дополняют естественное сокращение и расслабление мышц в процессе выполнения упражнений.

Следует отметить, что с учетом индивидуальных особенностей ветеранов спорта нами была разработана программа выполнения упражнений с эластичными амортизаторами, которая предусматривала проведение занятий силовой направленности 2 раза в неделю по 45–60 минут, а также выполнение упражнений на развитие гибкости и улучшения подвижности в суставах 5 раз в неделю (таблица 1).

Таблица 1 – Программа выполнения упражнений с эластичными амортизаторами

День недели	Выполняемые упражнения	Используемые амортизаторы	Количество повторений и время (сек)
понедельник, среда, пятница	из положения стоя на коленях медленно садиться на пятки, удерживая руками натяжение амортизатора	кольцо или канат с верхней точкой крепления перед собой	2 × 30–40
	из положения лежа на спине выпрямлять ногу вверх, удерживая руками натяжение амортизатора	мини-ленты со свободным креплением на голеностопе	2 × 30–40 (на каждую ногу)
	из положения сидя с разворотом корпуса назад удерживать руками натяжение амортизатора	кольцо или трубчатый амортизатор со средней точкой крепления за спиной	2 × 30 (в каждую сторону)

Окончание таблицы 1

	из положения сидя наклониться вперед и удерживать руками натяжение амортизатора	кольцо со свободным креплением на голеностопе	2 × 30–40
	из положения стоя на коленях медленно садиться на пятки, а затем медленно, удерживая руками натяжение амортизатора, стараться лопатками коснуться пола	кольцо или канат с верхней точкой крепления перед собой	2 × 30
	из положения стоя, руки вниз вдоль туловища, удерживать руками натяжение амортизатора	трубчатый амортизатор или кольцо с точкой крепления под ногами	2 × 30–40
	из положения стоя, рука отведена назад с поворотом корпуса, удерживать натяжение амортизатора с одновременным движением в плечевом суставе	трубчатый амортизатор или кольцо с верхней точкой крепления за спиной	2 × 20 (на каждую руку)
вторник, четверг	упражнения на развитие силы	мини-ленты, кольцо, трубчатые амортизаторы, канат с различными точками крепления	
суббота, воскресенье	двигательная активность в соответствии с индивидуальными предпочтениями, упражнения на развитие гибкости		

В своей работе о современной концепции растяжения мышц для тренировок и в целях реабилитации П. Пейдж (2012) указывает, что тренировки с переменным сопротивлением с использованием эластичных амортизаторов способствуют развитию техники растяжения и повышению гибкости, а также увеличивают амплитуду движений в суставах, что подтверждается и нашими исследованиями [12]. Так, проведенный после окончания эксперимента анализ показателей уровня физического состояния ветеранов спорта, мужчин среднего и пожилого возраста указывает на наличие значительной положительной динамики в развитии гибкости и улучшении подвижности в суставах (таблица 2).

Таблица 2 – Динамика показателей гибкости и амплитуды движений в суставах ветеранов спорта

Показатели		$\bar{x} \pm \sigma$		t-критерий стьюдента	p
		до эксперимента (n = 19)	после эксперимента (n = 19)		
Подвижность в плечевом суставе (угловой градус)	сгибание	113,79 ± 6,84	122,16 ± 7,23	3,47	< 0,01
	разгибание	27,11 ± 4,25	31,63 ± 6,12	3,09	< 0,01
	отведение	101,74 ± 5,44	110,26 ± 9,59	3,52	< 0,01
Подвижность в коленном суставе (угловой градус)	сгибание	70,68 ± 8,86	62,73 ± 6,35	3,91	< 0,01
	разгибание	169,37 ± 4,42	171,84 ± 4,00	2,84	< 0,05
Подвижность в голеностопном суставе (угловой градус)	подошвенное сгибание	111,79 ± 5,38	117,58 ± 4,78	3,37	< 0,01
	тыльное сгибание	78,37 ± 2,92	76,53 ± 4,18	2,96	< 0,01
	разгибание				
Наклон вперед из положения сидя, см		1,84 ± 2,06	2,47 ± 2,54	2,68	< 0,05

Следует отметить, что регулярное выполнение упражнений на развитие гибкости с использованием различных упругих амортизаторов определило значительные положительные сдвиги и улучшения подвижности в плечевом, коленном и голеностопном суставах, а также в выполнении теста «наклон вперед из положения сидя».

Заключение. Проведенное нами исследование подтверждает, что выполнение ветеранами спорта специально подобранных упражнений с использованием различных эластичных амортизаторов способствует развитию гибкости и улучшению подвижности в суставах у людей среднего и пожилого возраста.

Необходимо отметить, что при работе с упругим сопротивлением следует чаще проводить корректировку используемых амортизаторов, а также расстояния от точки крепления, которое подбирается индивидуально.

Полученная нами информация о динамике физического состояния ветеранов спорта при использовании эластичных амортизаторов свидетельствует о целесообразности их применения при подготовке индивидуально-ориентированных рекомендаций по построению и содержанию занятий физкультурно-оздоровительной направленности с ветеранами спорта, мужчинами среднего и пожилого возраста с учетом индивидуальных особенностей организма.

Литература

1. Коледа, В. А. Основы физической культуры: учеб. пособ. / В. А. Коледа, В. Н. Дворак. – Минск : БГУ, 2016. – 191 с.: ил.
2. Усович, В. Ю. О некоторых факторах, сдерживающих участие ветеранов спорта в соревновательной деятельности и избирательно влияющих на их двигательную активность / В. Ю. Усович, Г. И. Нарский // Физическая культура и спорт в XXI веке : актуальные проблемы и их решения : сб. матер. Всероссийской с международным участием науч.-практич. конф., Волгоград, 21–22 окт. 2020 г. ; под общ. ред. В. В. Горбачевой, Е. Г. Борисенко. – Волгоград : ФГБОУ ВО «ВГАФК», 2020. – Т. 2. – С. 49–56.
3. Усович, В. Ю. К вопросу об особенностях физического состояния и двигательной активности ветеранов спорта / В. Ю. Усович, Г. И. Нарский // Мир Спорта. – 2020. – № 2 (79). – С. 85–89.
4. Андерсон, Б. Растяжка для поддержания гибкости мышц и суставов / Б. Андерсон ; пер. с англ. О. Г. Белошеев. – Минск : «Попурри», 2007. – С. 8–10.
5. Вайнер, Э. Н. Валеология : учеб. для вузов / Э. Н. Вайнер. – 5-е изд. – М. : Флинта: Наука, 2007. – 416 с.
6. Курамшин, Ю. Ф. Теория и методика физической культуры : учеб. для вузов / Ю. Ф. Курамшин, В. И. Григорьев, Н. Е. Латышева [и др.] ; под ред. Ю. Ф. Курамшина. – М. : Советский спорт, 2004. – 463 с.
7. Коц, Я. М. Спортивная физиология : учеб. для ИФК / Я. М. Коц. – М., 1986. – С. 70–98.
8. Кудрицкий, Ю. В. Роль гибкости при тренировке студентов по программе общей физической подготовки / Ю. В. Кудрицкий, В. А. Коледа, В. Н. Кудрицкий // Вестник Брестского гос. технич. ун-та. – 2009. – № 6. – С. 88–90.
9. Andersen, L. L. Muscle activation and perceived loading during rehabilitation exercises : comparison of dumbbells and elastic resistance / L. L. Andersen, C. H. Andersen, O. S. Mortensen [et al.] // Phys Ther. – 2010. – № 90. – P. 538–549.
10. Brandt M. Perceived loading and muscle activity during hip strengthening exercises : comparison of elastic resistance and machine exercises / M. Brandt, M. D. Jakobsen, K. Thorborg, E. Sundstrup [et al.] // Int J Sports Phys Ther. – 2013. – № 8. – P. 811–819.
11. Vinstrup, J. Core muscle activity, exercise preference, and perceived exertion during core exercise with elastic resistance versus machine / J. Vinstrup, E. Sundstrup, M. Brandt // Scientifica (Cairo). – 2015. – DOI : 10.1155/2015/403068403068.
12. Page, P. Current concepts in muscle stretching for exercise and rehabilitation / P. Page // International Journal of Sports and Physical Therapy – 2012. – № 7. – P. 109–119.

УДК 796.422: 796.015:612

Методика использования игровых средств для повышения скоростно-силовой подготовленности юных спринтеров

Х.С. ХОРШИДАХМЕД

Цель исследования – определение результативности методики подготовки юных бегунов на короткие дистанции в годичном макроцикле с использованием подвижных спортивных игр и игровых упражнений. В результате проведенных исследований определена результативность в тренировочном процессе спринтеров 12–15 лет различных вариантов организации их специальной силовой подготовки, а разработанная методика развития быстроты и скоростно-силовых способностей игровыми средствами тренировки у юных бегунов-спринтеров показала свою продуктивность. Получил подтверждение тот факт, что средства подготовки бегунов на короткие дистанции должны подбираться таким образом, чтобы обеспечить положительное взаимодействие качеств силы и быстроты с целью эффективного выполнения необходимой двигательной задачи.

Ключевые слова: юные бегуны, силовые характеристики, годичный цикл, скоростно-силовые способности, показатели, спринт, подготовка, игровые средства.

The aim of the research is to determine the effectiveness of the training methodology for young sprinters in a one-year macrocycle with the use of the outdoor games, sports games and game exercises. As a result of the research, the effectiveness regarding the training process of 12–15-year-old sprinters applying various options for organizing their special strength training was determined, and the proposed methodology for the development of speed and speed-strength abilities through training using game means among young sprinters showed its productivity. The statement that the means of training for sprinters should be selected in such a way as to ensure a positive interaction of the qualities of strength and speed in order to effectively fulfill the necessary motor task was confirmed.

Keywords: young runners, power characteristics, annual cycle, speed-strength abilities, indicators, sprint, preparation, game means.

Введение. Успех спортивной подготовки в наше время определяется уже не только удачным выбором средств и методов тренировки, но и в большей степени умением организовывать их в определенную систему, дающую максимальный тренировочный эффект при минимальных затратах времени [1], [2], [3], [4]. Такая система должна обеспечивать неуклонное повышение тренирующего воздействия упражнений с учетом уровня подготовленности спортсмена, периода и задач тренировки. Естественно, что сделать это можно только четко представляя себе эффективность применяемых средств и оптимальные условия одновременного и последовательного сочетания их в одном тренировочном занятии в недельном, годовом и многолетнем циклах подготовки.

В настоящее время накоплен большой методический материал по применению в тренировке бегунов разнообразных скоростно-силовых упражнений [5], [6] [7], [8]. Однако, проблема выбора рациональных средств скоростно-силовой подготовки, особенности их применения в тренировке с различным контингентом спринтеров не получила удовлетворительно обоснования и теоретического объяснения.

При этом все чаще постулируется положение о том, что основные средства развития скоростно-силовых способностей, применяемые в тренировочном процессе бегунов на короткие дистанции, не всегда адекватны специфическим воздействиям, которые возникают во время выполнения бега на максимальной скорости, а используемая методика специальной силовой подготовки часто далека от целенаправленного совершенствования опорно-двигательного аппарата спринтеров различной квалификации и неспособна обеспечить эффективный рост его спортивного мастерства [9], [10], [11].

В большинстве случаев рекомендации, касающиеся системного применения средств скоростно-силовой подготовки, разрабатываются для квалифицированных спортсменов [6], [7], [12], [13]. Однако фундамент высшего мастерства закладывается на начальных этапах тренировки. И то, как рационально будет организована тренировка начинающих спортсме-

нов в различных структурных единицах годичного цикла подготовки имеет первостепенное значение [10], [14], [15], [16]. Кроме того, методические положения, подготовленные для квалифицированных атлетов, весьма часто без соответствующего осмысления распространяются на учебно-тренировочный процесс юных спортсменов.

Анализ специальной литературы показал, что средствам специальной силовой подготовки принадлежит важное место в системе спортивной тренировки спринтеров различного возраста, а вопросы, касающиеся скоростно-силовой подготовки юных спринтеров, рассмотрены явно недостаточно [5], [10], [14]. Это связано с тем, что эти средства, во-первых, призваны обеспечить формирование такой структуры физической подготовленности спортсмена, которая бы отвечала специфике внешних отношений его организма, и, во-вторых, должны по своему воздействию соответствовать режиму деятельности спортсмена в специализируемом упражнении.

В то же время, функциональная специализация опорно-двигательного аппарата спортсменов не должна быть следствием пассивного приспособления к условиям соревновательной деятельности [2], [14]. Необходимо в соответствии с индивидуальной биоритмологической предрасположенностью [9], [17] возрастного развития спринтеров, попытаться заранее достичь специфических морфофункциональных перестроек их опорно-двигательного аппарата. Это может явиться потенциальным резервом, способствующим качественному совершенствованию скоростно-силовой подготовленности бегунов на короткие дистанции и станет основой для динамичного роста их спортивных достижений.

Невыполнение всего сказанного приводит к преждевременной реализации функциональных возможностей юных спринтеров, отсутствию прогресса у них при переходе в группы юниоров и взрослых. К числу наиболее важных причин этого можно, на наш взгляд, отнести отсутствие у специалистов единого подхода к направленности тренировочного процесса и физической подготовки на этапе начальной спортивной специализации.

Цель исследования заключалась в определении результативности методики подготовки юных бегунов на короткие дистанции в годичном макроцикле с использованием подвижных, спортивных игр и игровых упражнений.

Методы исследования. Для решения поставленных задач в работе применялись следующие методы исследования: анализ литературных источников, педагогическое тестирование, педагогический эксперимент, методы математической статистики.

Исходя из полученного материала была разработана методика скоростно-силовой подготовки юных бегунов-спринтеров 12–15 лет в годичном цикле с доминирующим использованием игровых средств тренировки, которая проверена в формирующем эксперименте. Легкоатлеты-спринтеры тренировались по разработанным схемам комплексной организации тренировочного процесса спортсменов первой (12–13 лет, $n = 21$) и второй (14–15 лет, $n = 18$) экспериментальной групп.

При разработке методики мы ориентировались на объемы общей и специальной физической подготовки годичного цикла как 70 % и 30 %, при этом средства общей физической подготовки с удельной пульсовой стоимостью нагрузки по ЧСС были не выше 180 уд/мин., а средства специальной физической подготовки с удельной пульсовой стоимостью нагрузки по частоте сердечных сокращений были не ниже 150 уд/мин. [10].

Для инструментальной оценки силовых и скоростно-силовых возможностей мышц бегунов на короткие дистанции применялся метод компьютерной тензодинамографии, что позволяло записывать кривую «сила-время», а также наблюдать за скоростью возрастания силы мышц [2], [5]. Определялась абсолютная сила, зарегистрированная при проявлении изометрического напряжения группы мышц без фиксации времени, оценивалось «взрывное» мышечное сокращение в изометрическом режиме – градиент силы (отношение максимального проявленного мышечного усилия ко времени его достижения) и те значения силовых показателей, которые могут развить спринтеры за 0,1 с. Произведена запись и обработка полученных тензодинамограмм силовых характеристик тех групп мышц, которые участвуют при разгибании ноги в коленном и тазобедренном суставах.

Основная часть. На основании широкого обобщения передового педагогического опыта, анкетного опроса тренеров, анализа документального материала (дневников тренировок) была определена структура годичного цикла бегунов 12–15 лет на короткие дистанции на этапе начальной специализации.

При разработке указанной схемы основное внимание уделялось проблеме оптимального планирования тренировки юных спортсменов, что предусматривало такую организацию тренировки, которая бы исключала «форсирование» подготовки. На основе полученного фактического материала были определены следующие направления в организации специальной физической подготовки юных бегунов, призванные уменьшить вероятность форсированной подготовки занимающихся.

1. Было запланировано некоторое увеличение (на 10–15 %) объема средств общефизической подготовки от тренировочных нагрузок квалифицированных спринтеров. При этом широко использовались упражнения, которые в небольшом объеме применяются взрослыми спринтерами более высокой квалификации. Так, превалирующе проводилось внедрение в учебно-тренировочный процесс юных спринтеров подвижных, спортивных игр, игровых упражнений и т. п.

2. Рассчитано суммарное выполнение объема годовой нагрузки, касающейся средств специальной физической подготовки. Объем последних составлял не более 40–50 % от аналогичных тренирующих воздействий более квалифицированных спринтеров.

3. Организацией нагрузки по месячным циклам предусмотрены максимальные значения использования тренировочных средств не более 10 % за мезоцикл от годового объема тренирующих воздействий. У взрослых спортсменов данные параметры нагрузки предусматривают концентрацию однонаправленных средств специальной физической подготовки до 20 % и более в месяц от годового объема [1], [7].

Средние планируемые годовые параметры объема тренировочной нагрузки для юных спринтеров 12–13 и 14–15 лет представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Запланированный в педагогическом эксперименте общий объем годичных средств тренировочной нагрузки спринтеров 12–15 лет

Средства тренировки	Возраст	
	12–13 лет	14–15 лет
Бег до 80 м со скоростью 96–100 %, км	7,3 ± 1,0	12 ± 1,0
Бег до 80 м со скоростью 91–95 %, км	8,0 ± 2,0	14 ± 3,0
Бег 100–300 м со скоростью 91–100 %, км	19,5 ± 3,5	30,0 ± 4,0
Бег свыше 300 м со скоростью менее 80 %, км	45,0 ± 7,5	60,0 ± 10,0
Кроссовый бег, часы	30,0 ± 8,0	40,0 ± 5,0
Силовые упражнения, т	35,0 ± 5,0	65,0 ± 5,0
Короткие прыжки, количество отталкиваний	2700 ± 300	6000 ± 600
Длинные прыжковые упражнения, км	8,0 ± 1,4	10,0 ± 1,0
Спортивные игры, часы	90,0 ± 5,0	52,0 ± 3,5
Общеразвивающие упражнения, часы	80,0 ± 5,0	45,0 ± 3,5

Для осуществления разработанной методики был определен объем основных средств подготовки и произведено его распределение по месяцам макроцикла в процентах от общего годового объема принятого за 100 %. Также необходимо было не только распределить средства тренировки, но и взаимосвязать их с нагрузкой другой преимущественной направленности, в определенной мере необходимой спринтерам для специализированной подготовки.

Исходя из вышеприведенного материала, была разработана методика развития специальной подготовленности игровыми средствами тренировки юных бегунов-спринтеров 12–15 лет (таблицы 2 и 3).

Таблица 2 – Построение тренировки юных спринтеров (12–15 лет) с использованием игровой направленности занятий на развитие быстроты и скоростно-силовых способностей

Тренировочные средства, используемые в занятиях	Компоненты тренирующих воздействий				
	Интенсивность ЧСС, уд/мин	Время выполнения упражнений, мин.	Число повторений, раз	Продолжительность интервалов отдыха, (мин., с.)	Характер отдыха
ОРУ	80–90	10–12	–	–	–
Медленный бег и его разновидности	110–120	8–10	–	–	–

Окончание таблицы 2

Беговые упражнения	110–120	4–5	3–4	20–40 с	Пассивный
Ускорения	160–170	5–7	3–4	15–20 с	Пассивный
10-кратные прыжки на одной ноге	160–170	5–7	4	1 мин	Активный
Игры и игровые задания на быстроту	до 180	18–20	8–10	1 мин	Активный
Старты с выбыванием	до 180	8–10	4–5	1–2 мин	Пассивный
Упражнения на гибкость и координацию	100–120	6–8	4–5	10–20 с	Пассивный
Упражнения на расслабление	80–100	4–5	3–4	10–20 с	Дыхательные упражнения

В первой экспериментальной группе у мальчиков 12–13 лет в результате годичной тренировки наряду с повышением результата в беге на 100 м на 1,43 с достоверно улучшились показатели специальной физической подготовленности: улучшилось время бега 20 м с ходу и 60 м со старта, соответственно, в среднем на 0,19 с и 1,02 с; улучшились результаты в прыжке в длину с места на 0,40 м, в тройном прыжке с места на 1,02 м и броске ядра двумя руками снизу-вперед (3 кг) на 1,12 м.

В том числе, различия показателей бега на 60 м со старта, тройного прыжка и броска ядра двумя руками снизу-вперед имеют высокую статистическую достоверность ($p < 0,05$). Наблюдается также значительное статистически достоверное ($p < 0,01$) увеличение силовых характеристик – абсолютной силы, градиента силы и проявления силы за 0,1 с.

Таблица 3 – Построение тренировки юных спринтеров (12–15 лет) с использованием игровой направленности занятий на развитие скоростной выносливости и скоростно-силовых способностей

Тренировочные средства	Компоненты тренирующих воздействий				
	Интенсивность ЧСС, уд/мин	Время выполнения упражнений, мин.	Число повторений, раз	Продолжительность интервалов отдыха, (мин., с.)	Характер отдыха
ОРУ	80–90	10–12	–	–	–
Медленный бег и его разновидности	110–120	8–10	–	–	–
Беговые упражнения	110–120	4–5	3–4	20–40 с	Пассивный
Ускорения	160–170	5–7	3–4	15–20 с	Пассивный
Эстафеты с преодолением препятствий	до 180	8–10	4–5	1 мин	Активный
Игра «Охотники за утками»	160–170	8–10	1–2	1–2 мин	Активный
Игра в мини-футбол	160–170	16–18	1	–	–
Упраж. на гибкость и координацию	100–120	6–8	4–5	10–20 с	Пассивный
Упражнения на расслабление	80–100	4–5	3–4	10–20 с	Дыхательные упражнения

Во второй экспериментальной группе у юношей 14–15 лет кумулятивный эффект годичной тренировки выразился в улучшении показателей в беге на 100 м на 1,13 с, в беге – на 20 м с ходу и 60 м со старта, соответственно, в среднем на 0,17 с и 0,22 с, в прыжке в длину с места – на 0,30 м, в тройном прыжке с места – на 0,84 м, в броске ядра двумя руками снизу-вперед (3 кг) – на 1,65 м. Статистически достоверно для 1 % уровня значимости увеличились силовые показатели. Так, абсолютная сила возросла на 10,83 кг, градиент силы – на 159,18 кг/с, а проявление силы за 0,1 с – на 13,59 кг.

Закключение. Наибольшим эффектом, с точки зрения интереса занимающихся к выполнению тренировочной работы и обеспечению высокой двигательной активности, обладают подвижные игры и игровые упражнения. Популярность таких игр среди детского насе-

ления обуславливается, прежде всего, тем, что они близки к психическому складу ребенка и легче выполняются в спортивной тренировке. При проведении любой игры необходимо регистрировать следующие параметры: сумма пульса за 5 мин игры, наибольшая ЧСС в процессе игры, соотношение бега и ходьбы за время игры, уровень утомляемости детей, интерес занимающихся к игре (желание продолжать игру).

Тестирование, проведенное в начале и в конце годичного педагогического эксперимента, показало существенный прирост анализируемых показателей у спортсменов экспериментальных групп, что отразилось на результате бега на основной спринтерской дистанции – 100 м. Прирост силовых показателей у юных спринтеров можно объяснить не только сенситивным периодом развития силы мышц, но и эффективностью тренирующих воздействий. Причем последние, по мере роста мастерства спортсмена, будут результативнее, если они по своей направленности соответствуют режиму его деятельности в основном специализируемом упражнении. Результаты педагогического эксперимента позволяют свидетельствовать о продуктивности методика скоростно-силовой подготовки в годичном цикле, разработанной для бегунов на короткие дистанции 12–15 лет, а также содержательности нормативных показателей оценивающих их подготовленность.

Полученные нами результаты подтверждают ряд исследований [8], [10], [18], указывающих, что средства скоростно-силовой подготовки юных бегунов на короткие дистанции должны подбираться таким образом, чтобы обеспечить положительное взаимодействие качеств силы и быстроты с целью эффективного выполнения необходимой двигательной задачи, в том числе, и с использованием подвижных, спортивных игр и игровых упражнений.

Литература

1. Борзов, В. Ф. Подготовка легкоатлета-спринтера: стратегия, планирование, технологии / В. Ф. Борзов // Наука в олимпийском спорте. – 2013. – № 4. – С. 71–82.
2. Верхошанский, Ю. В. Программирование и организация тренировочного процесса / Ю. В. Верхошанский. – 2-е изд., стереотип. – М. : Спорт, 2019. – 184 с.
3. Иссурин, В. Б. Подготовка спортсменов XXI века. Научные основы и построение тренировки / В. Б. Иссурин ; пер. с англ. – М. : Спорт, 2016. – 454 с.
4. Платонов, В. Н. Система подготовки спортсменов в олимпийском спорте. Общая теория и ее практические приложения : учебник [для тренеров] : в 2 кн. / В. Н. Платонов. – К. : Олимпийская литература, 2015. – Кн. 1. – 680 с.
5. Анпилогов, И. Е. Методика специальной скоростно-силовой подготовки юношей-спринтеров на основе применения средств локально-избирательного воздействия / И. Е. Анпилогов, Е. П. Врублевский // Теория и практика физической культуры. – 2011. – № 4. – С. 72.
6. Гусинец, Е. В. Управление тренировочным процессом квалифицированных бегунов на короткие дистанции на основе миометрических показателей мышечной системы / Е. В. Гусинец, В. Ф. Костюченко, Е. П. Врублевский // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. – 2012. – № 5 (87). – С. 30–34.
7. Озолин, Э. С. Спринтерский бег / Э. С. Озолин. – М. : Человек, 2010. – 176 с.
8. Dasteridis, G. The effect of different strength training programmes on young athletes' sprint performance / G. Dasteridis, T. Piliandis, N. Mantzouranis // Stud Phys Cult Tourism. – 2011. – № 18 (2). – P. 141–147.
9. Бальсевич, В. К. Онтокинезиология человека / В. К. Бальсевич. – М. : Теория и практика физической культуры, 2000. – 275 с.
10. Бегай! Прыгай! Метай! Официальное руководство ИААФ по обучению легкой атлетике / Под общ. ред. В. В. Балахничева, В. Б. Зеличенка. – М. : Человек, 2013. – 213 с.
11. Cissik, J. Means and methods of speed training / J. Cissik // Strength and Conditioning Journal. – 2005. – № 27 (1). – P. 18–25.
12. Козлова, Е. Соревнования высококвалифицированных легкоатлетов в рамках годовой системы подготовки / Е. Козлова, М. Фахми // Наука в олимпийском спорте. – 2019. – № 1. – С. 10–16.
13. Vrublevskiy, E. Individualization of training process of runners at various distances depending on biorhythmics of their body / E. Vrublevskiy, M. Kozhedub, S. Sevdalev // Спортивний вісник Придніпров'я. – 2018. – № 3. – P. 10–16.

14. Врублевский, Е. П. Влияние направленности тренирующих воздействий на рост силы мышц юных бегунов на короткие дистанции / Е. П. Врублевский, А. Х. Хоршид, Д. А. Альбаркайи // Теория и практика физической культуры. – 2019. – № 4 (970). – С. 3–5.

15. Севдалев, С. В. Динамика общей физической подготовленности юных хоккеистов в годичном цикле подготовки / С. В. Севдалев, С. В. Шеренда, Е. П. Врублевский // Игровые виды спорта : актуальные вопросы теории и практики : сб. науч. статей 2-ой Междунар. науч.-практ. конф. – Воронеж : Научная книга, 2019. – С. 95–99.

16. Врублевский, Е. П. Анализ общей физической подготовленности хоккеистов 11–12 лет в подготовительном периоде годичного макроцикла / Е. П. Врублевский, С. В. Севдалев, С. В. Шеренда // Игровые виды спорта : актуальные вопросы теории и практики : сб. науч. статей 1-й Междунар. науч.-практ. конф. – Воронеж : Научная книга, 2018. – С. 69.

17. Vrublevskiy, E. P. Modelling of the competitive activities of qualified female short-distance runners, taking into account their individual characteristics / E. P. Vrublevskiy, S. V. Sevdalev, S. V. Lashkevich, A. S. Gerkusov // Physical education of student. – 2019. – № 6. – P. 269–275.

18. Wychowański, M. Wybrane metody oceny dynamiki układu ruchu człowieka / M. Wychowański. – Warszawa : AWF, 2008. – 209 s.

Гродненский государственный
университет им. Я. Купалы

Поступила в редакцию 10.01.2022

Право

УДК 343.265.22:343.13

О развитии информационного пространства и праве на личную неприкосновенность

Т.П. АФОНЧЕНКО¹, Д.Г. НИЛОВ², Н.Ю. КОРЖОВ¹

Виртуальность как феномен современного информационно-технологического уклада социума способствовала выходу за пределы механистических представлений о пределах личного пространства и позволила поставить вопрос в возможностях обеспечения его неприкосновенности как в реальном, так и в цифровом пространстве.

Ключевые слова: цифровизация, информационное пространство, личные права и свободы, безопасность, персональные данные.

Virtuality, as a phenomenon of the modern information and technological structure of the society, contributed to going beyond mechanistic ideas about the limits of personal space and made it possible to raise the question of the possibilities of ensuring its inviolability both in real and digital space.

Keywords: digitalization, information space, personal rights and freedoms, security, personal data.

Введение. В ракурсе проблемы охраны персональных данных в информационном пространстве особое внимание следует обратить на гарантии свободы и неприкосновенности прав личности, которые В.М. Шафиров охарактеризовал как проявление человеческого измерения в праве [1, с. 28]. Статья 3 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. устанавливает: «Каждый имеет право на личную неприкосновенность» [2, с. 86]. Подобное положение содержат ст. 9 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. [3, ст. 291], ст. 5 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. [4, с. 152]. Раздел II Конституции Республики Беларусь закрепляет права на свободу, неприкосновенность и достоинство личности, защиту от незаконного вмешательства в личную жизнь. В то же время ст. 23 Конституции гласит: «Ограничение прав и свобод личности допускается только в случаях, предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц» [5].

Основная часть. В информационном пространстве деятельность, сопряженная с получением персональной информации лица, получает все более широкое распространение: совершение покупок, пользование услугами и сервисами, доступ к различного рода контенту в настоящее время предполагает регистрацию пользователя. Подобные данные также могут стать известными ввиду производства оплаты он-лайн банковскими пластиковыми картами, в ряде случаев также предполагающими деанонимизацию личной информации.

На этом фоне очевидно востребованными становятся гарантии свободы и личной неприкосновенности индивида, сохранности его собственности, запрос на которые в первую очередь адресуется публичным институтам, обладающим всей полнотой возможностей обеспечения названных элементов правового статуса личности. Если право есть справедливость, как отмечает В.Г. Графский, то в случае обнаружения в практическом его воплощении дефицита гарантированной ответственности оно лишается свойства и права, и справедливости [6, с. 24]. Иными словами, как отмечает В.М. Хомич, имманентно повышается роль институтов публичной власти государства в обеспечении различных направлений индивидуальной и коллективной безопасности, а, следовательно, и в правовой ее защите [7, с. 259–260], то есть защите правовыми инструментами. Право определяет пределы свободы индивида, формализованного ра-

венства и требований социальной справедливости, однако этого недостаточно для исходной характеристики сути организации социально-правового контроля возможных девиаций (и наиболее опасных их проявлений – преступных), в том числе в ходе дистанционной торговли, необходима взаимная уравновешиваемая и сбалансированная ответственность тех, кто осуществляет продажу товаров, и тех, кто его приобретает, в рамках соответствующих механизмов, обеспечивающих высокий уровень безопасности, а значит, и подвергающихся контролю.

Тезис о том, что социум определяет стандарты (требования) поведения каждого из нас вообще – по отношению друг к другу и, таким образом, и к социуму – общеизвестен и общепринят. Эти требования (правила) обусловлены моральными, религиозными, техническими, правовыми и иными нормами, обеспечивающими безопасность любого социального образования и социального сообщества людей. Каждый человеческий индивид соотносит требования, порождаемые комплексом указанных правовых правил с собственным внутренним (сформировавшимся либо только формирующимся) миром социальных потребностей и способами их удовлетворения, и тем самым постоянно находится по отношению к социуму в подконтрольном состоянии. Аристотель в книге I трактата «Политика» замечает, что «человек по природе – животное общественное... (в некоторых вариантах перевода – животное политическое, или *zoopolitikon*, греч. – ζῷον πολιτικόν)». «А тот, кто в силу своей природы, а не вследствие случайных обстоятельств живет вне государства, – продолжает далее Аристотель, – либо недоразвитое в нравственном смысле существо, либо сверхчеловек» [8, с. 8]. Эту же мысль, популяризованную благодаря более позднему произведению французского мыслителя Ш.-Л. Монтескье «Персидские письма» 1721 г. (в частности, письмо «LXXXVII Рика к ***») [9, с. 74], русский философ В.С. Соловьев выразил так: «Человек – существо социальное» [10, с. 332]. Не вдаваясь в глубокий метафизический контекст приведенных высказываний, отметим, что для подавляющего (если не более) большинства индивидов успешное существование вне социума, а значит, и вне различных его контрольных механизмов, невозможно. При этом очевидно, что для значительной доли сосуществующих «бок о бок» людей пребывание в определенных рамках поведения – это более или менее сознательный выбор. О. Ньюман при формировании понятия «охраняемого пространства» раскрывает его как совокупности реальных и символических механизмов, позволяющих населению соответствующей административно-территориальной единицы обладать в ее пределах полным контролем [11, с. 302]. Подверженность общепринятому в социуме социальному укладу касается различных сегментов существования индивида, и в этой части информационная среда не является исключением, а все более активно вовлекает в ареал своего влияния все более широкие сферы, в том числе и гражданско-правовые сделки.

В условиях современного информационного пространства придание публичности тем или иным действиям индивида неизбежно, однако по-прежнему может сопровождаться психологическим дискомфортом. Однако обработка и сбор данных позволяет превентивно воздействовать на потенциального правонарушителя, сведения о делинквентности которого приобретут общедоступный статус, а также снизит виктимность потенциальных потерпевших от незаконных действий в информационном пространстве в силу осведомленности о предшествующем асоциальном поведении лица. В перспективе создание, в том числе в целях использования на условиях возмездности, электронных общедоступных баз данных о лицах, совершивших определенные категории преступлений, в течение соответствующего судимости периода времени, способно оказать аналогичный эффект в масштабах государства и общества в целом, повышая уровень ответственности каждого за свое поведение на фоне признания развития государственной системы информатизации одним из актуальных направлений правовой политики современного белорусского государства [12, с. 5–11], [13, с. 158–219], [14, с. 19–23] и утверждения Государственной программы «**Цифровое развитие Беларуси на 2021–2025 годы**» [15]. В частности, программа предусматривает для **целей интеграции экономики Республики Беларусь в мировое экономическое пространство** создание общенациональной торговой площадки для отечественных предприятий (независимо от форм собственности). Это означает, в свою очередь, более широкое вовлечение в данный процесс и индивидов-потребителей товаров, работ, услуг. Доводы о тайне частной жизни как элементе неприкос-

новенности личности в контексте необходимости сообщения о себе той или иной личной информации, составляющей персональные данные, в подобных случаях не являются корректными с точки зрения гарантий обеспечения государством общественной безопасности и права каждого на достоверную информацию, которые также закреплены в Конституции Республики Беларусь (ст. 23, 34). А.Н. Харитонов отмечает, что «... теоретическая модель демократической политической системы обладает не менее мощным деструктивным потенциалом по сравнению с политической системой тоталитарного типа. Стремление к абсолютизации прав человека и верховенства закона в итоге приводит к забвению обязанностей и вседозволенности» [16, с. 312–315]. В.Г. Графский полагает, что право – не просто «... воплощение свободы, равенства или справедливости, а воплощение определенной свободы, ответственного равенства и ответственной справедливости» [6, с. 23]. Действительно, чрезмерная «увлеченность» процессом обеспечения прав отдельного индивида отодвигает на второй план идею об изначально добровольном исполнении каждым возложенных на него гражданских обязанностей: соблюдение Конституции Республики Беларусь, ее законов, уважение национальных традиций, а также достоинства, прав, свобод, законных интересов других лиц (ст. 52, 53 Конституции). На наш взгляд, прецедент уже создан в отечественном законодательстве: согласно Закону Республики Беларусь «О коммерческой тайне» не могут составлять коммерческую тайну сведения о нарушениях законодательства и фактах привлечения к ответственности за совершение этих нарушений (ст. 6) [17]. Логично возникает вопрос о возможности и целесообразности признания тайной частной жизни соответствующей действительности информации о совершении правонарушений в интернет-пространстве отдельным индивидом.

В то же время, сама по себе персональная информация, ставшая известной ввиду ненадлежащей ее охраны, представляет интерес и может быть использована в ущерб интересам индивида. Последнее означает, например, что при осуществлении дистанционной торговли торговая организация обязана гарантировать нераспространение данных, ставших известными ввиду заключения сделки посредством дистанционной формы либо при осуществлении иных действий (при рассмотрении обращений потребителя, связанных с качеством товара и другие).

Основные требования к охране информации содержатся в Законе Республики Беларусь «Об информации, информатизации и защите информации» [18], а также Законе Республики Беларусь «О защите персональных данных» [19].

Так, согласно положениям ст. 18 Закона Республики Беларусь «Об информации, информатизации и защите информации» никто не вправе требовать от физического лица предоставления информации о его частной жизни и персональных данных, включая сведения, составляющие личную и семейную тайну, тайну телефонных переговоров, почтовых и иных сообщений, касающиеся состояния его здоровья, либо получать такую информацию иным образом помимо воли данного физического лица, кроме случаев, установленных законодательными актами. Сбор, обработка, хранение информации о частной жизни физического лица и персональных данных, а также пользование ими осуществляются с письменного согласия данного физического лица, если иное не установлено законодательными актами. Порядок получения, передачи, сбора, обработки, накопления, хранения и предоставления информации о частной жизни физического лица и персональных данных, а также пользования ими устанавливается законодательными актами. В ст. 28 указанного нормативного акта закрепляется, что защите подлежит информация, неправомерные действия в отношении которой могут причинить вред ее обладателю, пользователю или иному лицу. Меры по защите персональных данных от разглашения должны быть приняты с момента, когда персональные данные были предоставлены физическим лицом, к которому они относятся, другому лицу либо когда предоставление персональных данных осуществляется в соответствии с законодательными актами. Последующая передача персональных данных разрешается только с письменного согласия физического лица, к которому они относятся, либо в соответствии с законодательными актами. Соответствующие меры должны приниматься до уничтожения персональных данных, либо до их обезличивания, либо до получения письменного согласия физического лица, к которому эти данные относятся, на их разглашение (ст. 32 Закона).

Примером локального правового регулирования в данной сфере может выступить соответствующее Положение о порядке обработки и защиты персональных данных субъектов.

Кроме того, важно учесть произошедшие в текущем году изменения трудового законодательства, которые напрямую затрагивают сферу защиты персональных данных.

Так, 28 мая 2021 г. принят Закон Республики Беларусь № 114-З «Об изменении законов по вопросам трудовых отношений» (далее – Закон), которым внесены соответствующие изменения в Трудовой кодекс Республики Беларусь. Согласно п. 3 ст. 1 указанного Закона ч. 1 ст. 47 дополнена п. 10 следующего содержания:

«10) нарушения работником порядка сбора, систематизации, хранения, изменения, использования, обезличивания, блокирования, распространения, предоставления, удаления персональных данных [20]».

Следовательно, данная норма установила дисциплинарную ответственность за противоправные действия с персональными данными.

В целях реализации указанной нормы постановлением Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь 26.07.2021 г. № 58 (далее – постановление № 58), вступившим в силу 07.08.2021 г., внесены изменения в Типовые правила внутреннего трудового распорядка (далее – Типовые ПВТР).

В частности, гл. 7 Типовых ПВТР, содержащая положения об ответственности за нарушение трудовой дисциплины, приведена в соответствие с изменениями в Трудовой кодекс Республики Беларусь, вступившими в силу с 30.06.2021 г.

Так, дополнен перечень случаев, когда увольнение может быть применено в качестве меры дисциплинарного взыскания (п. 1 постановления № 58). В Типовых ПВТР в новой редакции появился следующий случай прекращения трудовых отношений (подп. 31-1.11 п. 31-1):

– нарушение работником порядка сбора, систематизации, хранения, изменения, использования, обезличивания, блокирования, распространения, предоставления, удаления персональных данных [21].

Кроме того, Декрет Президента Республики Беларусь от 12 октября 2021 г. № 6 «Об изменении Декрета Президента Республики Беларусь» (далее – Декрет № 6) предусматривает внесение изменений в Декрет Президента Республики Беларусь от 15 декабря 2014 г. № 5 «Об усилении требований к руководящим кадрам и работникам организаций» (далее – Декрет № 5).

В соответствии с абз. 3 п. 1 Декрета № 6 п. 6 Декрета № 5 дополнен подп. 6.14-1 следующего содержания:

«6.14-1. нарушение работником порядка сбора, систематизации, хранения, изменения, использования, обезличивания, блокирования, распространения, предоставления, удаления персональных данных;» [22].

Важно, что названное основание является мерой дисциплинарного взыскания, в связи с чем, оно отнесено к дискредитирующим обстоятельствам увольнения.

Также следует отметить, что указанное основание увольнения применяется без учета порядка и условий, установленных ст. 43 и 46 Трудового кодекса при увольнении по инициативе нанимателя, но с соблюдением требований гл. 14 Трудового кодекса и п. 7 Декрета № 5.

В частности, п. 7 Декрета № 5 предусматривает проведение проверки допущенных работником нарушений, результаты которой следует оформить актом (служебной запиской), а также затребовать письменное объяснение работника. При этом указанные акты (служебные записки) и объяснения подлежат хранению в организации не менее пяти лет [23].

Заключение. В условиях глобальной цифровизации придание публичности тем или иным действиям субъекта неизбежно, однако оно может сопровождаться психологическим дискомфортом. Сбор и обработка личных данных отдельных субъектов, с одной стороны, позволят превентивно воздействовать на потенциального правонарушителя (сведения о делинквентности которого приобретут общедоступный статус; снизят виктимность потенциальных потерпевших от незаконных действий в информационном пространстве). В подобном ключе создание электронной общедоступной базы данных о лицах, совершивших определённые категории преступлений, способно оказать соответствующий правоохранительный

эффект в масштабах всего государства, повысить уровень ответственности каждого гражданина за своё поведение. Получение информации из этой базы можно сделать платным, при этом информация о лицах должна быть доступна только в течение соответствующего судимости лиц периода времени.

С другой стороны, организации, осуществляющие в информационном пространстве деятельность, сопряжённую с получением персональной информации лица, обязаны:

- во-первых, внести соответствующие изменения в правила внутреннего трудового распорядка организации;
- во-вторых, определить перечень работников, ответственных за соблюдение порядка сбора, систематизации, хранения, изменения, использования, обезличивания, блокирования, распространения, предоставления, удаления персональных данных;
- в-третьих, внести в должностные инструкции указанных работников соответствующие обязанности по соблюдению порядка сбора, систематизации, хранения, изменения, использования, обезличивания, блокирования, распространения, предоставления, удаления персональных данных, а также ответственности за его нарушение.

Литература

1. Шафиров, В. М. Интегративное понимание и жесткий позитивизм / В. М. Шафиров // Журнал российского права. – 2017. – № 7. – С. 24–33.
2. Всеобщая декларация прав человека : принята Генер. Ассамблеей ООН, 10 дек. 1948 г. // Международное право в документах : учеб. пособ. ; сост.: Н. Т. Блатова, Г. М. Мелков. – 2-е изд., перераб. и доп. – М : ИНФРА-М, 1997. – С. 86–92.
3. Международный пакт о гражданских и политических правах : принят Генер. Ассамблеей ООН, 16 дек. 1966 г. // Вед. Верх. Сов. СССР. – 1976. – № 17. – Ст. 291.
4. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод : принята Советом Европы, 4 нояб. 1950 г. // Международное право в документах : учеб. пособ. ; сост.: Н. Т. Блатова, Г. М. Мелков. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : ИНФРА-М, 1997. – С. 151–166.
5. Конституция Республики Беларусь (1994, 1919, 1927, 1937, 1978) = Канстытуцыя Рэспублікі Беларусь (1994, 1919, 1927, 1937, 1978) (са змян. і дап.) : прынята на рэспуб. рэф. 24 лістапада 1996 года і 17 каст. 2004 года : афіц. тэкст. – Мінск : Маст. літ., 2014. – 294 с.
6. Графский, В. Г. О непреодоленных трудностях в создании интегральной юриспруденции / В. Г. Графский // Журнал российского права. – 2017. – № 7. – С. 19–24.
7. Хомич, В. М. Законодательство о противодействии преступности на пути консолидации правовых начал уголовной политики / В. М. Хомич // Проблемы укрепления законности и правопорядка : наука, практика, тенденции : сб. науч. тр. / ГУ «Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. Прокуратуры Респ. Беларусь» ; редкол.: В. В. Марчук (гл. ред.) [и др.] ; под ред. В. В. Марчука, А. В. Солтановича. – Минск : Изд. центр БГУ, 2018. – Вып. 11. – С. 255–262.
8. Аристотель. Сочинения : в 4-х т. / Аристотель ; пер. с древнегреч. ; под общ. ред. А. И. Доватура. – М. : Мысль, 1983. – Т. 4. – 830 с.
9. Монтескье, Ш.-Л. Персидские письма / Ш.-Л. Монтескье ; пер. с франц. Е. Гунст. – М. : Азбука-Аттикус, 2010. – 352 с.
10. Соловьев, В. С. О подделках / В. С. Соловьев // Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева ; под ред. и с примеч. С. М. Соловьева, Э. Л. Радлова. – Изд. 2-е. – СПб. : Книгоиздательское товарищество «Просвещение», 1911–1914. – Т. 6. – 492 с.
11. Newman, O. Defensible space : crime prevention through urban design / O. Newman. – New York : Collier, 1972. – 341 p.
12. Коваленко, Е. И. Развитие государственной системы правовой информации – актуальное направление правовой политики суверенной Беларуси / Е. И. Коваленко // Право.by. – 2015. – № 6 (38). – С. 5–11.
13. Правовая информатизация в Республике Беларусь : становление и перспективы развития / Н. Н. Радиванович [и др.] ; под общ. ред. Н. Н. Радивановича. – Минск : Нац. центр прав. информ. Респ. Белар., 2007. – 400 с.
14. Сидорчук, И. П. Национальная правовая система : проблемы и пути их решения / И. П. Сидорчук // Право.by. – 2015. – № 2 (34). – С. 19–23.

15. О Государственной программе «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Республики Беларусь, 2 февраля 2021 г. № 66 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

16. Харитонов, А. Н. Государственный контроль над преступностью (Вопросы теории) : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / А. Н. Харитонов ; Нижегородский юридический институт. – Н. Новгород, 1997. – 354 с.

17. О коммерческой тайне [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь, 5 января 2013 г., № 16-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

18. Об информации, информатизации и защите информации [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь, 5 ноября 2008 г., № 455-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

19. О защите персональных данных [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь, 7 мая 2008 г., № 99-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

20. Об изменении законов по вопросам трудовых отношений [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь, 28 мая 2021 г., № 114-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

21. Об изменении постановления Министерства труда Республики Беларусь от 5 апреля 2000 г. № 46 [Электронный ресурс] : постановление Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь, 26.07.2021 г., № 58 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

22. Об изменении Декрета Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Декрет Президента Республики Беларусь, 12 октября 2021 г., № 6 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

23. Об усилении требований к руководящим кадрам и работникам организаций [Электронный ресурс] : Декрет Президента Республики Беларусь, 15 декабря 2014 г., № 5 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

¹Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

²Белорусский торгово-экономический
университет потребительской кооперации

Теоретическая модель института социального предпринимательства в Республике Беларусь

В.А. БРИЛЁВА

Статья посвящена разработке теоретической модели института социального предпринимательства в Республике Беларусь. Методологическую основу исследования составляют всеобщий, общенаучные методы, а также сравнительно-правовой, формально-юридический, методы системного анализа и толкования. Значительное внимание в статье уделено обоснованию принадлежности белорусского института социального предпринимательства к европейской модели, закрепления благотворительной, коммерческой и гибридной форм его деятельности, решения социальных задач как местного и республиканского, так и международного уровня, анализу встроенных, интегрированных и внешних социальных предприятий. В результате исследования автором сформулированы критерии отнесения специальным органом исполнительной власти юридических лиц и индивидуальных предпринимателей к социальным предприятиям. На основании анализа международных универсальных стандартов прав человека социальных групп риска, норм национальной правовой системы предлагается правовое закрепление перечня социально уязвимых категорий населения и распространение на них действия института социального предпринимательства в Республике Беларусь. В статье обоснованы формы поддержки социальных предприятий.

Ключевые слова: социальное предпринимательство, социальное предприятие, социально уязвимые категории населения, теоретическая модель, критерии присвоения статуса социального предприятия, формы поддержки.

The article is devoted to developing a theoretical model of the institution of social entrepreneurship in the Republic of Belarus. The methodological basis of the study consists of universal, general scientific methods, as well as comparative-legal, formal-legal methods of system analysis and interpretation. Considerable attention in the article is paid to the substantiation of belonging of the Belarusian institute of social entrepreneurship to the European model, fixing of charitable, commercial and hybrid forms of its activity, solution of social tasks of both local and republican as well as international level, analysis of embedded, integrated and external social enterprises. As a result of the study, the author formulated the criteria for classifying legal entities and individual entrepreneurs as social enterprises by a special executive authority. On the basis of the analysis of the international universal standards of human rights of social risk groups, norms of the national legal system, the legal fixing of the list of socially vulnerable categories of the population and extension to them the institute of social entrepreneurship in the Republic of Belarus is offered. The article substantiates the forms of support for social enterprises.

Keywords: social entrepreneurship, social enterprise, socially vulnerable groups, theoretical model, criteria for assigning social enterprise status, forms of support.

Введение. Самым обсуждаемым политико-правовым событием начала 2022 г. стал проект изменений и дополнений в Конституцию Республики Беларусь. Дискуссии вызвала новая норма Конституции Республики Беларусь, закрепленная в ст. 21, согласно которой каждый должен проявлять социальную ответственность, вносить посильный вклад в развитие общества и государства. Соответственно актуальным является понимание сущности социальной ответственности. *В концентрированном виде под данным социальным феноменом следует понимать институт, обеспечивающий упорядочивание общественных отношений, их стабильность и гармонизацию посредством модели поведения человека, основанной на волевом желании реализовывать установленные обществом правила поведения и выражающей готовность претерпеть определенные последствия в случае нарушения социальных норм.* На основании дефиниции социальной ответственности и, опираясь на такие признаки социальной ответственности, как объективность, позитивная и ретроспективная формы реализации, наличие структурных элементов и предпосылок возникновения социальной ответственности, к видам социальной ответственности следует отнести: моральную, религиозную, юридическую, политическую, экологическую, корпоративную.

Практической реализацией конституционной нормы о социальной ответственности в контексте корпоративной социальной ответственности станет правовая регламентация института социального предпринимательства. Мировая практика использования института доказала его значимость в обеспечении реализации прав социально уязвимых категорий населения, а также содействию государству в решении социальных задач.

В Республике Беларусь указанный институт является предметом исследований социологов, экономистов, правоведов. Так, Е.В. Ванкевич, К.И. Краенкова рассматривают социальные и экономические основы социального предпринимательства, предпосылки его развития [1], [2]; М.А. Подберезкин, О.Н. Ерофеева анализируют виды деятельности социальных предприятий в Республике Беларусь, источники доходов, барьеры на пути деятельности [3]; В.А. Брилёва, И.И. Эсмантович исследуют роль социального предпринимательства как элемента гражданского общества, формулируют авторскую дефиницию института, отражающую его сущностные признаки [4]; в результате сравнительно-правового исследования моделей института социального предпринимательства по ряду критериев В.А. Брилёва выделяет виды института социального предпринимательства [5]; Ю.Н. Макейчик в своей работе касается рекомендаций и примеров применения актуальных инструментов работы в процессе социального предпринимательства [6]. В то же время следует отметить, что в условиях дефицита исследований, последние не носят комплексный характер. Работы ученых сводятся к поиску новых форм социального предпринимательства и лежат преимущественно в экономической плоскости.

В 2009 г. был создан Портал о социальной экономике Беларуси (<http://soccoop-by.info>). Центр социальных инноваций стал инициатором создания Сети организаций и инициатив гражданского общества (CINGO), в рамках которой проводились тренинги и семинары по социальному предпринимательству в различных городах Беларуси.

С 2011 г. запущена краудфандинговая платформа Mae Сэнс. В 2013 г. проведён первый конкурс социальных проектов Social Weekend, а в 2014 году создана платформа TALAKA, в рамках которой реализован обучающий проект «Социальный предприниматель», включающий как офлайн курс, так и вебинары.

В 2014 г. в рамках проведения II-го Республиканского социального Форума была представлена секция «Социальная экономика и партнерство в социальной сфере», где обсуждались перспективы развития социального предпринимательства в Беларуси. В июле 2015 г. состоялась рабочая встреча по обсуждению перспектив развития социального предпринимательства в нашей стране.

В Беларуси в 2017 г. с целью разработки концепции социального предпринимательства министерством труда и социальной защиты была создана межведомственная рабочая группа, в которую вошли представители министерств экономики, финансов, по налогам и сборам, здравоохранения, природных ресурсов и охраны окружающей среды, а также представители бизнес-сообщества и негосударственных общественных организаций. При этом следует отметить, что на данный момент времени концепция не разработана.

Таким образом, следует констатировать отсутствие концепции института социального предпринимательства в Республике Беларусь и, соответственно, нормативного правового акта (статей в нормативном правовом акте)¹, регламентирующих понятие, цель, задачи, направления поддержки социально уязвимых категорий населения, формы социального предпринимательства, меры государственной поддержки. Исследование социально-правовой природы института социального предпринимательства, а именно, понятия, сущностных характеристик, роли в качестве элемента гражданского общества, места среди субъектов хозяйствования является неотъемлемой предпосылкой для теоретического понимания данного института и имеет практическое значение для разработки его эквивалента в Республике Беларусь, свидетельствует о необходимости интеграции института социального предпринимательства в белорусскую правовую систему. Одной из причин

¹Разработка концепции законопроекта или проекта закона «О социальном предпринимательстве в Республике Беларусь» не предусмотрены планом подготовки законопроектов на 2022 г. (Об утверждении плана подготовки проектов законодательных актов на 2022 год : Указ Президента Республики Беларусь от 23 декабря 2021 г. № 508).

того, что в настоящее время институт социального предпринимательства не получил правового закрепления, является отсутствие концепции данного института, сконструированной с учетом правовой, экономической, социальной среды Республики Беларусь.

Материалы и методы.

Цель исследования состоит в повышении эффективности юридического механизма обеспечения прав социально уязвимых групп населения на основе проведенного комплексного исследования института социального предпринимательства, разработки теоретических основ.

Задачи работы:

1. Рассмотреть социальное предпринимательство как форму реализации трудового потенциала социально уязвимых категорий населения.
2. Разработать теоретическую модель института социального предпринимательства Республики Беларусь.

Гипотеза исследования: разработка концептуальных основ института социального предпринимательства повысит степень вовлеченности социально уязвимых категорий населения в общественные процессы в качестве равноправных членов общества и обеспечит решение социальных задач государства.

Методология исследования (система знаний об организации деятельности): решение познавательных и прикладных задач исследования обусловило использование материальных, информационных, математических, логических, языковых средств познания.

Для современной юриспруденции, в том числе и белорусской, характерен высокий уровень догматизации, который может быть преодолен только с использованием междисциплинарных и междотраслевых подходов в исследованиях. Процесс развития экономических отношений и социальных институтов требует от права своевременного предложения соответствующих нормативных эквивалентов. Для этого необходимо расширять сферу применения междисциплинарного и междотраслевого подхода к правовым исследованиям и особенно прав человека, избегая искусственного «дотягивания» до «междисциплинарности». Совершенствование механизмов правового регулирования статуса социально уязвимых категорий населения в Республике Беларусь, разработка более совершенных методик оценки регулирующего воздействия правовых актов на стадиях их разработки и применения, а также выявление закономерности и прогнозирование развития меняющихся правовых, экономических и социальных циклов невозможно без междотраслевого подхода.

Исследование института социального предпринимательства включает широкий круг вопросов, имеющих междотраслевой и комплексный характер, охватывающих общественные отношения ряда отраслей права (например, хозяйственного, трудового, налогового, конституционного, административного и др.), а также затрагивающих социологические, экономические науки.

Общефилософским, общенаучным методом познания является диалектика – реальная логика содержательного творческого мышления, отражающая объективную диалектику самой действительности.

Основными логическими приемами мыслительной деятельности выступают общенаучные методы: анализ, синтез, аналогия, индукция и дедукция.

Сравнительно-правовой метод необходим для выяснения общего и особенного в формах социального предпринимательства, международных и внутригосударственных механизмах обеспечения прав социально уязвимых категорий населения, способах реализации их трудового потенциала, дефинициях.

Использование формально-юридического метода обусловлено необходимостью исследования юридических понятий, их определения и выявления сущностных черт.

Метод системного анализа обеспечил более глубокий анализ совокупности отношений в сфере предпринимательской деятельности, охватывающих социальное измерение и его включенность в экономические и общественные институты.

Метод толкования позволил раскрыть содержание норм, регулирующих общественные отношения в области социального предпринимательства.

Результаты. *Сущность института социального предпринимательства* состоит в интеграции социальной ценности и предпринимательской деятельности, в фокусе которой

обеспечение прав социально уязвимых категорий населения, решение социальных и экологических задач. В Республике Беларусь целесообразно на законодательном уровне закрепить следующую дефиницию *социального предпринимательства* – *предпринимательская деятельность, направленная на реализацию прав социально незащищенных категорий населения, решение социальных и экологических задач, стоящих перед обществом и государством.*

Исходя из анализа *англо-американской и европейской моделей* социальных предприятий² представляется, что оправданной для Республики Беларусь выступает европейская. Последняя предусматривает широкий спектр мер государственной поддержки социального предпринимательства на уровне национального законодательства, например, создание целевых фондов социального инвестирования, налоговые льготы, инфраструктурное обеспечение (предоставление помещений, производственных площадей), совместные с государством проекты. Создание социальных предприятий, опирающихся на поддержку преимущественно негосударственных фондов, характерно для англо-американской модели. В то же время следует закрепить на правовом уровне возможность использования социальными предприятиями мер государственной поддержки, негосударственных фондов.

Применительно к структурным формам социального предпринимательства белорусскому законодателю следует закрепить *некоммерческую или благотворительную форму социального предпринимательства* (используются пожертвования, кредиты, гранты для реализации миссии); *коммерческую форму* (прибыль распределяется между акционерами и собственниками); *гибридную форму* (прибыль реинвестируется на выполнение миссии или идет на развитие бизнеса).

Субъектами социального предпринимательства могут выступать как коммерческие, так и некоммерческие организации, а также индивидуальные предприниматели.

Белорусский институт социального предпринимательства может охватывать *встроенные, интегрированные и внешние социальные предприятия*. Встроенные социальные предприятия в силу приоритетной реализации социальных программ обуславливают равное значение финансовых и социальных задач. Предпринимательская деятельность социальных предприятий, затрагивающая социальные программы, направленная на финансирование некоммерческих организаций и сохранение их миссии, позволяет констатировать интегрированные социальные предприятия. Внешние социальные предприятия создаются некоммерческими организациями, социальные программы не пересекаются с предпринимательской деятельностью.

В основу теоретической модели института социального предпринимательства должен быть положен тип социального предпринимательства, направленный на *решение социальных задач как местного и республиканского, так и международного уровня.*

Приоритетной задачей социальных предприятий должно стать обеспечение занятости социально уязвимых категорий населения. В 2018–2019 гг. преподаватели юридического факультета ГГУ имени Франциска Скорины, социолог Е.А. Ярошевич в рамках междисциплинарного исследования отдельных аспектов прав людей с инвалидностью в Республике Беларусь проводили пилотажное социологическое исследование на тему: «Качество жизни и соблюдение прав людей с инвалидностью в основных сферах жизнедеятельности: социологический анализ». Согласно составленному отчету по результатам пилотажного социологического исследования среди работающих респондентов подавляющую часть составляли инвалиды 3 группы 68,9 % (20,4 % – со 2 группой и 10,7 % – 1 группой). Среди работающих молодых людей 38,7 % работали в государственных организациях, 29 % – по найму у индивидуальных предпринимателей, 12,9 % – в негосударственных организациях, 4 % – на унитарных предприятиях и 19,4 % являлись самозанятыми (индивидуальными предпринимателями (9,7 %) и ремесленниками (9,7 %)).

Большинство респондентов (60,6 %) самостоятельно нашли место работы, в том числе 54,5 % в соответствии с собственным желанием, и 6,1 % – единственное, что смогли найти. 30,3 % молодых людей нашли работу посредством родственников или знакомых. Чем выше степень утраты здоровья, тем в большей степени люди с инвалидностью зависимы от помо-

²Под социальным предприятием следует понимать юридическое лицо или индивидуального предпринимателя, осуществляющего деятельность в сфере социального предпринимательства.

щи родных и близких в трудоустройстве (20 % – с 3 группой, 50 % – со 2 группой и 66,7 % – с 1 группой). Отметим, что только 1 респондент нашел работу, обратившись в службу занятости, хотя 67,4 % знают об услугах, предоставляемых данной организацией, а 10,1 % обращались за помощью в трудоустройстве.

В числе основных барьеров для трудоустройства молодые люди с инвалидностью указывали на ограничение видов работ, которые можно выполнять в связи с инвалидностью, сама инвалидность, из-за которой работодатели не хотят брать на работу, сложности с передвижением до и после работы.

Среди социально уязвимых категорий населения не только люди с инвалидностью сталкиваются с трудностями в реализации трудового потенциала.

На основании анализа международных универсальных норм, регулирующих права человека социальных групп риска, норм национальной правовой системы представляется целесообразным правовое закрепление следующих *социально уязвимых категорий населения* и распространение на них действия института социального предпринимательства в Республике Беларусь: люди с инвалидностью; одинокие и (или) многодетные родители, воспитывающие несовершеннолетних детей, в том числе детей с инвалидностью; незанятое население в трудоспособном возрасте; беженцы и вынужденные переселенцы; лица пенсионного и предпенсионного возраста (5 лет до наступления пенсионного возраста, в том числе досрочно); выпускники детских домов в возрасте до 23 лет; лица, инфицированные ВИЧ/СПИД; лица без определённого места жительства; лица, освобожденные из мест лишения свободы, имеющие неснятую и непогашенную судимость.

Применительно к белорусскому институту социального предпринимательства представляется необходимым юридическое закрепление специального органа исполнительной власти, ответственного за *назначение и отмену статуса социального предприятия*. Таким органом может выступать Министерство экономики Республики Беларусь, которое на основании соответствия предпринимательской деятельности целям социального предпринимательства будет присваивать статус социального предприятия. Соответственно, следующий комплекс вопросов, подлежащих юридическому закреплению в законе о социальном предпринимательстве, должен касаться *критериев отнесения юридических лиц и индивидуальных предпринимателей к социальным предприятиям*. В нормативном правовом акте следует закрепить, что орган государственной власти принимает решение о мерах поддержки ходатайствующего субъекта, признает социальным предприятием при условии трудоустройства социально уязвимых категорий населения. Например, Федеральный закон от 26 июля 2019 г. № 245-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» устанавливает, что для отнесения предпринимательской деятельности к категории социального предпринимательства необходимо достижение доли социально уязвимых категорий наемных работников не менее 50 % от списочной численности работников [7, ст. 24¹]. Представляется целесообразным белорусскому законодателю установить градацию процента численности социально уязвимых категорий работников от общей численности работников организации в зависимости от конкретных льгот, предоставляемых социальному предприятию. Так, с целью оптимизации налоговой нагрузки нанимателя по уплате налога на прибыль необходимо скорректировать налоговую ставку по валовой прибыли с учетом количества работающих у нанимателя социально уязвимых категорий работников, с полным освобождением от налога при достижении средней численности социально уязвимых работников 50 и более процентов.

В качестве критерия отнесения предпринимательской деятельности к социальному предпринимательству может выступать реализация произведенных социально уязвимыми категориями населения товаров, выполненных работ, оказанных услуг при условии, что доля доходов от осуществления такой деятельности составляет не менее 50 % в общем объеме доходов.

Следующий критерий, который необходимо урегулировать в законе о социальном предпринимательстве, касается закрепления социально полезных целей предпринимательской деятельности, решение социальных и экологических задач, например, осуществление

деятельность в сфере дошкольного, общего среднего образования, дополнительного образования детей; культурно-просветительская деятельность; медицинская, социальная и психолого-педагогическая помощь детям при освоении общеобразовательных программ, социальной адаптации; деятельность, направленная на сохранение и популяризацию белорусского языка и культуры; организация отдыха и оздоровления детей.

Целесообразно отнесение к социальному предпринимательству деятельности, в фокусе которой производство товаров, выполнение работ, оказание услуг для социально уязвимых категорий населения, закрепленных в законе о социальном предпринимательстве, в направлении создания безбарьерной среды, нивелирования или компенсации ограничения их жизнедеятельности. Примерами такой деятельности может стать организация социального ухода, социально-бытовых, социально-медицинских, социально-реабилитационных, социально-психологических, социально-трудовых, социально-педагогических услуг; деятельность, связанная с формированием безбарьерной среды для людей с инвалидностью; производство и реализация медицинской техники, протезно-ортопедических средств профилактики инвалидности, реабилитации людей с инвалидностью.

Большое значение имеет правовое закрепление в законе о социальном предпринимательстве различных льгот и дополнительных условий для субъектов, которые отвечают критериям социального предприятия. *Формами поддержки социальных предприятий* может выступать предоставление субсидий, передача во владение или пользование государственного имущества, налоговые льготы, информационная-маркетинговая, консультационная, методическая, образовательная поддержка, льготное кредитование, льготный лизинг и др.

Заключение. В результате исследования института социального предпринимательства выработан понятийно-категориальный аппарат. Так, под социальным предпринимательством следует понимать предпринимательскую деятельность, направленную на обеспечение прав социально уязвимых категорий населения, решение социальных и экологических задач, стоящих перед обществом и государством. Социальное предприятие – это юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, осуществляющий деятельность в сфере социального предпринимательства.

Основами теоретической конструкции белорусского института социального предпринимательства являются: отнесение его к европейской модели; закрепление благотворительной, коммерческой и гибридной форм его деятельности; обоснование встроенных, интегрированных и внешних социальных предприятий; констатация решения социальных задач как местного и республиканского, так и международного уровня при сохранении приоритетной цели социального предпринимательства, а именно, обеспечение занятости социально уязвимых категорий населения.

Основополагающим элементом теоретической модели института социального предпринимательства в Республике Беларусь является правовое закрепление следующих социально уязвимых категорий населения, находящихся в фокусе деятельности социального предприятия: люди с инвалидностью; одинокие и (или) многодетные родители, воспитывающие несовершеннолетних детей, в том числе детей с инвалидностью; незанятое население в трудоспособном возрасте; беженцы и вынужденные переселенцы; лица пенсионного и предпенсионного возраста (5 лет до наступления пенсионного возраста, в том числе досрочно); выпускники детских домов в возрасте до 23 лет; лица, инфицированные ВИЧ/СПИД; лица без определённого места жительства; лица, освобожденные из мест лишения свободы, имеющие неснятую и непогашенную судимость.

В статье обоснованы критерии отнесения специальным органом исполнительной власти юридических лиц и индивидуальных предпринимателей к социальным предприятиям. Значительное внимание уделяется формам поддержки социальных предприятий.

Теоретическая и практическая значимость данной статьи заключается в том, что отдельные ее положения могут быть использованы для дальнейшего научного исследования института социального предпринимательства в Республике Беларусь и создания правового эквивалента.

Литература

1. Краенкова, К. И. Предпосылки и факторы развития социального предпринимательства в Республике Беларусь / К. И. Краенкова, Е. В. Ванкевич // Вестник Витебского государственного технологического университета. – 2018. – 1 (34). – С. 164–178.
2. Краенкова, К. И. Социальное предпринимательство : социально-экономическая основа и направления развития в Республике Беларусь / К. И. Краенкова, Е. В. Ванкевич // Белорусский экономический журнал. – 2020. – № 4. – С. 52–65.
3. Результаты исследования социального предпринимательства в Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://by.odt-office.eu/files/social_enterprises_in_belarus_ru.pdf. – Дата доступа : 25.09.2021.
4. Брилёва, В. А. Социально-правовая природа института социального предпринимательства / В. А. Брилёва, И. И. Эсмантович // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2021. – № 5 (128). – С. 74–80.
5. Брилёва, В. А. Виды (типы) института социального предпринимательства как элемент гражданского общества / В. А. Брилёва // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. Д, Юридические науки. – 2021. – № 13. – С. 104–107.
6. Макейчик, Ю. Н. Практические аспекты социального предпринимательства в Беларуси : пособие / Ю. Н. Макейчик. – Минск : Капитал Принт, 2018. – 226 с.
7. О внесении изменений в Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» [Электронный ресурс] : Федеральный закон, 26.07.2019 г., № 245-ФЗ. – Режим доступа : <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201907260077?index=0&rangeSize=1>. – Дата доступа : 25.09.2021.

Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

Поступила в редакцию 27.09.2021

Охранительная функция права в условиях цифровой трансформации

Г.А. ВАСИЛЕВИЧ

Анализируются позиции ученых относительно определения понятия и видов функций права. Уделено особое внимание регулятивной и охранительной функции права. Отражено влияние цифровизации права, использования информационно-коммуникативных технологий на содержание прав и свобод граждан. Высказывается мнение, что охранительная функция является интегральной, аккумулирующей все иные направления правового воздействия. В цифровую эпоху сохраняется требование о соблюдении баланса интересов личности, общества (коллектива) и государства, то есть баланса частных и публичных интересов.

Ключевые слова: право, функции права, цифровая трансформация.

The positions of scientists concerning the definition of the concept and types of law functions are analyzed. Special attention is paid to the regulatory and protective functions of law. The influence of law digitalization, the use of information and communication technologies on the content of rights and freedoms of citizens are reflected. An opinion is expressed that the protective function is integral, accumulating all other directions of legal influence. In the digital era, the requirement to observe the balance of interests of the individual, society (collective) and the state, that is, the balance of private and public interests.

Keywords: law, functions of law, digital transformation.

Право в юридической литературе традиционно определяется как совокупность обязательных правил поведения людей в обществе [1, с. 372]. Известным белорусским ученым-юристом С.Г. Дробязко право характеризуется в трех плоскостях: а) правосознании; б) нормативном массиве (законодательство); в) правоотношениях [2, с. 28]. При этом он различает статичную (нормы или «право в книгах») и динамичную (правосознание и правоотношения) стороны права. На наш взгляд, эта точка зрения позволяет полностью охватить природу права, а значит, является основой для его верного определения.

Исходя из того, что в праве должно интегрироваться все наиболее ценное, присущее как ему самому, так и другим социальным регуляторам (нравственность, религия, обычаи и т. д.), профессор С.Г. Дробязко характеризует право как «верховенствующий, общесоциальный, интегративный, охраняемый государством регулятор, выражающий политическую справедливость в системе норм, определяющих круг субъектов права, их юридические права, обязанности и гарантии с целью обеспечения социального прогресса» [2, с. 29]. Право выступает в качестве важнейшего инструмента (регулятора) общественных отношений. В этом качестве в литературе выделяют ряд функций. Их определение и совокупность называемых в научной литературе различается. По утверждению А.Н. Головистиковой и Ю.А. Дмитриева, в обобщающем виде функции права представляют собой «основные направления правового воздействия на общественные отношения в целях их упорядочения» [1, с. 379].

Что касается классификации функций права, то выделяют общеправовые, межотраслевые, отраслевые, а также функции правовых институтов и отдельных норм [3, с. 144]. Иногда в литературе охранительную функцию рассматривают как межотраслевую, присущую уголовному, административному и другим отраслям права. Однако нельзя сводить данную функцию лишь к тем отраслям права, которые предусматривают запреты и санкции за их нарушение. Данная функция присуща в целом праву. В этой связи позитивно оцениваем позицию авторов, определяющих охранительную функцию как такое правовое воздействие, которое направлено на охрану полезных и исключение вредных для общества отношений [4, с. 10]. Тем самым акцентируется внимание на предупредительной роли права, формировании правомерного поведения и исключении отклонений от него – правонарушений. В этом смысле охранительная функция сближается с регулятивной функцией. Нам близка позиция Л.С. Явича, который считал, что регулирование на основе правовых норм сводится не только

к направлению развития общественных отношений, но и к охране существующих общественных отношений, созданию преград для формирования тех общественных отношений, которые противоречат интересам [5, с. 26–27]. В таком подходе Л.С. Явича, высказанного еще в советский период, отражается проблема роли права и его своевременном реагировании на объективные потребности политического, экономического, социального развития.

Конструктивна позиция известных белорусских ученых-правоведов А.Ф. Вишневецкого, Н.А. Горбатка, В.А. Кучинского. Они отмечают, что охранительная функция также имеет регулятивное значение и наряду с такими понятиями как регулятивно-статичная, регулятивно-динамическая используют такое понятие как регулятивно-охранительная функция права [6, с. 224–225]. На наш взгляд, охранительная функция является интегральной, аккумулирующей все иные направления правового воздействия. Функциональная роль права усиливается в период нарастающего использования информационно-коммуникативных технологий (ИКТ). Доводы о том, что выделение охранительной функции права позволяет «добиваться более дифференцированного анализа широкой панорамы правового воздействия» [7, с. 9] не убедительны, если исходить из понимания общего предназначения права.

Некоторые авторы при характеристике функций права акцент делают на различной социальной «нагрузке» отраслей права. Например, по их мнению, охранительная функция превалирует в уголовном, административном, уголовно-процессуальном праве, а в семейном, трудовом, гражданском преобладает регулятивная функция [3, с. 147]. Видимо, авторы исходят из того факта, что в некоторых отраслях преобладают запреты, нарушение которых влечет ответственность, а также различные способы воздействия на субъекты правоотношений. Однако и через запреты также проявляется роль права. Поэтому здесь также можно использовать понятие регулятивно-охранительная функция права.

В современной литературе стали выделять информационную функцию государства, как отражение его координирующей роли в процессе информатизации, организации научных исследований, развитии человеческого капитала [8, с. 4]. Если рассматривать роль права, его функциональное предназначение, а тем более в увязке с процессами технологической революции, то становится более приемлемым вывод тех ученых, которые рассматривали право не только в статике, но и динамике (например, С.Г. Дробязко). Эти состояния и процессы означают наполнение права новым содержанием.

Всем очевидна цифровая трансформация общественных отношений. Как справедливо заметил М.В. Мясникович, «стремительное развитие товарных и финансовых рынков послужило мощным толчком к интенсивному нарастанию процессов информатизации всех сферах общества. Соответственно растет потребность в разработке автоматизированных систем как научно-технического, так и экономического характера» [9, с. 228]. Он также выделяет такие факторы развития ИКТ, как необходимость повышения достоверности и своевременности сведений, превращение ИКТ в сферу бизнеса [9, с. 228–229].

В публикациях утверждается, что с совершенствованием цифровых технологий формируется новое право. Более того, утверждается, что существенно преобразуются такие признаки права как определенность, нормативность, общеобязательность [10, с. 13], [8, с. 87].

Конечно ИКТ значительно упрощают многие общественные процессы, дебюрократизируют их. Однако право не утрачивает указанные выше признаки, сохраняя нормативность и общеобязательность. Большой его определенности содействует соблюдение юридической техники, доведение полной информации относительно норм права, их своевременное толкование (разъяснение).

И в цифровую эпоху сохраняется требование о соблюдении баланса интересов личности, общества (коллектива) и государства, то есть баланса частных и публичных интересов. Права человека, которые он имеет офлайн, также должны защищаться и онлайн (в Интернете) [11, с. 248].

В литературе обосновывается появление новой совокупности прав – информационных прав [12, с. 174–178]. Однако ознакомление с ними позволяет сделать вывод о том, что сохраняется устоявшийся перечень прав, но они наполняются «технологическими аспектами» их реализации.

Информационные технологии обеспечивают реализацию принципа информационной открытости (транспарентности), что влияет на характер отношений между различными субъектами права. С этих же позиций в юридической науке рассматривается информационная открытость (транспарентность) государственного управления в качестве общего принципа публичного права. Как справедливо отмечает Э.В. Талапина, произошел «концептуальный пересмотр схемы взаимоотношений субъектов при реализации права на информацию, а именно переход от традиционной реализации права гражданина на получение информации к активности самих органов государственной власти в раскрытии информации о своей деятельности» [13, с. 177].

Есть несколько направлений, в которых более активно будет происходить и происходит цифровая трансформация, влияющая на правовое пространство, а именно: сфера публичной власти, где выделяется технико-управляющее содержание деятельности органов государственной власти. Происходит оптимизация государственных функций, в частности, в сфере законотворчества, правоприменения, включая процессуальное законодательство.

Поэтому современная демократия, т. е. власть народа, не может сводиться только лишь к «походу к урнам» и им заканчиваться. Демократия заключается как в фундаментальном праве народа выбирать власть, так и в возможности непрерывно влиять на власть и процесс принятия ею решений. А значит, демократия должна иметь механизмы постоянного и прямого действия, эффективные каналы диалога, общественного контроля, коммуникаций и «обратной связи».

Цифровые технологии существенно изменяют качество работы исполнительной власти, например, это касается рассмотрения электронных обращений, оказания услуг. Разрабатываются и внедряются концепции умного дома, города, умного государства, умного правительства. Автоматизируются многие системы (электронные табло, цифровые истории болезни, управление сервисами с помощью смартфонов и т. п.). ИКТ обеспечивают выработку алгоритма действий для эффективного использования городской инфраструктуры (управление транспортными потоками, определение мест парковки и др.). Благодаря ИКТ могут быть определены системные меры по осуществлению государственного и общественного контроля, включая мониторинг за деятельностью организаций. Еще семь лет назад критически оценивался факт отсутствия в системе нотариата электронных реестров нотариальных действий, завещаний, наследственных дел. Отмечалась активная работа по их созданию [14, с. 232].

Возникают проблемы с пределами контроля за гражданами. В отдельных странах уже внедряется система социального рейтинга, которая имеет как положительные, так и отрицательные стороны.

Важно соблюдать безопасность информационных систем. Данные о жизни людей, их контактах в сети часто используются преступниками, в частности, для совершения мошенничества. Интернет используется для пропаганды насилия, аморального образа жизни, для склонения людей к совершению противоправных поступков, насилия, убийств и самоубийств, оскорблений и клеветы и т. п. Угрозы кибертерроризма – это из негативных последствий развития ИКТ [15, с. 231–234].

В настоящее время уделено внимание законодательству в области защиты персональных данных составляет широкий круг актов. Среди них центральным стал Закон Республики Беларусь «О защите персональных данных». Наряду с ним действуют иные законы (например, о регистре населения), акты Главы государства, Национального центра защиты персональных данных Республики Беларусь, Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь и др.

Достаточно новым и также полезным для процесса нормотворчества и последующего правоприменения является указание в Законе «О защите персональных данных» на то, что обработка персональных данных должна быть соразмерна заявленным целям их обработки и обеспечивать на всех этапах такой обработки справедливое соотношение интересов всех заинтересованных лиц. Принцип соразмерности (пропорциональности) в современном праве имеет огромную практическую роль, он является важным критерием оценки правомерности действий органов государственной власти (должностных лиц).

Закон «О защите персональных данных» устанавливает в качестве общего правила презумпцию несогласия на обработку персональных данных: необходимо согласие заранее получить. При этом в соответствии со ст. 5 Закона согласие субъекта персональных данных представляет собой свободное, однозначное, информированное выражение его воли, посредством которого он разрешает обработку своих персональных данных. В законе Российской Федерации «О персональных данных» имеется близкая по содержанию норма: согласие на обработку персональных данных должно быть конкретным, информированным и сознательным (ст. 9). Полагаем, что лучше было бы зафиксировать норму о даче информированного и добровольного согласия на обработку данных. Конечно, исключения могут устанавливаться законом.

В перспективе следует на основе мониторинга применения закона «О защите персональных данных» несколько уточнить блоки персональных данных, на обработку которых не требуется согласие и на обработку которых оно требуется, чтобы не усложнить работу организаций и соблюсти права граждан на их частную жизнь, личную и семейную тайну.

Оперативное разъяснение возникающих вопросов поможет избежать конфликтов. На основе принятого Закона «О защите персональных данных» могут быть решены и иные вопросы в пользу самих граждан. Например, следует оговорить, в течение какого срока осуществляется хранение сведений об обращениях граждан в государственные органы и к должностным лицам, вправе ли он потребовать их удаления из соответствующей базы.

Важно также выстроить работу так, чтобы не происходила утечка и тех персональных данных, согласие на обработку со стороны гражданина не требуется. И в этом случае должна быть исключена небрежность в работе с персональными данными.

Пандемия коронавируса актуализировала внимание к обучению, а также реализации права на труд, пользование достижениями культуры, благами индустрии отдыха, спорта и др. посредством использования информационных технологий. Это является свидетельством, что ИКТ могут обеспечивать реализацию широкого спектра прав граждан.

Искусственный интеллект все более широко будет использоваться для решения социально-экономических задач, причем не только для прогнозирования динамики развития, но и решения текущих, повседневных задач. В 2005 г. автором было высказано предположение, что в перспективе отдельные административные дела, например, в области нарушения правил дорожного движения, будут рассматриваться на основе разработанной компьютерной программы. В этом случае меньше было бы злоупотреблений [16, с. 12]. Определенные элементы уже внедрены при фиксации нарушений скоростного режима и привлечении к административной ответственности. В настоящее время, полагаем, следует уже предпринимать меры по возможному рассмотрению с использованием искусственного интеллекта дел о таможенных, налоговых правонарушениях. Именно в этой сфере правовые отношения должны быть наиболее «формализованными»: права, обязанности, ответственность (обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность) должны быть четко «описаны» в законе. Это позволит уменьшить коррупцию в данных сферах, в том числе и при разрешении конфликтных ситуаций. Конечно, у гражданина, не согласного с «холодным» расчетом машины, должно быть право на обращение с жалобой к судье в традиционном его понимании. При разрешении дел, связанных с таможенными или налоговыми правонарушениями, вряд ли нужна «импровизация». Субъекты хозяйствования больше жалуются на недопустимую «импровизацию» контролирующих органов. Для последних также может быть создана программа, данные которой могли бы свидетельствовать о необходимости проведения проверки или, наоборот, к отказу от ее проведения. Законность будет также обеспечена транспарентностью судебной практики и признанием юридического (судебного и административного) прецедента в качестве источника права.

Благодаря информационным технологиям патерналистский тип отношений между государством и человеком, между государством и обществом в современных условиях себя изживает, выстраивается новый характер отношений между этими субъектами. Рост правовой культуры, правового сознания граждан меняет сложившуюся ранее парадигму отношений. Важно в законодательстве и на практике учитывать новые реалии.

Литература

1. Головистикова, А. Н. Проблемы теории государства и права : учебник / А. Н. Головистикова, Ю. А. Дмитриев. – М. : Изд-во Эксмо, 2005. – 832 с.
2. Дробязко, С. Г. Современное правопонимание и его акценты / С. Г. Дробязко // Право и современность : сб. науч. тр. – Минск, 1998. – С. 26–30.
3. Теория государства и права : учебник / под ред. А. С. Мордовца, В. Н. Синюкова. – М., 2005. – 488 с.
4. Глебченко, О. А. Понятие охранительной функции права / О. А. Глебченко // Сибирский юридический вестник. – 2006. – № 4 (35). – С. 10–12.
5. Явич, Л. С. Проблемы правового регулирования советских общественных отношений / Л. С. Явич. – М. : Госюриздат, 1961. – 172 с.
6. Вишневский, А. Ф. Общая теория государства и права : курс лекций / А. Ф. Вишневский, Н. А. Горбаток, В. А. Кучинский ; под общ. ред. А. Ф. Вишневского. – Минск : Тесей, 1998. – 576 с.
7. Глебченко, О. А. Охранительная функция права в системе права / О. А. Глебченко // Сибирский юридический вестник. – 2008. – № 4 (43). – С. 8–12.
8. Шафалович, А. А. Правовое обеспечение развития электронного государства : учеб. пособ. / А. А. Шафалович. – Минск : Амалфея, 2021. – 208 с.
9. Мясникович, М. В. Эволюционные трансформации экономики Беларуси / М. В. Мясникович. – Минск : Беларуская навука, 2016. – 321 с.
10. Синюков, В. Н. Цифровое право и проблемы этапной трансформации российской правовой системы / В. Н. Синюков // Lex Russica – 2019. – № 9. – С. 9–18.
11. Грачева, С. А. О конституционном развитии в условиях воздействия цифровой среды : новые вызовы и новые возможности / С. А. Грачева // Право в программируемом обществе : сб. науч. ст. / Т. Я. Хабриева, В. В. Лазарев, А. Я. Капустин [и др.] ; отв. ред. В. В. Лазарев. – М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации ; ИД «Юриспруденция», 2020. – 368 с.
12. Лопатин, В. Н. Информационное право : учебник / В. Н. Лопатин. – 3-е изд., изм. и доп. – М. : Проспект, 2021. – 656 с.
13. Талапина, Э. В. Правовые проблемы государственного управления в условиях информационного общества / Э. В. Талапина // Труды Ин-та государства и права Рос. акад. наук. – 2011. – № 4. – С. 175–194.
14. Кирвель, И. Ю. Информационно-коммуникационные технологии в деятельности нотариата / И. Ю. Кирвель // Проблемы правотворческой и правоприменительной практики в условия развития информационного общества : сб. науч.ст. : в 2-х ч. / ГрГУ им. Я. Купалы ; редколл.: С. Е. Чебуранова (отв. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГМУ, 2015. – Ч. 1. – 324 с.
15. Смирнова, И. Г. Кибертерроризм как угроза национальной безопасности государства / И. Г. Смирнова, В. В. Коломинов // Проблемы правотворческой и правоприменительной практики в условия развития информационного общества : сб. науч. ст. : в 2-х ч. / ГрГУ им. Я. Купалы ; редколл.: С. Е. Чебуранова (отв. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГМУ, 2015. – Ч. 2. – 364 с.
16. Василевич, Г. А. Проблемы правовой информатизации / Г. А. Василевич // Информационные технологии в Республике Беларусь. – 2005. – № 2. – С. 6–12.

Право на безопасность в условиях ликвидации и расследования чрезвычайных ситуаций

Е.Ю. ГОРОШКО¹, А.Э. НАБАТОВА²

В статье рассмотрено право человека на безопасность в условиях ликвидации и расследования чрезвычайных ситуаций, проанализированы проблемные вопросы его реализации субъектами проведения следственных действий на примере осмотра места пожара. Сделан вывод о необходимости нормативного закрепления права на безопасность в Основном законе страны и разработке практического инструментария для его реализации в целях обеспечения национальной безопасности государства. **Ключевые слова:** безопасность, права человека, право на безопасность, чрезвычайная ситуация.

The article examines the human right to security in the conditions of liquidation and investigation of emergencies; it analyzes the problematic issues of the implementation of this right by the subjects of investigative actions on the example of inspection of the fire site. The conclusion is made about the need for normative consolidation of the right to security in the main law of the country and the development of practical tools for its implementation in order to ensure the national security of the state.

Keywords: security, human rights, the right to security, emergency.

Неукоснительное соблюдение прав человека является одной из важнейших презумпций конституционного устройства современного государства. Гарантированные права на жизнь, охрану здоровья, личную свободу и свободу передвижения, охрану чести и достоинства личности и другие индуцируют четкие критерии формирования жизнедеятельности общества и функционирования системы органов государственного управления в строгом соответствии с общей культурой прав человека. Сегодня международные правовые нормы и практика их реализации гарантируют обеспечение всем без исключения права на безопасность. В Конституции Республики Беларусь четко обозначено, что обеспечение прав и свобод граждан Республики Беларусь является высшей целью государства [1]. Однако, непосредственно само «право человека на безопасность» в нормативных правовых актах страны не определено. Сложившаяся ситуация оправдана тем, что «право человека на безопасность» понятие собирательное и включает комплекс прав человека, гарантирующий безопасность жизнедеятельности личности.

Чрезвычайные ситуации характеризуются наличием обстоятельств, представляющих непосредственную угрозу безопасности жизни и здоровья людей, территориальной целостности государства и его существованию. Их ликвидация невозможно без применения чрезвычайных мер реагирования. Ежегодно в стране происходит более 6000 чрезвычайных ситуаций, в которых гибнут люди. Как правило, это пожары, о чем свидетельствуют статистические данные МЧС Республики Беларусь [далее по тексту – МЧС] (таблица 1).

Таблица 1 – Количество чрезвычайных ситуаций и погибших за период с 2018 по 2020 гг.

Год	2018	2019	2020
Количество пожаров по республике	6102	6112	6071
Количество погибших на пожарах	526	490	633

Ликвидация чрезвычайных ситуаций определяет особый правовой режим соблюдения прав человека. Это связано с тем, что в период проведения мероприятий по спасению жизней и сохранению здоровья гражданского населения, субъектами ликвидации чрезвычайных ситуаций обеспечивается реализация права человека на безопасность. При этом, специфика обеспечения жизнедеятельности человека в условиях чрезвычайных ситуаций предопределяет необходимость ограничений других его прав. Объективно, процесс ликвидации и расследования чрезвычайных ситуаций порождает ряд ограничений конституционных прав челове-

ка в целях обеспечения права человека на безопасность. При чрезвычайных ситуациях техногенного характера (например, авария на атомной станции и т. п.) вводится режим чрезвычайного положения, в рамках которого гражданское население в обязательном порядке подлежит эвакуации в безопасные зоны, независимо от пола, возраста, национальной принадлежности, гражданства и т. д. В таком режиме право человека на свободу передвижения ограничено в целях сохранения его жизни и здоровья, т. е. обеспечивается, в первую очередь, право на безопасность. Кроме того, в рамках временного размещения гражданского населения в санитарных зонах в процессе реализации права на безопасность возникает ряд сложностей в соблюдении других прав человека (например, права на жизнь, права на личную свободу, неприкосновенность жилища, благоприятную окружающую среду и т. д.).

В заявленном контексте реализация права человека на безопасность в условиях чрезвычайной ситуации выступает правовым основанием для ограничения других прав человека (например, права на жизнь, права на личную свободу, неприкосновенность жилища, благоприятную окружающую среду и т. д.), что в настоящее время не рассматривается в законодательстве в качестве такового. Тем не менее, право на безопасность в условиях чрезвычайных ситуаций детерминирует выполнение определенной системы действий уполномоченными субъектами, которые в конечном итоге обеспечивают права человека на жизнь, здоровье, неприкосновенность жилища, благоприятную окружающую среду и т. д., выступающих сопутствующими при обеспечении права на безопасность. Таким образом, в рамках ликвидации и расследования чрезвычайных ситуаций функционирует особый правовой режим, где гарантировано должно реализовываться, в первую очередь, право человека на безопасность, даже при необходимости ограничения других неотъемлемых прав человека.

Международные правовые институты, в свою очередь, обязывают соблюдать права человека при любых обстоятельствах. Это требование нашло отражение в многочисленных международных правовых актах. В современном обществе есть запрос на нормативное закрепление права человека на безопасность в условиях предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций в уже существующей системе прав человека. Для этого необходимо, во-первых, разработать механизм реализации данного права в условиях предупреждения, ликвидации и расследования чрезвычайных ситуаций, в том числе и трансграничного характера. Во-вторых, определить место права на безопасность в системе прав человека. Заметим, что законодатель косвенно на него указывает (ограничение прав и свобод личности допускается в интересах обеспечения национальной безопасности [1]). В-третьих, внести соответствующие изменения в национальное законодательство, определив его в качестве самостоятельного элемента в системе прав человека и сформировать практические рекомендации по его реализации.

Кроме того, при реализации права на безопасность возникают вопросы по обеспечению безопасности самих субъектов ликвидации и расследования чрезвычайных ситуаций. Один из таких вопросов является – безопасность указанных субъектов, членов следственно-оперативной группы, в которую, как правило, входят сотрудники Следственного комитета Республики Беларусь, сотрудники органов внутренних дел, работники МЧС, прокуроры при проведении осмотра места пожара. Многие исследователи отмечают, что «...выполнение работы по осмотру места пожара, как правило, связано с реальным риском для жизни и здоровья человека. Это обусловлено тем, что воздействие огня на строительные конструкции может привести к потере несущей способности конструкций и их обрушению или угрозе обрушения в любой момент. Кроме этого, на месте пожара всегда есть шанс провалиться в прогар в перекрытии, упасть в неогороженный проем и масса других не менее опасных ситуаций» [2, с. 358]. О наличии указанных рисков можно судить по местам возникновения пожаров. В большинстве случаев чрезвычайные ситуации в виде пожара возникают в зданиях, сооружениях, жилищном фонде (см. таблицу 2). К сожалению, история независимой Беларуси имеет ряд трагических примеров: гибель четверых пожарных-спасателей столицы в 2010 г. [3], двоих работников МЧС в Крупском районе в 2016 г. [4].

Таблица 2 – Количество чрезвычайных ситуаций по местам возникновения с 2019 по 2020 гг.

Год	По местам возникновения										
	Здания для временного пребывания (проживания) людей	Жилой фонд	Зрелищные и культурно-просветительные учреждения	Предприятия по обслуживанию населения	Научные и проектные организации, учреждения управления	Учреждения образования	Производственные и складские здания, сооружения	Объекты нового строительства, реконструкции, капитального ремонта	Сельскохозяйственные объекты	Транспортные средства	Прочие объекты
2019	49	4935	5	73	9	6	180	20	155	568	112
2020	42	4832	9	95	6	6	165	25	148	515	228

Сегодня в литературе можно найти множество рекомендаций для членов следственно-оперативной группы по соблюдению мер безопасности при проведении осмотра места пожара. Проанализировав их, можно определить основные опасности, объективно существующие в рамках проведения данного следственного действия: электротравмы от находящихся под напряжением проводов и других объектов; радиационная опасность, связанная с разгерметизацией в ходе пожара различных источников излучения; опасность отравления токсичными веществами, находившимися на месте пожара, а также газообразными продуктами термической деструкции веществ и материалов и другие. Учеными и практиками выработан ряд методических рекомендаций для предотвращения случаев травмирования, отравления субъектов проведения осмотра места пожара. В различных источниках излагаются наиболее рациональные алгоритмы его проведения с учетом существующих опасностей, сформированы перечни необходимого для обеспечения безопасности оборудования и материалов. Однако, при исследовании научных рекомендаций, нормативного регулирования и изучении практики обеспечения безопасности членов следственно-оперативной группы при осмотре места пожара было установлено, что правовой аспект безопасности в части персональной ответственности уполномоченных субъектов по ее обеспечению решен не до конца.

Следует отметить, что осмотр места пожара проводится после его полного тушения. Приказом МЧС от 27 июня 2016 г. № 158 установлено, что «...руководство работой по обеспечению безопасности и ответственность за состояние безопасных условий труда возлагаются при ликвидации чрезвычайной ситуации – на старших должностных лиц, обеспечивающих выполнение работ на порученном участке» [5]. В практической деятельности данную функцию выполняет начальник дежурной смены, обеспечивающий ликвидацию пожара. Соответственно, при окончании работ начальник дежурной смены должен быть уверен, что место происшествия безопасно и, следовательно, можно проводить осмотр места происшествия. В соответствии с нормативным регулированием в области деятельности следственно-оперативной группы при осмотре места пожара установлено, что «...следователь (лицо, производящее дознание) является руководителем следственно-оперативной группы, определяет порядок ее работы, лично или посредством уполномоченных им членов следственно-оперативной группы информирует оперативного дежурного о прибытии следственно-оперативной группы на места происшествия, поддерживает с ним связь и обеспечивает согласованную деятельность всех членов группы» [6]. С точки зрения правового регулирования указанного сегмента деятельности ответственность за безопасность всех участников осмотра места пожара возлагается на следователя (лицо, производящее дознание). Данный тезис подтверждается теоретическими положениями в области тактических, организационных и методических основ проведения осмотра места пожара. Б.В. Мегорский уже в 1966 г. отметил «...ответственность за организацию и соблюдение мер безопасности при осмотре места пожара несет следователь или другое лицо, возглавляющее осмотр» [7, с. 246.]. Однако, в большинстве случаев следователь, реже лицо, производящее дознание, не обладают специальными знаниями, умениями и навыками по вопросам тушения пожара и не являются специалистами в области ликвидации чрезвычайных ситуаций.

Таким образом, объективно оценить уровень безопасности места происшествия перед началом осмотра места пожара следователю (лицу, производящему дознание) не представляется возможным по причине отсутствия необходимых компетенций. В связи с этим, в практической

деятельности закономерной является ситуация, когда по сути разрешение на осмотр места пожара после его ликвидации дает начальник дежурной смены, взяв на себя ответственность за безопасность членов следственно-оперативной группы, реализующих следственное действие. Однако, при проведении осмотра места пожара подобная ситуация нормативно не урегулирована как в отношении руководителя следственно-оперативной группы – следователя (лица, производящего дознание), так и в отношении начальника дежурной смены, руководившего тушением пожара.

Таким образом, должного нормативного закрепления ответственности за безопасность при осмотре места пожара в белорусском законодательстве нет. Соответственно, возникает вопрос: в случае травмирования членов следственно-оперативной группы при осмотре места пожара (например, в случае неожиданных обрушений конструкции и т. д.), кто из должностных лиц будет привлекаться к ответственности – начальник дежурной смены, который, по сути, не участвует в осмотре места пожара и фактически не находится при обнаружении, фиксации и изъятии вещественных доказательств, и соответственно не может контролировать применения специальных технических приемов, средств и методов осмотра, могущих повлечь потери устойчивости, ослабление прочности и связей конструкций; либо руководитель следственно-оперативной группы, принимающий решение о начале осмотра (соответственно – о его безопасности), исключительно по рекомендациям начальника дежурной смены? Ответа на поставленный вопрос пока нет.

Однако, в контексте разрешения указанных проблем отметим, что право на безопасность является неотъемлемой частью системы прав человека в современном обществе:

– на макроуровне – его законодательная регламентация обеспечит соблюдение прав человека в условиях чрезвычайных ситуаций, что будет способствовать совершенствованию системы прав человека в целом, а также повысит эффективность действий уполномоченных субъектов ликвидации и расследования чрезвычайных ситуаций по их соблюдению;

– на микроуровне – вопросы обеспечения безопасности субъектов осмотра места пожара требуют дальнейшего эмпирического и теоретического исследования в целях последующего правового закрепления.

Литература

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – 10-е изд., стер. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2014. – 64 с.
2. Чешко, И. Д. Осмотр места пожара: методическое пособие / И. Д. Чешко, Н. В. Юн, В. Г. Плотников [и др.]. – М. : ВНИИПО, 2004. – 503 с.
3. 11 мая – день памяти работников, погибших при исполнении служебных обязанностей [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://minsk.mchs.gov.by/novosti/351474>. – Дата доступа : 18.10.2021.
4. Два сотрудника МЧС и четверо местных жителей погибли в Крупском районе [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.belta.by>. – Дата доступа : 18.10.2021.
5. Об утверждении Правил безопасности в органах и подразделениях по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь [Электронный ресурс] : приказ Министерства по чрезвычайным ситуациям Респ. Беларусь, 27 июня 2016 г., № 158 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
6. Инструкция о порядке взаимодействия органов прокуратуры, предварительного следствия, дознания и Государственного комитета судебных экспертиз в ходе досудебного производства [Электронный ресурс] : утв. постановлением Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, СК, МВД, МЧС, Минобороны, КГК, КГБ, ГПК, ГТК, ГКСЭ 26.12.2016 № 36/278/338/77/42/7/32/17/28/24 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
7. Мегорский, Б. В. Методика установления причин пожаров / Б. В. Мегорский. – М. : Издательство литературы по строительству, 1966. – 347 с.

¹Университет гражданской защиты
МЧС Республики Беларусь

²Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

Обеспечение посредством нотариата права граждан на квалифицированную юридическую помощь

Е.М. КАРАВАЕВА

В статье анализируется обеспечение права граждан на квалифицированную юридическую помощь нотариусами, определены признаки, позволяющие отграничить ее от иных видов юридической помощи. Изучено законодательство Республики Беларусь, зарубежных государств, мнения ученых по данному вопросу. Предложено учесть опыт нормотворческой деятельности зарубежного законодательства по отдельным вопросам, касающимся статуса нотариуса в Республике Беларусь.

Ключевые слова: нотариат, квалифицированная юридическая помощь, нотариальные действия, законность, нотариальная тайна, публичный характер, бесспорный характер.

The article analyzes the ensurance of the citizens' right to qualified legal assistance by notaries and identifies the characteristics that distinguish this type of legal assistance from others. The legislation of the Republic of Belarus, foreign states, scientists' opinions on this issue have been studied. It is suggested to take into account the experience of rule-making activity of foreign legislation on certain issues relating to the status of a notary in the Republic of Belarus.

Keywords: notary, qualified legal assistance, notarial acts, legality, notarial secrecy, public nature, undisputed nature.

Введение. Статья 62 Конституции Республики Беларусь закрепляет важнейшую по своей значимости норму о праве каждого на получение юридической помощи для осуществления и защиты прав и свобод [1].

Правовая поддержка необходима гражданам не только при разрешении споров в судах, но и для принятия важных решений, предотвращения конфликтных ситуаций, досудебного урегулирования разногласий. Квалифицированная юридическая помощь способствует реализации и защите прав человека, обеспечению законности и равных возможностей для граждан, правовому просвещению и предотвращению нарушений законных интересов граждан.

Обеспечение и защита прав и свобод человека и гражданина является первостепенной задачей современного государства, что позволяет включить в систему оказания квалифицированной юридической помощи также и нотариусов, осуществляющих деятельность по реализации публично-правовой функции государства по защите прав и законных интересов граждан и юридических лиц.

Совокупность совершаемых нотариусами предусмотренных законодательством нотариальных действий, а также обеспечение условий для эффективной реализации имеющихся прав и обязанностей субъектами правовых отношений составляют нотариальную деятельность – функциональную сущность нотариата.

Основная часть. Нотариат в Республике Беларусь призван обеспечивать защиту прав и законных интересов физических лиц, в том числе индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, государственных интересов путем совершения от имени Республики Беларусь нотариальных действий лицами, указанными в законе [2, ст. 1].

Отметим, что в законе Республики Беларусь «О нотариате и нотариальной деятельности» в компетенции нотариусов не предусмотрено такое нотариальное действие, как «оказание юридической помощи». Однако по своей сути вся нотариальная деятельность направлена на оказание юридической помощи гражданам и юридическим лицам, обращающимся к нотариусу за совершением нотариального действия, защиту их прав и законных интересов [3].

Таким образом, можно выделить новое право среди всей совокупности прав человека и гражданина в современном государстве – право на нотариальную помощь.

Исходя из анализа законодательства зарубежных государств, выявлено, что в законе Российской Федерации «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» нотариусы в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи оказывают бесплатную юридическую помощь гражданам, обратившимся за совершением нотариальных действий, исходя из своих полномочий путем консультирования по вопросам совершения нотариальных действий в порядке, установленном законодательством Российской Федерации о нотариате [4, ст. 19].

Юридическая помощь, оказываемая физическим и юридическим лицам, имеет определенные признаки, позволяющие выявить ее особенности, отграничить от иных схожих видов деятельности и определить ее субъектов. Прежде всего, квалифицированная юридическая помощь является профессиональной деятельностью юриста и носит юридический характер [5].

В Республике Беларусь нотариат – это юридическая деятельность, осуществляемая от имени государства, гарантирующая публичное признание нотариально оформленных документов.

Оказание квалифицированной юридической помощи нотариусами состоит в обеспечении условий для возникновения, изменения или прекращения субъективных прав граждан и юридических лиц, а также для беспрепятственной и эффективной реализации имеющихся прав и обязанностей субъектами правовых отношений.

Объектом нотариальной деятельности по оказанию квалифицированной юридической помощи являются общественные отношения по реализации физическими и юридическими лицами их прав, свобод и законных интересов [6, с. 4].

Определить нотариальную помощь как квалифицированную представляется возможным, исходя из ряда признаков:

1. Нотариальная юридическая помощь оказывается на профессиональной основе. Квалифицированной в соответствии с мировой практикой может считаться помощь, оказываемая специалистами по праву – как минимум лицами, имеющими юридическое образование, при обязательном соблюдении профессиональных стандартов и этических норм, поддерживаемых профессиональным контролем. Вне этих стандартов и норм юридическая помощь квалифицированной признана быть не может [7, с. 23].

Во многих государствах латинской системы нотариата законодательно закреплены высокие требования к претендентам на занятие должности нотариусов: возраст назначения на должность, как правило, не менее 25 лет, и не более предельного возраста участия в конкурсе, как правило, от 40 до 60 лет; наличие стажа работы по юридической профессии или специальный стаж адвокатской деятельности от 2 до 10 лет, средний стаж 5 лет; прохождение конкурсного отбора на занятие должности нотариуса, который проводится в большинстве стран совместно органами юстиции и профессионального нотариального сообщества; закрепление предельного возраста занятия нотариальной деятельностью. Предельный возраст пребывания в статусе нотариуса ограничен возрастом, превышающим официальный возраст выхода на пенсию в среднем на пять лет (в большинстве государств возрастная граница определена в 70 лет.).

Законодательством Республики Беларусь определен ряд требований к нотариусу: им может быть гражданин Республики Беларусь, имеющий высшее юридическое образование и стаж работы по юридической специальности не менее трех лет, прошедший в случаях, установленных законодательством, профессиональную стажировку в качестве стажера, сдавший квалификационный экзамен, получивший свидетельство на осуществление нотариальной деятельности, отвечающий иным требованиям законодательства [2, ст. 10].

Для сравнения, в Российской Федерации нотариусом может быть гражданин Российской Федерации, получивший высшее юридическое образование в имеющей государственную аккредитацию образовательной организации высшего образования, имеющий стаж работы по юридической специальности не менее чем пять лет, достигший возраста двадцати пяти лет, но не старше семидесяти пяти лет, сдавший квалификационный экзамен [8].

Таким образом, профессионализм осуществления нотариальной деятельности в государстве обеспечивается нормативными требованиями к кандидату на должность нотариуса,

что в свою очередь является показателем оказания высококвалифицированной юридической помощи. Отметим, что в Республике Беларусь законодательно не определены возрастные границы для осуществления деятельности в качестве нотариуса.

2. Квалифицированный характер оказываемой нотариатом юридической помощи определяется следующими факторами:

- соответствие закону (принцип законности), что воплощается в полном и точном соблюдении ими требований законов в процессе профессиональной деятельности и гарантируется возможностью судебной защиты;
- соблюдение требований профессиональной этики, морали и нравственности;
- законодательное закрепление прав и обязанностей нотариуса.

Условием для реализации права на юридическую помощь является нотариальная тайна. В соответствии со ст. 9 закона Республики Беларусь «О нотариате и нотариальной деятельности» нотариальная тайна является одним из принципов осуществления нотариальной деятельности.

3. Публичный характер проявляется в следующем:

- осуществление деятельности исключительно в предусмотренных законом формах от имени государства;
- совершение предусмотренных законом нотариальных действий в интересах обратившихся физических и юридических лиц;
- составление проектов сделок, заявлений и других документов, имеющих правовой характер;
- разъяснение обратившимся за совершением нотариального действия физическим и юридическим лицам их прав и обязанностей, предупреждение о последствиях совершаемых нотариальных действий, с тем чтобы юридическая неосведомленность не могла быть использована им во вред.
- строгая процессуальная регламентация совершения нотариальных действий;
- в процессе оказания юридической помощи создается нотариальный акт – имеющий официальный характер документ, в ряде случаев обладающий исполнительной силой;
- совершая нотариальное действие, нотариус должен соблюсти не только волю обратившегося к нему лица, но и требования законности, как бы невыгодны они ни были данному лицу. При возникновении сомнения относительно соответствия сделки закону или истинным намерениям сторон нотариус обязан отказать в совершении нотариального действия либо отложить (приостановить) его совершение.

Заключение. Таким образом, реализация посредством нотариата права граждан на квалифицированную юридическую помощь обеспечена тем, что нотариусы совершают установленные законодательством нотариальные действия; обеспечивают условия для возникновения, изменения или прекращения субъективных прав граждан и юридических лиц; содействуют беспрепятственной и эффективной реализации имеющихся прав и обязанностей субъектами правовых отношений.

Оказываемая нотариусами юридическая помощь характеризуется признаками, позволяющими отграничить ее от иных видов юридической помощи: публичным, квалифицированным, бесспорным характером; юридическими свойствами; некоммерческим характером.

На наш взгляд, целесообразным является определить в законодательстве Республики Беларусь возрастные границы для осуществления деятельности в качестве нотариуса, используя опыт Российской Федерации, изложив ст. 10 Закона Республики Беларусь «О нотариате и нотариальной деятельности» в следующей редакции: Нотариусом может быть гражданин Республики Беларусь, имеющий высшее юридическое образование и стаж работы по юридической специальности не менее трех лет, достигший возраста двадцати пяти лет, но не старше семидесяти пяти лет, прошедший в случаях, установленных законодательством, профессиональную стажировку в качестве стажера, сдавший квалификационный экзамен, получивший свидетельство на осуществление нотариальной деятельности, отвечающий иным требованиям законодательства.

Литература

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.) [Электронный ресурс] : текст по состоянию на 12 октября 2021 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
2. О нотариате и нотариальной деятельности : Закон Республики Беларусь, 18 июля 2004 г. [Электронный ресурс] : текст по состоянию на 29 июня 2020 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
3. Лагодина, Е. И. Правовое регулирование нотариальной деятельности : проблемы и эффективность / Е. И. Лагодина // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2014. – № 4 (21). – С. 14–17.
4. О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации [Электронный ресурс : закон Российской Федерации : принят Государственной Думой 2 ноября 2011 г. : одобр. Советом Федерации 9 ноября 2011 г. – Режим доступа : <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102152039>. – Дата доступа : 24.12.2021.
5. Субъекты юридической помощи и частные интересы физического или юридического лица [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://sibac.info/conf/law/xxvi/33308>. – Дата доступа : 24.12.2021.
6. Форин, М. М. Защита участников гражданского оборота: концептуальные вопросы и практические решения / М. М. Форин // Российская юстиция. – 1998. – № 6. – С. 3–8.
7. Резник, Г. М. К вопросу о квалифицированном содержании понятия «квалифицированная юридическая помощь» / Г. М. Резник // Адвокат. – 2007. – № 4. – С. 23.
8. Об утверждении Порядка проведения конкурса на замещение вакантной должности нотариуса [Электронный ресурс] : приказ Министерства юстиции РФ от 30 марта 2018 г. №63. – Режим доступа : <https://base.garant.ru/71914672/#friends>. – Дата доступа: 24.12.2021.

Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

Поступила в редакцию 27.12.2021

Социальная поддержка многодетных семей: сравнительно-правовой анализ

Н.П. КОВАЛЕВА

В статье проводится анализ основных форм и видов социальной защиты многодетных семей. Исследованы вопросы пенсионного обеспечения, условия предоставления государственных пособий, адресной социальной помощи и социальных услуг.

Ключевые слова: многодетная семья, социальная защита, государственные пособия, социальная помощь, социальное обслуживание.

The article analyses the main forms and types of social protection for families with many children. The issues on pension provision, conditions of state benefits, targeted social assistance and social services are investigated.

Keywords: large family, social protection, state benefits, social assistance, social service.

Введение. Важнейшим инструментом государственной семейной политики является социальная защита семьи и детства. Семья является одним из основных социальных институтов общества, и её поддержка – приоритетное направление социальной политики государства. Особенно важной представляется система поддержки многодетных семей, которые могут испытывать трудности различного характера, и поэтому многодетные семьи в Республике Беларусь относятся к числу основных объектов социальной поддержки. Повышение внимания к решению их проблем в последние годы имеет огромное практическое значение. Основные положения социальной политики в области защиты многодетных семей отражены в Конституции Республики Беларусь, так в ст. 32 декларируется государственная защита семьи, материнства и детства в целом [1].

Основная часть. Семья является одним из основных социальных институтов общества. Согласно статье 59 Кодекса о браке и семье, семья – это объединение лиц, связанных между собой моральной и материальной общностью и поддержкой, ведением общего хозяйства, правами и обязанностями, вытекающими из брака, близкого родства, усыновления [2].

Многодетность является сложным и довольно противоречивым феноменом, по отношению к общепринятым нормам и нравам это, безусловно, явление исключительное и даже девиантное [3].

Современное общество поделилось на две части, и каждая из них имеет свою точку зрения на многодетные семьи, а одних случаях, когда мы слышим о многодетности, то приравнивает это понятие к семье с плохим образом жизни, бедностью, а так же к материальным проблемам, заключающимся в недостатке средств на образование, питание, одежды, или средств на благоприятное существование, в других случаях многодетность воспринимается как единая ячейка, в которой царит атмосфера добра, взаимопомощи, ответственности друг за друга, уважения, самостоятельности.

Многодетной признается семья, в которой на иждивении и воспитании находятся трое и более детей в возрасте до восемнадцати лет [2, ст. 62]. Ряд положений национального законодательства при трактовке понятия многодетной семьи также исходит из определения детей только до 18 лет, находящихся на иждивении и воспитании в семье, в том числе родных, усыновленных, удочеренных, пасынков и падчериц, постоянно проживающих в Республике Беларусь [4].

Например, в Российской Федерации единых критериев определяющих семью, как многодетную, нет, региональные власти самостоятельно определяют понятие многодетной семьи, в частности, в Москве многодетной признается семья, в которой воспитывается три и более ребенка до достижения младшим 16-летнего возраста, за исключением детей, обучающихся в общеобразовательных школах, для которых установлен возраст 18 лет [5], в Санкт-Петербурге

многодетная – это семья, имеющая в своем составе трех и более детей (в том числе усыновленных, находящихся под опекой (попечительством), в возрасте до 18 лет [6], а в законодательстве Краснодарского края многодетной признается семья, в которой воспитываются трое и более детей в возрасте до 18 лет (при обучении детей в общеобразовательных организациях и в государственных образовательных организациях по очной форме – до 23 лет) [7].

Достаточно интересной является норма, изложенная в Украине, а именно, многодетная – это семья, в которой супруги (мужчина и женщина) находятся в зарегистрированном браке, вместе проживают и воспитывают трех и более детей, в том числе каждого из супругов, или один отец (одна мать), который (которая) проживает вместе с тремя и более детьми и самостоятельно их воспитывает. В состав многодетной семьи включаются также дети, которые учатся на дневной форме обучения в общеобразовательных, профессионально-технических и высших учебных заведениях, – до окончания учебных заведений, но не дольше чем до достижения ими 23 лет [8, ст. 1].

Для мониторинга за предоставлением полного объема гарантий многодетным семьям с 1 января 2020 г. введена в действие единая общереспубликанская база данных учета многодетных семей, постоянно проживающих в Республике Беларусь в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 9 июля 2019 г. № 264. В настоящее время в базе содержится информация о 106 тыс. многодетных семей, при этом подавляющее большинство семей имеют троих детей – это более 85 тыс. семей, четверых – 15 тыс., пятерых – около 4 тыс. семей [9].

В рамках социальной поддержки государство предоставляет многодетным семьям ряд социальных гарантий и их спектр достаточно широк.

Вопросы социальной поддержки семей, в том числе многодетных, регулируются достаточно большим количеством нормативных актов. Можно выделить следующие формы социальной поддержки многодетных семей: пенсионное обеспечение, государственные пособия, социальные льготы и социальное обслуживание. Отдельно в законодательстве рассматриваются вопросы предоставления трудовых, налоговых, жилищных и иных льгот.

В соответствии с Законом «О пенсионном обеспечении» предусмотрена досрочная пенсия по возрасту со снижением общеустановленного возраста на 5 лет женщинам, родившим и воспитавшим пять и более детей до 8-летнего возраста [10, ст. 19], а с 1 января 2021 г. женщинам, родившим четверых детей, будут засчитывать в трудовой стаж для назначения пенсии время нахождения в отпуске по уходу за ребенком продолжительностью до 12 лет в общей сложности, и трудовая пенсия может быть назначена при наличии стажа работы не менее 20 лет и страхового стажа не менее 10 лет [10, ст. 22¹], [11].

Аналогичные положения предусмотрены и в других странах. Федеральный закон «О страховых пенсиях» предусматривает право выхода на пенсию досрочно в зависимости от количества детей, женщины, родившие пять и более детей и воспитавшие их до достижения ими возраста 8 лет, могут выйти на пенсию в возрасте 50 лет, при страховом стаже не менее 15 лет, а с 2021 г. женщины, родившие и воспитавшие четырех детей до достижения ими возраста 8 лет, могут оформить страховую пенсию по старости при достижении 56 лет, а с 2023 г. женщинам, родившим трех детей и воспитавшим их до достижения возраста 8 лет, пенсия будет назначаться в 57 лет [12, ст. 32]. В законодательства Республики Казахстан закреплено, что женщины, родившие (усыновившие, удочерившие) 5 и более детей и воспитавшие их до восьмилетнего возраста, имеют право на пенсию по возрасту по достижении 53 лет при наличии общего стажа – 20 лет [13], в Латвии также предусмотрено право лиц, стаж страхования которых не менее 30 лет и которые заботились до достижения восьмилетнего возраста за пятью или более детьми, запрашивать пенсию по старости на пять лет раньше достижения установленного возраста [14], в Эстонии у матери, отца, приёмных родителей, опекуна или попечителя, которые воспитывали пять и более детей – за 5 лет до достижения пенсионного возраста; у матери, отца, приёмных родителей, опекуна или попечителя, которые воспитывали не менее восьми лет четырёх детей – за 3 года до достижения пенсионного возраста; у матери, отца, приёмных родителей, опекуна или попечителя, которые воспитывали не менее восьми лет троих детей – за 1 год до достижения пенсионного возраста [15, ст. 10].

В соответствии с Законом «О государственных пособиях семьям, воспитывающим детей» существует дифференциация государственных пособий в зависимости от количества детей до 18 лет, а именно: единовременное пособие в связи с рождением второго и последующих детей, пособие семьям на детей в возрасте от 3 до 18 лет в период воспитания ребенка в возрасте до 3 лет [16], единовременная выплата семьям при рождении двоих и более детей на приобретение вещей первой необходимости [17]. Соответствующая классификация пособий семьям воспитывающим трех и более детей предусмотрена законодательством Российской Федерации, Республике Казахстан, Украины, Эстонии, Латвии.

Указом Президента Республики Беларусь от 09.12.2014 № 572 «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, воспитывающих детей» предусмотрено назначение семейного капитала при рождении, усыновлении (удочерении) третьего (последующего) ребенка. Данная форма социальной поддержки существует в законодательстве России: право на дополнительные меры государственной поддержки возникает при рождении (усыновлении) ребенка (детей), второго ребенка или третьего и последующих детей [18, ст. 3]. Существенные изменения коснулись и вопросов адресной социальной помощи, в настоящее время период предоставления многодетным семьям государственной адресной социальной помощи в виде ежемесячного социального пособия увеличен до 12 месяцев [19]. В качестве социальной услуги, предоставляемой многодетным семьям можно отнести бесплатное предоставление услуг няни до достижения детьми возраста трех лет при рождении двоих и более детей [20]. Все это указывает на заинтересованность государств в поддержке данных категорий семей, которая носит систематический характер не только в Республике Беларусь, но в других странах.

Заключение. Социальная защита многодетных семей в настоящее время представляет собой многофункциональную деятельность по социальной поддержке на государственном уровне семьи, материнства и детства. В целом в Республике Беларусь разработана нормативная правовая база, охватывающая различные виды и формы социальной поддержки многодетных семей. В результате проведенного исследования установлено, что в Республике Беларусь, кроме досрочного пенсионного обеспечения, основной формой социальной поддержки многодетных семей являются государственные пособия и иные денежные выплаты.

Литература

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – 10-е изд., стер. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2014. – 64 с.
2. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье : принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобр. Советом Республики 24 июня 1999 г. : текст по состоянию на 18.12.2019 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2020. – 124 с.
3. Говенко, Ю. А. Современные проблемы многодетных семей в Российском обществе / Ю. А. Говенко, Э. С. Таболова, Е. О. Лежава // Университетская наука. – 2018. – №1 (5). – С. 149–151.
4. Об удостоверении многодетной семьи [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Республики Беларусь, 28 июля 2011 г., № 1009 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа : <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C21101009>. – Дата доступа : 09.03.2021.
5. О мерах по социальной поддержке многодетных семей : Указ Президента Российской Федерации, 5 мая 1992 г., № 431 : в ред. 25.02.2003 г. // Ведомости Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. – № 19. – Ст. 1044.
6. Социальный кодекс Санкт-Петербурга [Электронный ресурс] : принят 22 ноября 2011 г., № 728-132 : с изм. 18.06.2020 г. – Режим доступа : <https://docs.cntd.ru/document>. – Дата доступа : 10.03.2021.
7. О социальной поддержке многодетных семей в Краснодарском крае [Электронный ресурс] : Закон Краснодарского края, 22 февраля 2005 г., № 836-КЗ. – Режим доступа : <http://admkrasnodar.ru>. – Дата доступа : 10.03.2021.
8. Об охране детства : Закон Верховной Рады Украины, 26 апреля 2001 г., № 2402-III (с изм. и доп.) // Официальный вестник Украины. – 2001. – № 30. – Ст. 142.

9. Государственная поддержка семьи в Республике Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [https:// president.gov.by/ru/belarus/social](https://president.gov.by/ru/belarus/social). – Дата доступа : 20.03.2021.
10. О пенсионном обеспечении : Закон Республики Беларусь, 9 января 2017 г., №14-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 8.01.2018 г., № 97-З // Нац. реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2018. – 2/2535.
11. О социальной поддержке отдельных категорий граждан [Электронный ресурс] : Указ Президента Республики Беларусь, 18 мая 2020 г., № 171 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа : <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P32000171&p1=1>. – Дата доступа : 20.03.2021.
12. О страховых пенсиях : Федеральный закон, 28 дек. 2013 г., № 400-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 52 (ч. I). – Ст. 6965.
13. О пенсионном обеспечении в Республике Казахстан : Закон Республики Казахстан, 21 июня 2013 г., № 105-V // Ведомости Парламента Республики Казахстан. – 2013. – № 10–11. – Ст. 55.
14. Пенсии в странах Прибалтики [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.mklat.lv/zakony/20169-zakon-o-gosudarstvennykh-pensiyakh. – Дата доступа : 20.03.2021.
15. О государственном пенсионном страховании [Электронный ресурс] : Закон Эстонии, 20 декабря 2001 г., № 63 : в ред. 10.10.2009 г. – Режим доступа : <http://rup.ee/rus/pdf/zakoninarusskom/15.pdf>. – Дата доступа : 15.03.2021.
16. О государственных пособиях семьям, воспитывающим детей [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь, 30 июня 2017 г., № 33-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа : https://pravo.by/upload/docs/op/H11700033_1500066000.pdf. – Дата доступа : 15.03.2021.
17. О единовременной выплате семьям при рождении двоих и более детей на приобретение детских вещей первой необходимости : постановление Совета Министров Республики Беларусь, 27 июля 2009 г., № 985 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2009. – № 184. – 5/30235.
18. О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей : Федеральный закон, 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ : в ред. от 30.12.2021 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 29. – Ст. 4512.
19. О государственной адресной социальной помощи [Электронный ресурс] : Указ Президента Республики Беларусь, 19 января 2012 г., № 41 : в ред. Указа Президента Республики Беларусь от 15.06.2017 г., № 211 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа : <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=P31200041>. – Дата доступа : 20.03.2021.
20. О социальном обслуживании : Закон Республики Беларусь, 13 июля 2012 г., № 427-З // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа : <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=N10000395>. – Дата доступа : 20.03.2021.

Правовое положение отчима (мачехи) и пасынка (падчерицы) по белорусскому законодательству

Н.В. КОПЫТКОВА, В.Г. СКУРАТОВ

В статье авторы рассматривают особенности правового статуса отчима (мачехи) и пасынка (падчерицы). Анализируют и дают оценку семейному, трудовому и социальному законодательству, определяющему особенности правового статуса отчима (мачехи) и пасынка (падчерицы). Делают вывод о возникновении семейных отношений не только на основе брака и родства, но и на основе свойства. Отмечают, что основными условиями возникновения семейных правоотношений с участием отчима (мачехи) и пасынка (падчерицы) является заключение брака и сложившиеся семейные отношения. Предлагают внесение изменений и дополнений в Кодекс Республики Беларусь о браке и семье.

Ключевые слова: права, семья, родство, свойство, семейные отношения, отчим, мачеха, пасынок, падчерица.

In the article, the authors consider the features of the legal status of the stepfather (stepmother) and stepson (stepdaughter). They analyze and evaluate family, labor and social legislation, which determines the features of the legal status of the stepfather (stepmother) and stepson (stepdaughter). They make a conclusion about the emergence of family relations not only on the basis of marriage and relationship, but also on kinship. It is noted that the main conditions for the emergence of family legal relations with the participation of a stepfather (stepmother) and stepson (stepdaughter) are marriage and established family relations. The authors propose amendments and additions to the Code of the Republic of Belarus on marriage and family.

Keywords: rights, family, relationship, kinship, family relations, stepfather, stepmother, stepson, stepdaughter.

На международном и национальном уровне особое внимание уделяется вопросам правового регулирования ответственности родителей и других лиц за воспитание и содержание детей. Преамбула Конвенции ООН «О правах ребенка» гласит: «ребенку для полного и гармоничного развития его личности необходимо расти в семейном окружении, в атмосфере счастья, любви и понимания» [1]. В соответствии со ст. 27 Конвенции «родитель или другие лица, воспитывающие ребенка, несут основную ответственность за обеспечение в пределах своих способностей и финансовых возможностей условий жизни, необходимых для развития ребенка». В ст. 17 Закона Республики Беларусь «О правах ребенка» изложены основные обязанности родителей (опекунов, попечителей) по созданию необходимых условия для полноценного развития, воспитания, образования и укрепления здоровья ребенка [2].

Несомненно, большинство детей воспитываются в семье, поэтому законодательство в области семейных правоотношений, как правило, направлено на регулирование вопросов воспитания и содержания детей с участием родителей или усыновителей. Однако статистика свидетельствует о том, что дети часто остаются на воспитании лишь одного родителя. В 2020 г. в Республике Беларусь было заключено 50384 браков и зарегистрировано 35144 разводов. Более 80 % разведенных супругов имеют несовершеннолетних детей. При этом 27,5 % родителей, вступающих в новый брак, имеют детей от предыдущих отношений [3]. У психологов есть понятие «сводная семья» – это когда один из супругов становится для детей другого отчимом или мачехой. Нередко отчим (мачеха) полностью заменяют родителей неродному по крови ребенку и воспитывают его с рождения. На первый взгляд – это бытовая ситуация, и если в такой семье возникают проблемы, то здесь скорее должен вмешаться психолог, а не юрист. Однако, такие семьи могут столкнуться и с правовыми вопросами относительно прав и обязанностей отчима (мачехи) по отношению к детям супруга, с которым зарегистрирован брак. Следует констатировать, что на уровне современного белорусского законодательства нет прямых разъяснений по этому вопросу.

Отношения между пасынками (падчерицами) и отчимом (мачехой) встречаются значительно чаще, чем усыновление или передача детей приемным родителям. Как правило, в подобных ситуациях образуются связи аналогичные отношениям между родителями и детьми. С правовой точки зрения отчим и мачеха не являются родственниками детей своего супруга,

но вступая в брак у них появляется право принимать участие в воспитании этих детей. Но каково же правовое положение пасынка (падчерицы) и отчима (мачехи)? Можно ли их рассматривать в качестве субъектов семейных правоотношений? Для уяснения этих и других вопросов следует обратиться к понятию «правовой статус личности», так как именно правовой статус лица определяет границы его поведения в конкретном правоотношении.

Чаще всего под правовым статусом (правовым положением) личности понимают совокупность прав, свобод и обязанностей. Как отмечает Н.И. Матузов, «правовой статус нельзя правильно понять и раскрыть, не обращаясь к сущности того социального уклада, в условиях которого он складывается и функционирует». По мнению ученого, существует несколько видов правового статуса, один из которых он определяет как «специальный, или статус определенных категорий граждан» [4 с. 181–187]. Полагаем, что пасынки (падчерицы) и отчимы (мачехи) относятся к группе субъектов правоотношений со специальным статусом.

Для уяснения сущности понятий «отчим», «мачеха», «пасынок» «падчериц» обратимся к лексическому источнику. Согласно толкованию Д.Н. Ушакова: «пасынок – неродной сын одному из супругов, приходящийся родным другому; падчерица – неродная дочь одному из супругов, приходящаяся родной другому. Мачеха – жена отца по отношению к детям от прежнего его брака; отчим – муж матери по отношению к ее детям от прежнего брака» [5]. Белорусское законодательство не содержит подобных определений. Казалось бы, и так всем понятны эти житейские термины. Однако на современном этапе развития законодательства всё больше появляется нормативных актов, направленных на правовое регулирование имущественных отношений при участии данных субъектов. Безусловно, это затребует установления не только критериев приобретения ими правового статуса, но и круга фактов, необходимых для доказывания возникновения или прекращения определенных прав и обязанностей у данных категорий граждан. Понятно, если на законодательном уровне эти вопросы четко не отрегулированы, то на помощь приходят юрисдикционные органы. Именно постановления высших судебных инстанций могут решить многие вопросы, которые возникают на практике, как это было сделано, например, в Российской Федерации. Так, при рассмотрении вопроса о наследовании по закону седьмой очередью, Пленум Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 вынес Постановление «О судебной практике по делам о наследовании» и в п. 29 разъяснил следующее: пасынки и падчерицы наследодателя – неусыновленные наследодателем дети его супруга независимо от их возраста; отчим и мачеха наследодателя – не усыновивший наследодателя супруг его родителя [6].

Основанием правового статуса лица являются юридические факты. Приведенные выше определения с ясностью доказывают, что для признания наличия семейной связи между пасынками (падчерицами) и отчимом (мачехой) главным юридическим фактором, порождающим их правовой статус является заключение брака между лицами, у которых уже имеются дети. Как отмечала К.Б. Ярошенко, «между отчимом (мачехой) и пасынком (падчерицей) возникают семейные отношения, в основе которых лежит не кровное родство, а заключение брака, т. е. отношения свойства» [7].

В любой семье не менее важными факторами являются наличие взаимных личных и имущественных прав и обязанностей, моральная и материальная общность и поддержка, воспитание детей и ведение общего хозяйства. Как указывают в своей статье О.Ю. Малкин, Л.А. Смолина «При определении понятия «семья» следует учитывать, что главное место в семейных отношениях занимают личные связи членов семьи» [8]. Поэтому, кроме заключения брака, правообразующим юридическим фактом для реализации прав и обязанностей у отчима (мачехи) и пасынков (падчериц) следует считать сложившиеся семейные отношения, что дает возможность рассматривать данных лиц в качестве членов семьи.

Таким образом, с точки зрения права семью необходимо рассматривать в более широком понимании, т. е. как объединение лиц, основанное не только на браке или родстве, но и на свойстве. Подтверждением данного вывода являются нормы брачно-семейного законодательства. Так, в ст. 2 КоБС указано, что к отношениям, регулируемым законодательством о браке и семье относятся не только отношения, возникающие в связи с усыновлением (удочерением) опекой и попечительством, другими формами устройства на воспитание в семью, но и другие семейные отношения. Определение семьи, данное в ст. 59 КоБС на первый взгляд не позволяет включить в субъектный состав членов семьи мачеху и отчима, пасынков и падчериц. Однако, если семья – это объединение лиц, связанных между собой моральной и ма-

териальной общностью и поддержкой, ведением общего хозяйства, правами и обязанностями, вытекающими из брака, то можно сделать вывод, что вступлением в новый брак дети супругов от предыдущих браков, проживающие в семье, признаются членами этой семьи. Давая определение многодетной семьи в ст. 62 КоБС законодатель посчитал достаточным указать лишь на то, что в такой семье на иждивении и воспитании должно находиться трое и более детей в возрасте до восемнадцати лет, при этом законодатель не проводит различий между родными детьми и пасынками (падчерицами) [9].

Кроме того, согласно ч. 2 ст. 59 КоБС другие родственники супругов, а в исключительных случаях и иные лица могут быть признаны в судебном порядке членами семьи, если они проживают совместно и ведут общее хозяйство. Как известно, отношения между супругом и близкими родственниками другого супруга считаются отношениями свойства (ст. 61). Мы разделяем точку зрения авторов, которые определяют семью как союз людей, основанный не только на родстве и браке, но и на отношениях свойства.

Анализируя белорусское законодательство и брачно-семейное законодательство некоторых стран, мы приходим к выводу, что отношения между отчимом (мачехой) и пасынком (падчерицей) носят семейно-правовой характер. Так, Семейный кодекс Украины (далее – СК Украины) в перечень, регулируемых отношений наряду с родственными семейными отношениями, включает личные неимущественные и имущественные отношения между мачехой, отчимом и падчерицей, пасынком (ст. 2) [10]. Нужно отметить, что в СК Украины достаточно подробно конкретизируются отдельные права и обязанности указанных лиц, в частности, право мачехи и отчима участвовать в воспитании падчерицы, пасынка, при условии их проживания одной семьей (ст. 260); право мачехи и отчима на защиту детей, в том числе право на обращение в органы опеки и в суд без специальных на то полномочий (ст. 262). В этой связи, уместным будет отметить, что согласно белорусскому законодательству законными представителями несовершеннолетних детей являются только родители, усыновители или опекуны и попечители. Наделить отчима или мачеху полномочиями законного представителя можно лишь путем усыновления ребёнка. Закрепление в нашем КоБС нормы, подобной ст. 262 СК Украины, позволило бы матери (отцу) избежать излишних забот, в том числе по оформлению нотариальной доверенности на имя отчима (мачехи) с правом представления интересов ребёнка в учебном или медицинском учреждении, а также в других случаях, где требуется участие законного представителя.

Семейный кодекс Украины (ст. ст. 264, 268, 270) и Семейный кодекс РФ (ст. 97) устанавливают взаимные обязанности при определенных условиях заботиться и содержать отчима (мачеху) и пасынка (падчерицу), и таким образом возлагает на них, так называемые, алиментные обязательства второй очереди, имеющие дополнительный (субсидиарный) характер. При этом законодатель исходит из презумпции исполнения отчимом (мачехой) обязанностей по воспитанию и содержанию детей. Так, согласно российскому законодательству «нетрудоспособные нуждающиеся в помощи отчим и мачеха, воспитывавшие и содержавшие своих пасынков или падчериц, имеют право требовать в судебном порядке предоставления содержания от трудоспособных совершеннолетних пасынков или падчериц, обладающих необходимыми для этого средствами, если они не могут получить содержание от своих совершеннолетних трудоспособных детей или от супругов (бывших супругов). Суд имеет право освободить пасынков и падчериц от обязанностей содержать отчима или мачеху, если последние воспитывали и содержали их менее пяти лет, а также если они выполняли свои обязанности по воспитанию или содержанию пасынков и падчериц ненадлежащим образом» [11].

Основной нормативный акт Республики Беларусь, регулирующий брачно-семейные отношения – КоБС содержит единственную ст. 126, которая оперирует терминами «отчим» и «мачеха», не устанавливает их конкретных прав, а лишь закрепляет право суда при усыновлении ими ребенка сократить или увеличить разницу в возрасте между усыновителем и усыновляемым. Здесь уместно заметить, что было бы логичным в КоБС предусмотреть для отчима и мачехи более упрощенный порядок усыновления, например, сократить перечень ограничений, при наличии которых гражданин не может быть усыновителем.

За последние годы в Республике Беларусь принят ряд нормативных актов, регулирующих отношения в социальной и трудовой сферах, в которых нашлось место правам исследуемой нами категории лиц. Так, ст. 35 Закона Республики Беларусь «О пенсионном обеспечении» предусматривает, что «право на пенсию по случаю потери кормильца имеют нетру-

деспособные члены семьи умершего кормильца, состоявшие на его иждивении. При этом нетрудоспособными членами семьи считаются не только дети (в том числе усыновленные), но и пасынки и падчерицы, не достигшие 18 лет (обучающиеся, не достигшие 23 лет), пасынки и падчерицы старше 18 лет, если они стали инвалидами до достижения 18 лет» [12].

В 2012 г. в Республике Беларусь был принят Закон «О государственных пособиях семьям, воспитывающим детей». Само название закона обращает внимание на тот факт, что законодатель установил определенные права не только для кровных родителей и их детей, а для тех семей, у которых дети находятся на воспитании. И не важно, существует биологическая связь между мамой, папой и этими детьми или нет. Так, указанный закон предоставляет мачехе и отчиму, фактически осуществляющих уход за ребенком, право на пособие по уходу за ребенком в возрасте до 3 лет (ст. 12); право на пособие на детей в возрасте от 3 до 18 лет (ст. 14); право на пособия по временной нетрудоспособности по уходу за ребенком (ст. 19) и др. [13].

За последнее время много новаций появилось в трудовом законодательстве. Согласно ст. 168 Трудового Кодекса (далее – ТК) наниматель обязан запланировать отпуск по желанию работника мачехе и отчиму наравне с родными матерью и отцом, воспитывающих двоих и более детей в возрасте до 14 лет или ребенка-инвалида в возрасте до 18 лет в летнее или другое удобное время. С 28 января 2020 г. у отчимов появилось право на двухнедельный отпуск без сохранения заработной платы при рождении ребенка (ст. 186 ТК). Статьей 265 ТК закреплено право мачехи или отчима, воспитывающих ребенка-инвалида в возрасте до 18 лет либо троих и более детей в возрасте до 16 лет, на один дополнительный свободный от работы день в неделю с оплатой в размере среднего дневного заработка и др. [14].

С 2015 г. в Беларуси реализуется программа семейного капитала – единовременное предоставление безличной денежной выплаты при рождении (усыновлении) третьего или последующих детей. Если родители не заключали брак или разведены, и при этом проживают раздельно, то для назначения семейного капитала дети будут учитываться в семье того из родителей, на воспитании которого они находятся. В соответствии с Указом Президента от 18.09.2019 г. № 345 «О семейном капитале» мачеха и отчим имеют право на назначение семейного капитала при условии, что они являются гражданами Республики Беларусь и постоянно проживают на её территории [15].

Закон «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства», закрепляя принцип воссоединения семьи, предоставляет такое право не только родственникам, но также мачехе, отчиму, сводным братьям и сестрам граждан Республики Беларусь и иностранцев, постоянно проживающих в Республике Беларусь (ст. 55) [16].

Таким образом, можно сделать вывод, что во многих сферах жизни отчим, мачеха, пасынок и падчерица выступают в качестве самостоятельных субъектов правоотношений, и как правило, в качестве членов семьи. Роль отчима и мачеха в жизни пасынка и падчерицы является столь же важной, как и роль отца или матери в жизни родного ребенка. Проведенный анализ нормативных актов, регулирующих отношения, возникающие в семье с их участием, вызывает необходимость совершенствования брачно-семейного законодательства. Надо признать, что по сравнению с другими странами в данной сфере правового регулирования мы не находимся в лидерах. На наш взгляд, именно КоБС должен быть тем нормативным актом, который станет отправной точкой закрепления правового статуса отчима, мачехи, пасынка и падчерицы.

Подводя итог вышеизложенному, представляется целесообразным внести следующие изменения и дополнения в КоБС:

1. Статью 59 дополнить словом «свойства» и принять её в следующей редакции: Семья – это объединение лиц, связанных между собой моральной и материальной общностью и поддержкой, ведением общего хозяйства, правами и обязанностями, вытекающими из брака, близкого родства, усыновления, *свойства*.

2. Статью 75 дополнить следующим положением: *добровольное принятие отчимом (мачехой) прав и обязанностей по воспитанию пасынков (падчериц) приравниваются к родительским.*

3. Статью 212 после слов «что эти лица взаимно осведомлены о состоянии здоровья и семейном положении» дополнить словами «и о наличии у них несовершеннолетних детей от прежнего брака, разъяснить их права и обязанности по воспитанию пасынков (падчериц)».

4. Статью 125 после слов «лиц, которые по состоянию здоровья не могут быть усыновителями», «лиц, не имеющих постоянного места жительства, а также жилого помещения, отвечающего установленным санитарным и техническим требованиям»; «лиц, которые на

момент усыновления не имеют дохода, обеспечивающего усыновляемому ребенку прожиточный минимум, установленный на территории Республики Беларусь» дополнить словами «(не распространяется на отчима (мачеху) усыновляемого ребенка)».

5. Учитывая положительный опыт законодателей России и Украины, целесообразно внести в КоБС *дополнительную главу «Права и обязанности других членов семьи и родственников»*, где наряду с другими положениями, закрепить условия, при которых возникает обязанность мачехи, отчима содержать падчерицу, пасынка и обязанность падчерицы, пасынка содержать мачеху, отчима.

Литература

1. Конвенция ООН о правах ребенка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon. – Дата доступа : 21.01.2022.
2. О правах ребенка : Закон Республики Беларусь, 19.11.1993 г., № 2570-XII [Электронный ресурс] : в ред. от 05.01.2016 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
3. Беларусь : структура семьи, семейные отношения, репродуктивное поведение [Электронный ресурс] // Generations and Gender Programme – Режим доступа : https://belarus.un.org/sites/default/files/2020-05/Digest%20GGS%20_ru.pdf. – Дата доступа : 21.01.2022.
4. Матузов, Н. И. Теория государства и права : учебник / Н. И. Матузов, А. В. Малько. – М., 2009. – 776 с.
5. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь [Электронный ресурс] / Д. Н. Ушаков. – Режим доступа : <http://enc-dic.com/ushakov/Otchim-43624.html>. – Дата доступа : 21.01.2022.
6. О судебной практике по делам о наследовании [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда РФ, 29.05.2012 г., № 9. – Режим доступа : <https://base.garant.ru/70183406/>. – Дата доступа : 07.02.2022.
7. Ярошенко, К. Б. Вопросы, возникающие в судебной практике при применении отдельных норм законодательства о наследовании [Электронный ресурс] / К. Б. Ярошенко // Комментарий судебной практики. – Режим доступа : <https://justicemaker.ru/view-article.php?art=3289&id=4>. – Дата доступа : 09.02.2022.
8. Малкин, О. Ю. Наследование пасынками и падчерицами, отчимом и мачехой наследодателя / О. Ю. Малкин, Л. А. Смолина. – Режим доступа : <http://juridcons.com/article/24742>. – Дата доступа : 09.02.2022.
9. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс] : 24 июня 1999 г., № 278-З : в ред. от 17.07.2018 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
10. Семейный кодекс Украины [Электронный ресурс] : Закон Украины, 10 янв. 2002 г., № 2947-III : в ред. 2019 г. – Режим доступа : <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2947-14#Text>. – Дата доступа : 16.01.2022.
11. Семейный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : Закон, 29 дек. 1995 г., № 223-ФЗ : в ред. от 06.02.2020 г. – Режим доступа : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/. – Дата доступа : 16.06.2020.
12. О пенсионном обеспечении [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь, 1 марта 1995 г., №3624-XII. : с изм. доп. от 31.12.2021 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
13. О государственных пособиях семьям, воспитывающим детей [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь, 29 декабря 2012 г., № 7-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
14. Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 26 июля 1999 г., № 296-З : с изм. и доп. от 28.04.2021 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
15. О семейном капитале [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 18.09.2019 г., № 345 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
16. О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь, 4 января 2010 г., № 105-З. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

Правовое регулирование использования и охраны изображения гражданина

Е.В. ПАРУКОВА

Статья посвящена проблеме правового регулирования использования и защиты изображения гражданина. Сравнительно-правовой анализ нормативных правовых актов Республики Беларусь и зарубежных государств, актов международного права позволяют сделать вывод о том, что охрана изображения не обеспечена надлежащим правовым механизмом, который учитывал бы существо данного нематериального блага и определял особенности того или иного способа его защиты. В целях надлежащей реализации конституционного права каждого гражданина на защиту частной (личной) жизни от незаконного вмешательства обоснована целесообразность правовой регламентации, установления особенностей правового режима использования и охраны изображения гражданина с определением пределов реализации и условий ограничения права на изображение. Для обеспечения конституционного принципа верховенства права, устранения правовой неопределенности в правовом регулировании использования и охраны изображения гражданина обосновывается целесообразность дальнейшего совершенствования законодательства Республики Беларусь.

Ключевые слова: изображение гражданина, персональные данные, порочащие сведения, оспариваемая информация, личное неимущественное право, защита личной жизни, честь, достоинство личности, деловая репутация.

The article is devoted to the problem of the legal regulation of the use and protection of the image of a citizen. An analysis of the normative legal acts of the Republic of Belarus and the acts of international law leads to the conclusion that the protection of the image is not provided by the appropriate legal mechanism, which would take into account the essence of the intangible good in question and define the characteristics of the way in which it is protected. In order to ensure the proper exercise of the constitutional right of every citizen to the protection of private (personal) rights the need to establish a specific legal regime for the use and protection of the image of a citizen, with a definition of the limits of the exercise of the right to image and the conditions for limiting it, is justified in order to prevent unlawful interference. In order to ensure the constitutional principle of the rule of law and the protection of every civil remedy against unlawful interference with his privacy, eliminating legal uncertainty in the legal regulation of the use and protection of the image of a citizen justifies the advisability of further improvement of the legislation of the Republic of Belarus.

Keywords: portrayal of a citizen, personal data, defamatory information, impugned information, personal non-property right, protection of privacy, honour, personal dignity, business reputation.

В условиях интенсивного развития информационных технологий вопросы неприкосновенности личной жизни, предметом которой выступают персональные данные, приобретают особое значение.

В соответствии со ст. 151 Гражданского кодекса Республики Беларусь жизнь и здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна, право на имя, право авторства и другие личные неимущественные права, принадлежащие гражданину от рождения или в силу акта законодательства, являются неотчуждаемыми и непередаваемыми. Указанная норма прямо не называет право на собственное изображение в качестве личного неимущественного, при этом законодатель не определяет исчерпывающего перечня нематериальных благ, защищаемых гражданским законодательством и предполагает возможность защиты права на неприкосновенность частной жизни и личную, и семейную тайну, в том числе и от неправомерного посягательства на внешний облик физического лица.

В ряде стран мира (Казахстан, Франция, Украина, Российская Федерация и др.) наблюдается тенденция к прямому законодательному закреплению права на собственное изображение физического лица.

В Российской Федерации, например, с 28 июля 2007 г. вступила в силу норма (ст. 152 (1)) «Охрана изображения гражданина» в соответствии с п. 13 ст. 17 Федерального закона от

18.12.2006 г. № 231-ФЗ «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации». В соответствии с указанной нормой закона обнародование и дальнейшее использование изображения гражданина (в том числе его фотографии, а также видеозаписи или произведения изобразительного искусства, в которых он изображен) допускаются только с согласия этого гражданина. Также определяется, что после смерти гражданина его изображение может использоваться только с согласия детей и пережившего супруга, а при их отсутствии – с согласия родителей. Такое согласие не требуется в случаях, когда: использование изображения осуществляется в государственных, общественных или иных публичных интересах; изображение гражданина получено при съемке, которая проводится в местах, открытых для свободного посещения, или на публичных мероприятиях (собраниях, съездах, конференциях, концертах, представлениях, спортивных соревнованиях и подобных мероприятиях), за исключением случаев, когда такое изображение является основным объектом использования; гражданин позировал за плату.

Из смысла данной статьи и особенностей охраны нематериальных благ следует, что согласие может быть дано лицом в устной либо письменной форме (последнее предпочтительнее с точки зрения последующего доказывания) и, как правило, предварительно. Полагается допустимым и последующее одобрение, однако до его получения использование считается незаконным.

На правовом регулировании использования и охраны изображения граждан в зарубежных странах положительно сказалось наличие богатой судебной практики. Большая практика по таким спорам сложилась в европейских странах и США.

Наиболее показательна по этому поводу практика Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ). За основу судебных решений в ЕСПЧ всегда берутся ст. 8 и 10 Конвенции по правам человека. При рассмотрении споров, связанных с использованием изображений граждан, ЕСПЧ имеет достаточно четкую позицию, которая заключается в следующем:

- суд не считает возможным и необходимым четко определять, что следует включать в понятие «личная жизнь», при этом изображение человека, будь то фотография или видеоизображение, признается судом составной частью его частной жизни;

- если предполагается вмешательство в частную жизнь лица путем использования его изображения, то оно должно быть оправдано законными основаниями (например, в интересах правосудия, если лицо находится в розыске, для обеспечения явки лица), т. е. используемые изображения должны иметь новостное значение для общественности;

- обращение по поводу защиты нарушенного права на собственное изображение может быть рассмотрено судом тогда, когда заявителем исчерпаны все имеющиеся средства и возможности для защиты этого права в своем государстве;

- несмотря на общий принцип наличия общественного интереса у персон, занимающихся публичной деятельностью, не всегда возможно оправдать вмешательство в частную жизнь профессиональной деятельностью изображенного.

В соответствии с гражданским законодательством Республики Беларусь право на фотографию принадлежит фотографу, а не изображенному на фото лицу в соответствии со ст. 993 Гражданского кодекса Республики Беларусь и Законом Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. «Об авторском праве и смежных правах», рассматривающих фотографию в качестве объекта авторского права. Так, в соответствии со ст. 993 Гражданского кодекса Республики Беларусь фотографические произведения, в том числе произведения, полученные способами, аналогичными фотографии, а также произведения изобразительного искусства являются объектами авторского права, из чего следует, что авторам таких произведений в соответствии со ст. 982 Гражданского кодекса Республики Беларусь принадлежат в отношении этих объектов личные неимущественные и имущественные права, позволяющие им признаваться их авторами с момента их создания, использовать их любым способом, в любой форме и по своему усмотрению под своим собственным именем, с использованием псевдонима или анонимно и ряд других прав, в том числе и право на защиту от незаконного использования другими лицами, от незаконных посягательств путем внесения в их произведение каких-либо изменений, дополнений и т. п. Эти права принадлежат авторам таких произведений независимо от того, кто или что изображено на фотографии, за исключением случаев, установленных законодательством.

Однако при таком использовании авторам или иным правообладателям следует учитывать, что ст. 28 Конституции Республики Беларусь устанавливает: «Каждый имеет право на защиту от незаконного вмешательства в его личную жизнь, в том числе от посягательства на тайну его корреспонденции, телефонных и иных сообщений, на его честь и достоинство». Более того ст. 34 Конституции Республики Беларусь определяет: «пользование информацией может быть ограничено законодательством в целях защиты чести, достоинства, личной и семейной жизни граждан и полного осуществления ими своих прав». И соответственно, если автором используется фотография или произведение изобразительного искусства с изображением гражданина (его образа) и такое использование посягает на его честь и достоинство, в том числе связано с распространением порочащих сведений, нарушает другие личные неимущественные права, такое использование может быть ограничено или запрещено.

Однако возникает вопрос о том, кто может обратиться с соответствующим требованием в суд: лицо, в отношении которого непосредственно такие сведения распространены, либо лицо (лица), в отношении которых такие сведения не распространены, однако чья честь и достоинство опорочены распространенной информацией (использованием образа физического лица). Законодатель определяет круг таких лиц по-разному. Так, ст. 153 Гражданского кодекса Республики Беларусь в качестве таковых называет только лиц, в отношении которых сведения распространены. А в ст. 364 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь указывается на лиц, чья честь, достоинство и деловая репутация опорочены, независимо от того, упоминаются ли они в оспариваемой информации или нет. И здесь абсолютно справедливым является мнение О.Н. Романовой о том, что во избежание коллизии интересов лица, о котором распространены сведения и лиц, честь и достоинство которых опорочены в результате распространения данной информации, необходимо выработать критерий, позволяющий определить, в каких случаях честь и достоинство лиц, не упоминаемых в оспариваемой информации, должны защищаться судебным решением, а в каких случаях их заинтересованность носит фактический характер [1, с. 34].

Кроме того, если в исковом производстве заинтересованные лица могут опровергнуть порочащие сведения, распространённые в отношении умершего, то в особом производстве возможность признать порочащие сведения, распространённые в отношении умершего, не соответствующими действительности, не предусмотрена. Если закон признаёт возможность защиты чести и достоинства гражданина и после его смерти (п. 1 ст. 151, п. 1 ст. 153 Гражданского кодекса Республики Беларусь), то такая защита должна быть предоставлена независимо от того, возможно ли установить лицо, распространившее не соответствующие действительности порочащие сведения, или нет, поскольку от того, возможно или невозможно заявить требование к лицу, распространившему порочащие сведения, зависит только вид гражданского судопроизводства, в котором будет осуществляться такая защита.

Как уже отмечалось, законодательство Республики Беларусь определяет лишь возможность защиты чести и достоинства гражданина при распространении сведений, не соответствующих действительности. Однако неоспоримым остается тот факт, когда посредством использования образа (фотографии) физического лица или распространением информации, хоть и соответствующей действительности, но являющейся особо значимой, желаемой остаться конфиденциальной, также могут нарушаться его личные неимущественные права, в частности, честь и достоинство личности. Отсутствие прямого законодательного закрепления права на собственное изображение позволяет сделать вывод о недопустимости использования только тех фотографий граждан, которые сопровождаются текстом или другими материалами, порочащими честь и достоинство изображенного лица, и свидетельствует об отсутствии правовых гарантий и единого механизма защиты данных прав.

Отсутствие судебной практики Республики Беларусь по делам о защите права на собственное изображение, используемое без нарушения иных личных неимущественных прав, используемое не в рекламной и коммерческой деятельности, ввиду отсутствия прямого законодательного закрепления данного права, обуславливает необходимость обращения к материалам судебной практики Российской Федерации. Так, в одном из рассматриваемых судом

гражданских дел участник конфликта, вызванного дорожной ситуацией, разместил в социальной сети фотографию с изображением другого участника конфликта, сопроводив публикацию комментарием. Участник конфликта, изображение которого было размещено в социальной сети без его согласия, обратился в суд с иском о защите права на охрану изображения, об опровержении сведений, порочащих честь и достоинство, и взыскании компенсации морального вреда. Суд отказал истцу в удовлетворении требований о защите чести и достоинства и взыскании компенсации за причинение морального вреда в этой части, ссылаясь на то, что размещенные в социальной сети сведения не носили характер порочащих, а отражали субъективное мнение ответчика о произошедших событиях с участием истца. Но при этом суд пришел к выводу о том, что размещение ответчиком фотографии с изображением истца без его согласия является неправомерным обнародованием и использованием изображения гражданина, а также нарушением права на его охрану, и взыскал с ответчика в пользу истца соответствующую компенсацию за причинение морального вреда. Такое решение оставил в силе суд апелляционной инстанции (апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Архангельского областного суда от 1 августа 2016 г. по делу № 33-4169/2016).

Особые законодательные требования при использовании изображения физического лица (его образа) установлены в рекламной деятельности.

В соответствии с Законом Республики Беларусь «О рекламе» от 10 мая 2007 г. № 225-З (в ред. от 4 января 2021 г. № 82-З) в рекламе не допускается использование: фамилий, собственных имен и отчеств, псевдонимов, образов или высказываний граждан Республики Беларусь без их согласия или согласия их законных представителей [2]. Кроме этого, согласно постановлению Совета Министров Республики Беларусь от 12 ноября 2007 г. № 1497 «О реализации Закона Республики Беларусь «О рекламе»» в случае рекламирования товара, производимого на территории Республики Беларусь, с участием граждан Республики Беларусь необходимо заключение договора о выполнении работы гражданином Республики Беларусь по рекламированию такого товара или об использовании изображения гражданина Республики Беларусь в такой рекламе, либо договора об оказании услуги модельным агентством, осуществляющим деятельность на территории Республики Беларусь, по предоставлению модели – гражданина Республики Беларусь для участия в рекламировании товара. Документальное подтверждение участия гражданина Республики Беларусь в рекламировании товара, производимого на территории Республики Беларусь, не требуется в случае использования в рекламе имитации образа человека (контуры, очертания и т. д.), не позволяющей достоверно установить его личность.

Таким образом, в соответствии с законодательством Республики Беларусь использование в коммерческих целях образа физического лица требует не только соответствующего документального сопровождения – заключение договора о выполнении работы гражданином Республики Беларусь по рекламированию определенного товара или об использовании изображения гражданина Республики Беларусь в рекламе, либо договора об оказании услуги модельным агентством, но и, нередко, заключения лицензионного договора с обладателем исключительных прав на фотографию.

Аналогичные правила использования образа физического лица установлены для средств массовой информации.

В решении «О правовом регулировании в гражданском законодательстве использования и охраны изображения гражданина» от 30.10.2018 г. Конституционный Суд констатировал наличие правовой неопределенности в регулировании использования и охраны изображения гражданина в Республике Беларусь. По мнению суда, конкретное изображение гражданина, зафиксированное на материальном носителе, должно охраняться: нормы гражданского законодательства должны не только устанавливать способы такой охраны, но и определять режим использования изображения гражданина другими лицами [3].

7 мая 2021 г. принят Закон Республики Беларусь № 99-З «О защите персональных данных», вступивший в силу 15.11.2021 г., направленный на защиту персональных данных, прав и свобод физических лиц при обработке их персональных данных, который закрепляет опре-

деление «биометрические персональные данные», под которым понимается информация, характеризующая физиологические и биологические особенности человека, которая используется для его уникальной идентификации (отпечатки пальцев рук, ладоней, радужная оболочка глаза, характеристики лица и его изображение и другое) [4].

В соответствии с Решением Конституционного Суда Республики Беларусь от 29 апреля 2021 г. № Р-1261/2021 «О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «О защите персональных данных», Законом системно и комплексно регулируются общественные отношения в сфере совершения различных действий с персональными данными (сбор, использование, распространение, удаление и др.) [5]. Закрепление в Законе рассмотренной выше терминологии обусловлено необходимостью обеспечения ясности и непротиворечивости правового регулирования, однозначного понимания норм Закона и исключения их различного толкования в правоприменительной практике, что согласуется с принципом правовой определенности как важнейшей составляющей конституционного принципа верховенства права, установленного ч. 1 ст. 7 Конституции.

Однако, несмотря на текстуальное закрепление в Законе «О защите персональных данных» рассмотренного понятия, прав физического лица, связанных с обработкой его персональных данных, в частности, права на отзыв согласия, на получение информации, касающейся обработки персональных данных и изменение персональных данных, на получение информации о предоставлении персональных данных третьим лицам, механизма реализации таких прав (ст. 14 Закона), последствий дачи согласия субъекта персональных данных или отказа в даче такого согласия и др. (п. 5 ст. 5 Закона), отсутствие прямой нормы, регламентирующей охрану изображения гражданина, хоть и не исключает возможности правовой защиты при нарушении такого права гражданина исходя из основных начал гражданского законодательства и применения аналогии закона, однако существенно ее затрудняет.

Все вышеизложенное подтверждает целесообразность дальнейшего совершенствования гражданского законодательства, прямого законодательного закрепления права на изображение гражданина с целью устранения имеющейся правовой неопределенности, содействия полноценной реализации конституционного права каждого на защиту личных неимущественных прав, закрепления особенностей правового режима использования и охраны права на изображение гражданина, определения пределов реализации и условий ограничения права на изображение, обеспечения разумного баланса публичных и частных интересов, а также соответствия положениям международных договоров и стандартов.

Литература

1. Романова, О. Н. Защита чести, достоинства и деловой репутации в общих и хозяйственных судах / О. Н. Романова. – Минск : Амалфея, 2007. – 186 с.
2. О рекламе : Закон Республики Беларусь, 10 мая 2007 г., № 225-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
3. О правовом регулировании в гражданском законодательстве использования и охраны изображения гражданина : решение Конституционного Суда Республики Беларусь, 30.10. 2018 г., № Р-1145/2018 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 20212.
4. О защите персональных данных : Закон Республики Беларусь, 7 мая 2021 г., № 99-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
5. О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «О защите персональных данных» : решение Конституционного Суда Республики Беларусь, 29 апреля 2021 г., № Р-1261/2021 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

Понятие и сущность термина «виртуальная валюта»

А.А. Силивончик

В настоящей статье автор формулирует юридическое понятие термина «виртуальная валюта», определяет общие подходы к данному определению и соотношению понятий «криптовалюта», «игровая валюта», «социальная валюта».

Ключевые слова: виртуальная валюта, криптовалюта, игровая валюта, денежные средства, фиатные деньги.

In this article the author formulates the legal concept of the term «virtual currency», defines general concepts of this definition and the relationship of the concepts of «cryptocurrency», «game currency», and «social currency».

Keywords: virtual currency, cryptocurrency, game currency, money, fiat money.

Актуальность темы исследования обуславливается тем, что в настоящее время в результате всеобщей цифровизации в гражданский оборот вводятся все новые объекты правоотношений, правовая природа которых носит неоднозначный характер. В частности, последнее десятилетие ознаменовалось появлением такого феномена, как «виртуальная валюта». Данное понятие является новым для научной доктрины и законодательства и нуждается в теоретическом осмыслении.

Цель работы состоит в выявлении и решении проблем теоретического характера при определении понятия «виртуальная валюта» и ее видов.

Исследованием вопроса существующей терминологии, связанной с виртуальной валютой в разное время, занимались, в частности, Д.Н. Васильев, П.Д. Николаев, Е.В. Воскресенская, В.Е. Пономоренко, М.А. Егорова, И.В. Юзефальчик и др.

Несмотря на большую долю скепсиса в прошлом, на сегодняшний день, виртуальная валюта пользуется популярностью, вызывает живой интерес общественности и имеет множество последователей. Тем не менее, до сих пор остается открытым вопрос определения правовой природы самого термина «виртуальная валюта», а также ее классификации.

Валюту, которая по соглашению определённого круга лиц может дополнять или заменять национальную / иностранную регулируемую государством валютную систему, принято называть альтернативной или дополнительной валютой. Историю появления данной категории «валют» довольно сложно отследить, в связи с этим можно сделать вывод, что данная валюта существовала всегда в том или ином виде. Однако до появления сети Интернет и соответственно возникновения такого вида дополнительной (альтернативной) валюты как нерегулируемая государством цифровая валюта (виртуальная валюта), она не имела такого масштабного распространения.

С ростом числа виртуальных сообществ (онлайн игр, платформ, социальных сетей и др.) и благодаря развитию технологий стали множиться случаи создания и распространения своих собственных виртуальных валют в рамках различных виртуальных сообществ. Например, уже в 2009 г. американский разработчик онлайн-игр Zynga сообщил, что у него приобрели виртуальных валют и виртуальных товаров на сумму более 100 миллионов долларов США. В том же 2009 г. был сгенерирован первый Bitcoin, создание которого привело к порождению множества других схожих виртуальных валют (криптовалют). Компания Facebook в 2011 г. впервые создала собственную виртуальную валюту: Facebook Credits.

По мере распространения виртуальных валют центральные банки также стали интересоваться данной тематикой. Первые попытки дать официальное определение термину «виртуальная валюта» предпринял Европейский центральный банк (центральный банк зоны евро) в октябре 2012 г., распространив доклад «Схемы виртуальных валют» (англ. «Virtual currency schemes»), в котором было дано следующее определение: «Виртуальная валюта – один из

видов нерегулируемых государством цифровых денег, которые создаются и контролируются обычно разработчиками, и принимаемые среди членов определённого виртуального сообщества» [1].

Второй попыткой в мире дать официальное определение термину «виртуальная валюта» имело место в США. Так, комиссия по финансовым преступлениям (англ. FinCEN) при министерстве финансов США 20 марта 2013 г. издала документ, содержащий толкование применимости американского Закона о банковской тайне (англ. Bank Secrecy Act) при создании, обмене и передаче виртуальных валют. Так, по классификации комиссии выделяется «реальная валюта» (т. е. монеты и бумажные деньги США или любой другой страны, которые являются законным средством платежа, обращаются и общеприняты в качестве средства обмена в стране-эмитенте) и «виртуальная валюта», которая определяется следующим образом: «Виртуальная валюта – средство обмена, которое действует как валюта в некоторых сферах, но не имеет всех атрибутов реальной валюты. В частности, виртуальная валюта не имеет статуса законного средства платежа ни в одной юрисдикции. Виртуальная валюта считается «конвертируемой», если она имеет эквивалент в реальной валюте или действует как заменитель реальной валюты» [2].

В июне 2014 г. также группой разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ) (англ. Financial Action Task Force on Money Laundering – FATF) был представлен отчет «Виртуальные валюты. Ключевые определения и потенциальные риски в сфере ПОД/ФТ», в рамках которого было дано следующее определение: «Виртуальная валюта представляет собой средство выражения стоимости, которым можно торговать в цифровой форме и которое функционирует в качестве (1) средства обмена; и/или (2) расчётной денежной единицы; и/или (3) средства хранения стоимости, но не обладает статусом законного платёжного средства (т. е. не является официально действующим и законным средством платежа при расчётах с кредиторами) ни в одной юрисдикции. Виртуальная валюта не эмитируется и не обеспечивается ни одной юрисдикцией и выполняет вышеуказанные функции только по соглашению в рамках сообщества пользователей виртуальной валюты» [3].

30 мая 2018 г. вступила в силу директива 2018/843 Европейского парламента и Совета, которая определила термин «виртуальная валюта» как «цифровое представление стоимости, которое не выпускается или не гарантируется Центральным банком или государственным органом, необязательно привязано к законно установленной валюте и не обладает правовым статусом валюты или денег, но принимается физическими или юридическими лицами в качестве средства обмена и может передаваться, храниться и торговаться в электронном виде» [4].

На сегодняшний день единого определения термина «виртуальная валюта» не существует. В зависимости от того, какой именно вид виртуальной валюты анализирует тот или иной автор в своей работе под определением «виртуальная валюта» может пониматься «игровая валюта», «криптовалюта» или «социальная валюта» без указания на то, что существуют и другие виды «виртуальных валют».

Так, например, Д.Н. Васильев и П.Д. Николаев в своей работе «Обзор проблем регулирования виртуальных ценностей» дают следующее определение: виртуальная валюта (игровая валюта) – нефiatные электронные деньги, то есть формально частные деньги, которые используются для приобретения и продажи виртуальных товаров в различных сетевых сообществах: социальных сетях, виртуальных мирах и онлайн-играх [5].

Е.В. Воскресенская в своей работе «О необходимости правового регулирования виртуальных валют» определяет, что виртуальная валюта (криптовалюта) представляет собой создаваемое и учитываемое посредством применения информационно-телекоммуникационных технологий имущество, не номинированное в валюте Российской Федерации или иностранных государств, которое может использоваться неопределённым кругом лиц для осуществления платежей, не относящееся к электронным денежным средствам и законным средствам платежа [6].

Некоторые авторы также делают синонимами понятия «виртуальная валюта» и «цифровая валюта», однако, на наш взгляд, это не совсем верно, поскольку под цифровой валютой помимо виртуальной валюты (т. е. нерегулируемой государством цифровой валюты) также понимается электронная валюта.

Так, например, в соответствии с ч. 1 ст. 274 Банковского кодекса Республики Беларусь: «Электронные деньги – хранящиеся в электронном виде единицы стоимости, выпущенные в обращение в обмен на наличные или безналичные денежные средства и принимаемые в качестве средства платежа при осуществлении расчетов как с лицом, выпустившим в обращение данные единицы стоимости, так и с иными юридическими и физическими лицами, а также выражающие сумму обязательства этого лица по возврату денежных средств любому юридическому или физическому лицу при предъявлении данных единиц стоимости» [7].

Таким образом, под «цифровой валютой», на наш взгляд, следует понимать любую валюту, которая существуют только в электронном формате в то время, как «электронная валюта» и «виртуальная валюта» являются лишь видами данной валюты. При этом под «электронной валютой» следует понимать регулируемую государством цифровую валюту, а под термином «виртуальная валюта» обратное т. е. нерегулируемую государством цифровую валюту.

Схожего мнения придерживается В.Е. Пономоренко в своей работе «Виртуальные валюты в понимании международных организаций и национальных юрисдикций», отмечая, что «Виртуальная валюта отличается от электронных денег, которые являются цифровым средством выражения фиатной валюты и используются для электронного перевода стоимости (выраженной) в фиатной валюте. Цифровая валюта может выступать как средство цифрового выражения либо виртуальной валюты (нефиатной валюты), либо электронных денег (фиатной валюты), и поэтому часто употребляется в качестве синонима «виртуальной валюты»» [8].

Однако есть авторы, которые предлагают более широкие понятия. Так, М.А. Егорова в своей работе «Проблемы соотношения и правового регулирования криптовалюты, биткоина, цифровой и виртуальной валюты: российский и зарубежный опыт» под виртуальной валютой понимает нерегулируемые цифровые деньги, которые подлежат контролю со стороны своего разработчика, организации-учредителя или определенного сетевого протокола и принимаются к оплате в виртуальном мире» т. е. монеты и бумажные деньги США или любой другой страны, которые являются законным средством платежа, обращаются и обычно используются общеприняты в качестве средства обмена в стране-эмитенте. При этом отмечая, что виртуальные валюты могут быть конвертируемыми (которые возможно обменять на фиатные деньги) и неконвертируемые (возможность обмена которых на фиатную валюту исключена, например, виртуальные деньги, использование которых ограничено рамками онлайн-игры); централизованные (у них имеются центральный администратор, регулирующий выпуск валюты, который обеспечивает централизованный платежный реестр и управомочен выводить валюту из обращения) и децентрализованную (центральный администратор отсутствует, реестр операций хранится распределенно) [9].

Схожего мнения придерживается И.В. Юзефальчик в своей работе «Виртуальные валюты: возможные трактовки понятия и влияние на финансовую систему», отмечая, что «Виртуальные валюты представляют собой тип нерегулируемых цифровых денег, которые эмитируются и контролируются их разработчиками и обращаются в рамках конкретного сообщества» [10].

В данном контексте стоит отметить, что у виртуальных валют есть разные степени обратимости по отношению к реальным товарам, услугам валютам разных стран или другой виртуальной валюте. Таким образом, виртуальные валюты в зависимости от процесса приобретения и сферы обращения можно разделить на три типа:

1) Закрытые виртуальные валюты.

Закрытая виртуальная валюта не имеет связи с реальной экономикой. Например, валюта, которая добывается в процессе онлайн-игры. Закрытая виртуальная валюта не используется за пределами виртуального сообщества, в котором она добывается, иными словами, не имеет ценности за его пределами. В качестве конкретного примера данной виртуальной валюты можно привести: монеты / кристаллы / энергию и т. п., которая используется в онлайн-играх, например, World of Warcraft (WoW) Gold.

2) Виртуальная валюта с движением денежных средств в одном направлении.

Данная виртуальная валюта приобретается за фиатные денежные средства на условиях, определенных владельцем платформы, однако не может быть обменена обратно на фиатные

денежные средства. В качестве примера данной виртуальной валюты можно привести: Microsoft points, Facebook Credit, Amazon Coins, Голоса ВКонтакте. Как и в случае с закрытой виртуальной валютой данная валюта не имеет ценности за пределами определенного виртуального сообщества. Таким образом, в случаях, если игровая валюта приобретается за фиатные денежные средства, данную виртуальную валюту также можно отнести к виртуальной валюте с движением денежных средств в одном направлении.

3) Виртуальная валюта с двунаправленным движением денежных средств.

Виртуальные валюты с двунаправленным движением денежных средств в настоящее время, вызывают самый большой интерес общественности, так как непосредственно связаны с реальной экономикой и могут покупаться и продаваться согласно установленным курсам, другими словами, являются конвертируемыми. В качестве примера можно привести криптовалюты: Bitcoin, Ethereum, Litecoin и др.

Как и многие другие страны, Республика Беларусь заинтересована во внедрении в экономику виртуальных валют с двунаправленным движением денежных средств, что подтверждается принятием в 2017 г. и действующего до сих пор Декрета Президента Республики Беларусь от 21.12.2017 г. № 8 (в ред. от 18.03.2021) «О развитии цифровой экономики», который закрепляет понятия такого вида виртуальной валюты, как «криптовалюта»: «Криптовалюта – биткойн, иной цифровой знак (токен), используемый в международном обороте в качестве универсального средства обмена» [11].

В 2020 г. в Российской Федерации был принят федеральный закон от 31.07.2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 259-ФЗ), которым в законодательство был введен термин «цифровая валюта»: «Цифровой валютой признается совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам» [12].

Можно сделать вывод, что цифровая валюта – более широкое понятие, чем криптовалюта. Так, под определение цифровой валюты подпадают валюты различных компьютерных игр: они являются совокупностью цифровых данных, которые содержатся в информационной системе, могут быть использованы как средство платежа и инвестированы, не выражены в официальных денежных единицах, в отношении их отсутствует обязанное лицо. В то же время очевидно, что под цифровыми валютами в первую очередь следует понимать именно криптовалюты [13].

В данном контексте стоит отметить, что не совсем ясна логика российского законодателя при введении нового «оригинального» понятия: «цифровая валюта». Поскольку это уже на сегодняшнем этапе приводит к ненужной путанице. Более того, в науке, законодательстве различных стран, документах различных международных организаций, а также в письмах, разъяснениях и иных документах российских органов государственной власти до принятия Федерального закона № 259-ФЗ использовались два уже известных понятия: «криптовалюта» и «виртуальная валюта». В тоже время, исходя из самого определения очевидно, что в Российской Федерации с некоторых пор «цифровая валюта» и «виртуальная валюта» являются синонимами.

На основании вышеизложенного автор приходит к следующим выводам:

1. Цифровая валюта – валюта, которая существует только в электронном формате и может быть как регулируемой государством (электронные деньги), так и нерегулируемой государством (виртуальная валюта).

2. Виртуальная валюта – это вид цифровой валюты, который не регулируется государством, эмитируются и контролируются его разработчиками, принимается и обращается среди членов определённого виртуального сообщества.

3. В зависимости от процесса приобретения и сферы обращения виртуальная валюта делится на три вида:

- а) закрытые виртуальные валюты;
- б) виртуальная валюта с движением денежных средств в одном направлении;
- в) виртуальная валюта с двунаправленным движением денежных средств.

Литература

1. European Central Bank [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/other/virtualcurrencyschemes201210en.pdf>. – Date of access : 03.12.2021.

2. An official website of the United States Government [Electronic resource]. – Mode of access : https://web.archive.org/web/20130319213642/http://fincen.gov/statutes_regs/guidance/html/FIN-2013-G001.html. – Date of access : 03.12.2021.

3. Евразийская группа по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://eurasiangroup.org/files/FATF_docs/Virtualnye_valyuty_FATF_2014.pdf. – Дата доступа : 03.12.2021.

4. An official website of the European Union [Electronic resource]. – Mode of access : <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2018/843/oj>. – Date of access : 03.12.2021.

5. Васильев, Д. Обзор проблем регулирования виртуальных ценностей [Электронный ресурс] / Д. Васильев // Науч. журн. на тему: Право закон. и правопоряд. в совр. обществе. – 2013. – № 14. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/obzor-problem-regulirovaniya-virtualnyh-tsennostey/viewer>. – Дата доступа : 25.12.2021.

6. Воскресенская, Е. О необходимости правового регулирования виртуальных валют [Электронный ресурс] / Е. Воскресенская // Вестник Омской юридической академии. – 2018. – Т. 15, № 2. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/o-neobhodimosti-pravovogo-regulirovaniya-virtualnyh-valyut/viewer>. – Дата доступа : 25.12.2021.

7. Банковский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 25 октября 2000 г., №441-З : в ред. от 30.06.2020 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

8. Понаморенко, В. Виртуальные валюты в понимании международных организаций и национальных юрисдикций [Электронный ресурс] / В. Понаморенко // Междунар. права и междунар. отношений. – 2016. – № 3. – Режим доступа : https://nbpublish.com/library_get_pdf.php?id=38299. – Дата доступа : 28.12.2021.

9. Егорова, М. Проблемы соотношения и правового регулирования криптовалюты, биткойна, цифровой и виртуальной валюты : российский и зарубежный опыт [Электронный ресурс] / М. Егорова // Вестник университета имени О.Е. Кутафина. – 2020. – № 2. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-sootnosheniya-i-pravovogo-regulirovaniya-kriptovalyuty-bitkoina-tsifrovoy-i-virtualnoy-valyuty-rossiyskiy-i-zarubezhnyy-opyt/viewer>. – Дата доступа : 03.01.2022.

10. Юзефальчик, И. Виртуальные валюты: возможные трактовки понятия и влияние на финансовую систему [Электронный ресурс] / И. Юзефальчик // Банкаўскі веснік. – 2018. – № 3/656. – Режим доступа : <https://www.nbrb.by/bv/articles/10492.pdf>. – Дата доступа : 03.01.2022.

11. О развитии цифровой экономики [Электронный ресурс] : Декрет Президента Республики Беларусь, 21 дек. 2017 г., № 8 : в ред. Декрета Президента Республики Беларусь от 18.03.2021 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

12. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон, 31 июля 2020 г., № 259-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2022.

13. Ситник, А. Цифровые валюты: проблемы правового регулирования [Электронный ресурс] / А. Ситник // Актуал. пробл. рос. права. – 2020. – № 11. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-valyuty-problemy-pravovogo-regulirovaniya/viewer>. – Дата доступа : 03.01.2022.

Медиация в уголовном процессе Республики Беларусь: современное состояние законодательного регулирования и направления совершенствования

И.Н. Цыкунова, С.Л. Емельянов, И.М. Синица, В.А. Воробьев, Е.В. Старикова

В настоящей статье рассматриваются вопросы, связанные с нормативным закреплением медиации в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь. Новеллы, предусматривающие примирение обвиняемого с потерпевшим путем заключения медиативного соглашения, проанализированы с точки зрения, во-первых, возможности и необходимости соответствующего правового регулирования, и, во-вторых, определения оптимальной процедуры медиации. В целях обеспечения функционирования механизма осуществления медиативной процедуры примирения обвиняемого с потерпевшим определены основные направления совершенствования законодательства в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: законодательство Республики Беларусь, уголовно-правовой конфликт, уголовный процесс, примирение, медиация, медиатор, обвиняемый, потерпевший.

This article deals with the issues related to the normative consolidation of mediation in the Criminal Procedure Code of the Republic of Belarus. Novels providing for the reconciliation of the accused with the victim by concluding a mediation agreement are analyzed from the point of view, firstly, the possibility and necessity of appropriate legal regulation, and, secondly, determining the optimal mediation procedure. In order to ensure the functioning of the mechanism for the implementation of the mediation procedure for reconciliation of the accused with the victim, the main directions for improving legislation in this area have been determined.

Keywords: legislation of the Republic of Belarus, criminal law conflict, criminal process, reconciliation, mediation, mediator, accused, victim.

Введение. Принятие Закона Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 58-З «О медиации» (далее – Закон «О медиации») стало стимулом развития медиации в Беларуси. Эффективность медиации в виде переговоров конфликтующих сторон с участием независимого лица (медиатора) для выработки взаимоприемлемого решения в сфере частноправовых отношений подтверждается статистикой, согласно которой в 2019 г. в Республике Беларусь было проведено около 900 медиаций, 650 из них завершились заключением медиативного соглашения [1].

Достаточно успешное внедрение медиации в гражданское и хозяйственное судопроизводство обусловило решение законодателя о расширении пределов применения медиативной процедуры путем ее закрепления в сфере уголовно-процессуальных отношений. Законом Республики Беларусь от 26 мая 2021 г. № 112-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» были внесены изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – УПК), заключающиеся в его дополнении ст. 30¹ «Примирение обвиняемого с потерпевшим», предусматривающей возможность обращения сторон к медиации.

На основании вышеизложенного вызывает особый научный интерес исследование содержания нормативной модели медиации, применение которой стало возможным при производстве по уголовным делам после дополнения УПК указанной нормой.

Основная часть. Введение медиации в сферу уголовно-процессуальных отношений стало закономерным этапом развития, ввиду наличия в Республике Беларусь законодательно закрепленной основы применения примирительной формы урегулирования уголовно-правового спора (ст. 89 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) и п. 4 ч. 1 ст. 30 УПК). Вместе с тем, в настоящее время прекращение производства по уголовному делу и освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим, не нашло широкого применения на практике. Более того, наблюдается устойчивая тенденция к снижению применения п. 4 ч. 1 ст. 30 УПК. Так, если в 2012 г. в Республике Беларусь органами уголовного преследования освобождено от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим 1775 лиц, то в 2019 г. – 244, что составило 0,6 % от общего количества лиц, в отношении которых уголовные дела направлены в суд для рассмотрения в судебном заседании [2, с. 24].

Судами в 2019 г. осуждено 38726 человек (согласно статистическим данным о деятельности судов общей юрисдикции по осуществлению правосудия за 2019 г. Верховного Суда Республики Беларусь), при этом количество лиц, дела которых прекращены судом I инстанции и в апелляционном порядке в связи с примирением с потерпевшим составило 706 человек, то есть 1,8 % по отношению к количеству осужденных [3].

Отметим также, что ст. 89 УК из статей, предусматривающих освобождение от уголовной ответственности (ст. 86–89, 118 УК), не является самой применяемой, хотя и находится на второй позиции. В 2019 г. органами уголовного преследования освобождено от уголовной ответственности до суда в связи с примирением с потерпевшим 244 человека, или 13,2 % от общего количества освобожденных от уголовной ответственности лиц по обстоятельствам, указанным в ч. 1 ст. 30 УПК, (для сравнения: по ст. 86 УК освобождено 1527 человек, или 82,3 %). Судами освобождено от уголовной ответственности в связи с примирением 504 лица, или 43,2 % от общего количества освобожденных от уголовной ответственности лиц по ч. 1 ст. 30 УПК (для сравнения: по ст. 86 УК освобождено 643 лица, или 55,1 %). Проанализировано авторами на основании данных источника [2, с. 24].

Законом Республики Беларусь от 26 мая 2021 г. № 112-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» ст. 6 УПК была дополнена определениями основных терминов, касающихся процедуры медиации. В соответствии с п. 14³ ст. 6 УПК под медиацией понимаются переговоры обвиняемого и потерпевшего с участием медиатора в целях содействия их примирению. Такое определение в целом согласуется с законодательным определением медиации, закрепленным в ст. 1 Закона «О медиации», в соответствии с которой медиация – переговоры сторон с участием медиатора в целях урегулирования спора (споров) сторон путем выработки ими взаимоприемлемого соглашения.

Из приведенных определений можно выделить следующие признаки медиации, отражающие ее структурные элементы: а) это переговоры сторон; б) участие медиатора; в) цель медиации. При этом, по нашему мнению, сущность медиации, применяемой при производстве по уголовным делам, определяет такой признак, как цель медиации. Целью участия медиатора в уголовном процессе является не «урегулирование спора (споров) сторон путем выработки ими взаимоприемлемого соглашения», а оказание содействия примирению обвиняемого и потерпевшего. Такая формулировка, представляется, соответствует специфике отношений, вытекающих из факта совершения лицом общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, и будет содействовать в равной степени защите прав и свобод участников процесса и публичных интересов. При этом мы исходим из того, что публичный интерес, будучи объектом уголовно-правовой охраны, только отчасти коррелирует с частным интересом, который нарушается вследствие совершения предусмотренного уголовным законом общественно опасного деяния. Деяние, влекущее причинение вреда какому-либо лицу, детерминирует возникновение двух охранительных правоотношений: 1) между причинителем вреда и государством; 2) между причинителем вреда и непосредственным потерпевшим. Первые из них признаются исключительно уголовно-правовыми, а вторые, таковыми не являясь, могут влиять на их реализацию, в частности, при примирении обвиняемого и потерпевшего.

Следует согласиться с Л. Орловской в том, что «примирение в уголовном процессе не обязательно предполагает выработку сторонами медиации взаимоприемлемого соглашения. В таком аспекте законодатель последовательно проводит мысль о специфике примирения в уголовном процессе, которое не всегда предполагает заключение соглашения, в том числе, в письменной форме» [4].

Одновременно с введением базовых понятий, касающихся медиации по уголовным делам, УПК был дополнен ст. 30¹ «Примирение обвиняемого с потерпевшим», которая закрепляет порядок обращения сторон к медиации и определяет, по каким категориям преступлений производство по уголовному делу может быть прекращено, подлежит прекращению в обязательном порядке в случае достижения примирения обвиняемого с потерпевшим и не подлежит прекращению в связи с примирением.

Процедура медиации в соответствии с указанной статьей подразумевает, что примирение обвиняемого с потерпевшим осуществляется на основе добровольного волеизъявления по урегулированию возникшего в связи с совершением преступления конфликта (спора) между ними, в том числе путем заключения медиативного соглашения (ч. 1 ст. 30¹ УПК).

Исходя из содержания указанного положения, можно прийти к выводу, что примирение при производстве по уголовному делу может осуществляться как в порядке медиации, так и без участия медиатора. Тем самым, можно заключить, что медиация введена в уголовный процесс Республики Беларусь «как дополнение к институту примирения» [5, с. 719], «в аддитивной форме по отношению к процессу, позволяющей реализовать права на примирение, не изменяя существенно уже сложившийся порядок уголовного процесса» [6, с. 80]. Процедура медиации, применяемая по уголовным делам, выступает скорее не альтернативой урегулирования уголовно-правового конфликта, а «дополнительной гарантией примирения для участников уголовного процесса и способом гармонизации социальных отношений» [6, с. 80], «дополнением государственных форм защиты прав и свобод личности» [7, с. 55].

Особенностью закрепленной модели медиации является проведение медиативной процедуры исключительно по взаимному согласию обвиняемого и потерпевшего одновременно с производством по уголовному делу без приостановления процесса. Основанием возникновения медиативных правоотношений является добровольное волеизъявление и обвиняемого, и потерпевшего на участие в процедуре примирения по урегулированию возникшего в связи с совершением преступления спора между ними.

В отличие от ранее закрепленного права обвиняемого примиряться с потерпевшим только по делам частного обвинения, действующая редакция процессуального права обвиняемого и потерпевшего на примирение, в том числе с участием медиатора, отражает еще одну особенность отечественной модели медиации – возможность ее проведения по уголовным делам любого вида обвинения: публичного, частно-публичного и частного.

Примирение может быть достигнуто по уголовным делам о преступлениях любой категории, однако процессуальные последствия достижения примирения по ним отличаются.

В соответствии с ч. 3 ст. 30¹ УПК если примирение обвиняемого с потерпевшим осуществляется в порядке медиации, то для ее проведения обвиняемый и потерпевший по собственной инициативе и взаимному согласию выбирают медиатора.

Медиатором является не заинтересованное в исходе уголовного дела лицо, отвечающее требованиям законодательства, участвующее в переговорах обвиняемого и потерпевшего в целях содействия их примирению (п. 14² ст. 6 УПК). В отличие от определения, статус медиатора в уголовном процессе не получил законодательного закрепления в УПК. Вместе с тем, введя понятие медиатора, законодатель обозначил определенные аспекты его процессуального статуса, который, по нашему мнению, в ближайшее время будет урегулирован в уголовно-процессуальном законодательстве.

Во-первых, поскольку медиатор – лицо, не заинтересованное в исходе уголовного дела, можно отнести его к иным участникам уголовного процесса (гл. 7 УПК), которых И.И. Басецкий и Л.И. Родевич, предлагая систематизацию участников, считают «независимыми субъектами уголовного процесса» [8, с. 43].

Полагаем, сложно согласиться с мнением О.Г. Дьяконовой, согласно которому «представляется правильным в процессуальном законодательстве определить, что медиатор относится к такой группе субъектов процесса как специалист, не является свидетелем, что обосновывается его функциями и наличием специальных знаний» [9, с. 178]. Действительно, медиатор не является свидетелем, и медиатор обладает специальными знаниями в области медиации. Однако, по нашему мнению, он не может отождествляться со специалистом. Специалист – это лицо, вызванное органом, ведущим уголовный процесс, для участия и оказания содействия в производстве следственных и других процессуальных действий. Назначение специалиста заключается в оказании содействия «правосудию». Назначение медиатора также может быть уяснено через цель его участия в уголовном процессе. Ею является оказание содействия примирению обвиняемого и потерпевшего. Медиация путем переговоров проводится «вне рамок производства по уголовному делу, параллельно с ним» [5, с. 718] и не является процессуальным действием. Изложенное позволяет заключить о недопустимости отнесения медиатора к «такой группе субъектов процесса как специалист».

Во-вторых, при определении положения медиатора в уголовном процессе необходимо исходить из того, что лицо должно отвечать требованиям законодательства. В силу особенности деятельности по проведению медиации в ст. 4 Закона «О медиации» закреплены особые требования, предъявляемые к медиатору, и определены категории лиц, которые не могут осуществлять деятельность медиатора.

В-третьих, медиатор участвует в переговорах обвиняемого и потерпевшего в целях действия их примирению. Его участие, по объективному утверждению Л. Орловской, должно без каких-либо исключений согласовываться с принципами беспристрастности и независимости, к примеру, медиатор и в процедуре в рамках уголовного процесса «не вправе вносить сторонам свои предложения по урегулированию конфликта (спора) между ними, возникшего в связи с совершением преступления, давать заключение о перспективе разрешения дела в судебном порядке, высказывать по своей инициативе сторонам конкретные предложения по выходу из сложившейся ситуации и т. п.» [4].

Для реализации медиатором своих функций в процедуре медиации он должен обладать определенными правами и наделаться обязанностями, перечень которых в УПК не определен. По мнению В.И. Самарина, И.И. Петухова, для осуществления своих функций медиатору необходимо иметь следующие права: знать в чем подозревается (обвиняется) лицо, являющееся стороной медиации; знакомиться с данными об участниках уголовного процесса, являющихся сторонами медиации; знакомиться с информацией, предоставляемой сторонам медиации органом, ведущим уголовный процесс; беспрепятственно общаться с участниками уголовного процесса, являющимися сторонами медиации, наедине и конфиденциально без ограничения количества и продолжительности бесед [6, с. 84].

Вполне логично, что для успешного проведения медиации медиатор должен обладать определенной информацией об обстоятельствах совершенного преступления, что может потребовать ознакомления с процессуальными документами. Такая возможность практически реализуема, поскольку необходимые для этого копии процессуальных документов находятся (могут находиться) в распоряжении сторон медиации.

Представляется, ввиду специфики спора, возникающего в связи с совершением противоправного деяния, особенностей уголовно-процессуальных правоотношений, необходимости строгого соблюдения процессуальной формы в УПК должны быть закреплены права и обязанности медиатора, а также основания его отвода.

Анализ действующего законодательства дает основание утверждать, что медиаторы, включенные в Реестр медиаторов, формируемый Министерством юстиции Республики Беларусь, обладают правом проведения медиации в рамках производства по уголовным делам. Тем не менее, с таким утверждением согласились только 63,9 % принявших участие в проведенном нами анкетировании лиц¹.

Процедура проведения медиации в УПК не определена. Исходя из положений ч. 4 ст. 30¹ УПК, применение медиации возможно как на стадии предварительного расследования, так и на стадии судебного разбирательства. На стадии предварительного расследования примирение обвиняемого с потерпевшим возможно после обретения лицом положения участника уголовного процесса, то есть с момента вовлечения в процесс обвиняемого и потерпевшего. На этапе судебного разбирательства момент, до которого может быть достигнуто примирение обвиняемого с потерпевшим, в ч. 4 ст. 30¹ УПК не установлен. Это момент может быть определен путем обращения к ч. 8 ст. 26 УПК, согласно которой примирение по делам частного и частно-публичного обвинения допускается только до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора.

В соответствии с п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 29 марта 2012 г. № 1 «О практике применения судами ст. 86, 88, 89 Уголовного кодекса Республики Беларусь, предусматривающих возможность освобождения лица от уголовной ответственности» под примирением лица, совершившего преступление, с потерпевшим применительно к положениям ст. 89 УК судам следует понимать свободное и добровольное урегулирование возникшего в связи с совершением преступления конфликта между обвиняемым и потерпевшим с их последующим обращением к суду с заявлением о примирении и просьбой освободить обвиняемого от уголовной ответственности.

Волеизъявление потерпевшего и обвиняемого оформляется заявлением. Заявления о примирении могут быть как письменными, так и устными. Соответственно, письменные заявления о примирении от обвиняемого и потерпевшего приобщаются к уголовному делу, а уст-

¹В анкетировании приняли участие 36 медиаторов, включенных в Реестр медиаторов, 67 % из которых имеют высшее юридическое образование, 33 % – иное высшее образование. Опыт проведения медиации до трех лет имеют 61% из опрошенных, от трех до пяти лет – 19,5 %, более пяти лет – 19,5 %.

ные заносятся в протокол следственного действия или судебного заседания. Если примирение обвиняемого с потерпевшим достигнуто в порядке медиации, то органу, ведущему уголовный процесс, представляется медиативное соглашение, которое приобщается к уголовному делу.

Медиативное соглашение заключается в письменном виде между обвиняемым и потерпевшим по результатам переговоров, проведенных в порядке, предусмотренном законодательными актами, в целях содействия их примирению (п. 14¹ ст. 6 УПК). При этом в законодательных актах, регулирующих медиацию, детальный порядок проведения переговоров не закреплен, а требования, предъявляемые к содержанию медиативного соглашения, заключаемого по уголовным делам, не раскрываются ни в ст. 30¹ УПК, ни в какой-либо другой норме, что, полагаем, может вызвать определенные затруднения на практике при применении медиации по уголовным делам. Поэтому представляется целесообразным содержание медиативного соглашения закрепить в УПК.

Процессуальные последствия достижения примирения обвиняемого с потерпевшим по уголовным делам о преступлениях разной степени общественной опасности определены в ч. 5 ст. 30¹ УПК. Так, производство по уголовному делу о преступлениях, не представляющих большой общественной опасности, или менее тяжких преступлениях может быть прекращено на основании п. 4 ч. 1 ст. 30 УПК.

В настоящее время существуют серьезные законодательные ограничения, связанные с возможностью прекращения производства по уголовному делу о менее тяжких преступлениях в случае достижения примирения обвиняемого с потерпевшим. Ст. 89 УК содержит оговорку, согласно которой лицо может быть освобождено от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим по указанной категории уголовных дел, если соответствующие преступления совершены впервые. Налицо коллизия, которая должна быть разрешена на законодательном уровне, исходя из приоритета принципов уголовной ответственности, а именно, путем исключения из текста ст. 89 УК слова «впервые». Соответственно, появятся более широкие возможности для применения медиации по уголовным делам.

Следует иметь в виду, что уголовные дела частного-публичного обвинения, возбужденные прокурором при наличии оснований, закрепленных в ч. 5 ст. 26 УПК, прекращению в связи с примирением обвиняемого с потерпевшим не подлежат, а уголовные дела частного обвинения в случае достижения примирения подлежат прекращению на основании п. 5 ч. 1 ст. 29 УПК в обязательном порядке.

Последствия достижения примирения по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях в ст. 30¹ УПК не предусмотрены. Мы поддерживаем мнения авторов, которые видят достижение примирения с потерпевшим обстоятельством, смягчающим ответственность обвиняемого, учитываемым при назначении ему наказания [4], [10, с. 95]. Прямого запрета этому нет ни в УК, ни в УПК. Более того, УК предусматривает, что суд может признать смягчающими ответственность и иные обстоятельства, не указанные в ч. 2 ст. 63 УК, а согласно ч. 4 ст. 30¹ УПК медиативное соглашение подлежит приобщению к уголовному делу органом, ведущим уголовный процесс, если примирение достигнуто в порядке медиации. Представляется, закрепление в ч. 2 ст. 63 УК примирения с потерпевшим, достигнутого в порядке медиации, как обстоятельства, смягчающего ответственность обвиняемого, будет содействовать развитию процедуры медиации по уголовным делам.

Законодательное закрепление медиации в УПК предоставило дополнительные возможности по урегулированию уголовно-правового спора путем поиска решения, отражающего интересы и потребности соответствующих участников уголовного процесса. Причем данное нововведение признано обоснованным подавляющим большинством опрошенных нами медиаторов (94 %). Анализ нормативного регулирования примирения обвиняемого с потерпевшим в порядке медиации при производстве по уголовным делам в Беларуси показал, что законодатель оставил «пространство» для дальнейшего развития механизма осуществления процедуры медиации по уголовным делам, очевидно, с учетом формирующейся медиативной практики. Заметим, что на сегодняшний день такая практика хоть и незначительна, но имеется. В частности, 11 % из числа респондентов выступали в качестве медиаторов в производстве по уголовным делам (примечательно, что во всех случаях было заключено медиативное соглашение).

Представляется сомнительным мнение, что «для Республики Беларусь наиболее приемлемо было бы создать закон, который бы регламентировал все вопросы, касающиеся процедуры

медиации в рамках уголовного процесса» [11, с. 24]. Полагаем более приемлемым определить процедуру проведения примирения обвиняемого с потерпевшим в порядке медиации, а точнее ее процессуальные аспекты, в УПК. К тому же мы согласны с тем, что «правовое регулирование должно заключаться не в детальной регламентации хода и процедуры медиации, а непосредственно в ключевых опорных точках, в которых соприкасаются эти две системы» [12, с. 59–60].

Излишняя детальная регламентация хода и процедуры медиации, в том числе, осуществляемой при производстве по уголовным делам, по нашему мнению, противоречит самой сущности, юридической природе медиации, определяющим качеством которой видится диспозитивность. Сущность медиации заключается в поиске сторонами конфликта взаимоприемлемого решения путем проведения переговоров с участием медиатора. Ход и процедура проведения переговоров вряд ли существенно различаются в зависимости от вида разрешаемого посредством медиации конфликта, например, вытекающего из гражданских правоотношений или возникшего в связи совершением преступления. Правила проведения переговоров частично закреплены в нормативных правовых актах о медиации, принятых в Республике Беларусь, и они не должны полностью повторяться в УПК.

Вместе с тем, сказанное не отменяет необходимости регулирования отдельных процессуальных аспектов применения медиации при производстве по уголовным делам. Необходимо особо подчеркнуть, что по результатам проведенного опроса только 6 % медиаторов считают достаточным современный уровень правовой регламентации рассматриваемой формы примирения.

В целях обеспечения функционирования механизма осуществления процедуры примирения обвиняемого с потерпевшим по урегулированию возникшего в связи с совершением преступления конфликта между ними путем заключения медиативного соглашения, формирования единообразного применения УПК и законодательства о медиации представляется целесообразным закрепить в УПК: 1) обязанность органа, ведущего уголовный процесс, в производстве которого находится уголовное дело, разъяснить обвиняемому и потерпевшему право на примирение, в том числе в порядке медиации; 2) процессуальное оформление обращения к процедуре медиации посредством вынесения постановления следователя, прокурора, судьи или определения суда о проведении медиации по уголовному делу; 3) момент судебного разбирательства, до которого может быть достигнуто примирение обвиняемого с потерпевшим в порядке медиации; 4) содержание медиативного соглашения, заключенного по результатам переговоров; 5) права и обязанности медиатора, основания его отвода.

Заключение. Для Республики Беларусь медиация в уголовном процессе представляет собой новое правовое явление, значимость введения которого не вызывает сомнений.

Проведенный анализ правового регулирования примирения обвиняемого с потерпевшим в порядке медиации при производстве по уголовным делам в Республике Беларусь позволил прийти к выводу о наличии возможности и необходимости применения медиации в уголовном процессе. Ее применение в уголовно-процессуальной сфере будет способствовать урегулированию конфликта между обвиняемым и потерпевшим, заглаживанию причиненного в связи с совершением преступления ущерба, применению более мягкого наказания к обвиняемому, моральному влиянию на обвиняемого для осмысления им своей ответственности перед потерпевшим и обществом, экономии процессуальных средств.

Медиацию в уголовном процессе Беларуси следует рассматривать как составную часть института примирения. УПК дополнен определениями основных терминов, касающихся процедуры медиации («медиация», «медиатор», «медиативное соглашение»). Обращение сторон к медиации и процессуальные последствия достижения примирения обвиняемого с потерпевшим по уголовным делам о преступлениях разной степени общественной опасности определены в ст. 30¹ УПК. Особенностью закрепленной модели медиации является проведение медиативной процедуры исключительно по взаимному согласию обвиняемого и потерпевшего, одновременно с производством по уголовному делу без приостановления процесса и возможность ее применения по уголовным делам о преступлениях любой категории (в зависимости от характера и степени общественной опасности): не представляющих большой общественной опасности, менее тяжких, тяжких и особо тяжких.

Вместе с тем, процедура проведения медиации в УПК не определена. Законодатель оставил «пространство» для дальнейшего развития механизма осуществления процедуры медиации по уголовным делам, очевидно, с учетом формирующейся медиативной практики. В целях обеспечения его функционирования выше изложены основные направления совершенствования уголовного и уголовно-процессуального законодательства в рассматриваемой сфере.

Литература

1. Развитие института медиации в Беларуси : новшества законодательства, достижения и перспективы [Электронный ресурс] // Новости Беларуси БелТА. – Режим доступа : <http://www.belta.by/roundtable/view/razvitie-instituta-mediatsii-v-belarusi-novshestva-zakonodatelstva-dostizhenija-i-perspektivy-1273/>. – Дата доступа : 20.07.2021.
2. Сербун, А. Прекращение производства по уголовному делу с освобождением лица от уголовной ответственности. Практика и сложности применения / А. Сербун // Законность и правопорядок. – 2020. – № 2 (54). – С. 23–27.
3. Краткие статистические данные о деятельности судов общей юрисдикции по осуществлению правосудия за 2019 г. [Электронный ресурс] / Верховный Суд Республики Беларусь. – Режим доступа : http://www.court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/archiv/8186975d68124bb0.html. – Дата доступа : 13.07.2021.
4. Орловская, Л. Медиации в уголовном процессе Беларуси быть : 19 июня 2021 года вступают в силу соответствующие изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Л. Орловская // Центр «Медиация и право». – Режим доступа : <https://mediation-law.by/новости/document-25043.html>. – Дата доступа : 23.07.2021.
5. Зайцева, Л. Л. Медиация в уголовном процессе. История одного законопроекта [Электронный ресурс] / Л. Л. Зайцева // Государство и право в XXI веке : материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию юридического факультета Белорусского государственного университета, Минск, 26–27 ноября 2020 г. / БГУ ; редкол.: Т. Н. Михалёва (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2021. – Режим доступа : <https://elib.bsu.by/handle/123456789/263169>. – Дата доступа : 23.07.2021.
6. Самарин, В. И. Внедрение медиации в уголовный процесс Беларуси / В. И. Самарин, И. И. Петухов // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / Кубанский гос. ун-т ; под общ. ред. О. В. Гладышевой, В. А. Семенцова. – Краснодар : Просвещение-Юг, 2016. – С. 77–86.
7. Петрова, О. В. Медиация в уголовном процессе : адаптация как основа внедрения [Электронный ресурс] / О. В. Петрова // Проблемы гармонизации материально-правовых и процессуальных средств защиты права : материалы Международного круглого стола, Минск, 26 октября 2018 г. / БГУ ; редкол.: И. Н. Колядко (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2019. – Режим доступа : <https://elib.bsu.by/handle/123456789/216350>. – Дата доступа : 23.01.2022.
8. Басецкий, И. И. Система субъектов и участников уголовного процесса [Электронный ресурс] / И. И. Басецкий, Л. И. Родевич // Юридический журнал. – 2007. – № 2. – Режим доступа : <http://elibrary.miu.by/journals/item.uj/issue.10/article.9.html>. – Дата доступа : 15.07.2021.
9. Дьяконова, О. Г. Специальные знания в судебной и иной юрисдикционной деятельности государств-членов ЕАЭС : теория и практика : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.12 / О. Г. Дьяконова. – М., 2021. – 647 л.
10. Арутюнян, А. А. Медиация в уголовном процессе / А. А. Арутюнян. – М., 2013. – 200 с.
11. Зорин, Р. Г. Тенденции и перспективы совершенствования механизма правового регулирования процедуры медиации в уголовном процессе Республики Беларусь и Российской Федерации [Электронный ресурс] / Р. Г. Зорин, А. Г. Клименко, А. А. Шатликова // Евразийская адвокатура : Международный научно-практический юридический журнал. – 2014. – № 2. – Режим доступа : <https://elib.grsu.by/doc/9286>. – Дата доступа : 01.07.2021.
12. Головкин, Л. В. Альтернативы уголовному преследованию: европейская практика и российский уголовно-процессуальный контекст / Л. В. Головкин // Восстановительное правосудие. – М. : МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2003. – С. 59–68.

УДК 94:342.553:352.075.1(476)«1917-1922»

Формирование местных советов как одной из структур гражданского общества на территории Беларуси в 1917–1922 гг.

Е.И. ЭСМАНОВИЧ

Гражданское общество как совокупность негосударственных организаций и свободных граждан, создающих вместе с государством развитые правовые отношения, является важным инструментом консолидации усилий государства и негосударственных структур для решения социально-экономических проблем, достижения общественно значимых целей. Критерии успешного развития гражданского общества предусматривают обеспечение общедоступного участия в процессе разработки социально-экономической политики и мер по гарантированию национальной безопасности страны. Мощным толчком для формирования гражданского общества на территории Беларуси послужили значительные общественные движения 1917 г.

Ключевые слова: местное самоуправление, гражданское общество, советы депутатов, исполнительные комитеты.

Civil society as a set of non-governmental organizations and free citizens, creating developed legal relations with the state, is an important tool for consolidating the efforts of the state and non-state structures to solve socio-economic problems and achieve socially significant goals. The criteria for the successful development of civil society ensure public participation in the process of developing socio-economic policy and measures to guarantee the national security of the country. Significant social movements since 1917 have served as a powerful impetus for the formation of civil society on the territory of Belarus.

Keywords: local self-government, civil society, councils of deputies, executive committees.

Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 г. определяет гражданское общество как совокупность негосударственных организаций и свободных граждан, создающих вместе с государством развитые правовые отношения, важный инструмент консолидации усилий государства и негосударственных структур для решения социально-экономических проблем, достижения общественно значимых целей [1]. Именно гражданскому обществу на современном этапе развития Республики Беларусь отводится роль в обеспечении устойчивого развития, укреплении демократических принципов жизни страны. Основными элементами гражданского общества являются органы самоуправления, политические партии и общественные, в том числе, молодежные организации.

Февральская, а затем октябрьская революции 1917 г. придали определенный импульс развитию на территории Беларуси гражданского общества, расширили демократические права и свободы граждан, повысили их социальную активность.

Одновременно с преобразованиями органов государственной власти в начале 1917 г. началось стихийное возникновение Советов – альтернативных органов власти, которые действовали по принципу прямой демократии. На начальном этапе выборы в Советы солдатских, рабочих и крестьянских депутатов проходили в соответствии не с территориальным, а производственным принципом. В связи с этим «нетрудовые классы» (буржуазия, служащие, студенты) могли быть избраны в руководство только в случаях, когда являлись членами левых политических партий. Советы создавались революционным путем, на собраниях солдат, рабочих предприятий, представителей левых сил. К примеру, в Гомеле таким образом был избран Совет солдатских и рабочих депутатов 3–4 марта 1917 г. [2, с. 14].

Новую альтернативную власть поддержали солдаты, городские низы, беднейшие крестьяне, практически исключенные из процесса создания временного правительства на местах. Всего на протяжении марта 1917 г. в городах и местечках Беларуси было создано 28 советов рабочих и солдатских депутатов, в июле их число возросло до 150. В городах советы объединяли рабочих, ремесленников и служащих, на фронте функции советов выполняли полковые, дивизионные, корпусные, армейские солдатские комитеты.

Одним из первых в Беларуси образовался минский Совет рабочих и солдатских депутатов. Первый номер газеты «Известия Совета рабочих депутатов», изданный избранным Временным исполнительным комитетом, обнародовал задачи Совета, сформировав военную, рабочую, продовольственную, финансовую, культурно-просветительную комиссии. Главная задача Совета была сформулирована в обращении Временного исполнительного комитета Совета рабочих депутатов к гражданам – замена старой гражданской власти властью новой, которая управляла бы в интересах широких слоев населения [3, с. 114].

Сразу после образования советы начали борьбу с представителями старой власти. Так, в структуре Гомельского Совета была создана специальная «Комиссия для внесудебных арестов», а в результате рассмотрения жалобы Речицкого совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов министру внутренних дел лишился должности речицкий уездный комиссар [2, с. 15].

Советы не всегда находились в состоянии конфронтации с представителями официальной власти, часть с ней сотрудничала. Многие представители советов являлись членами разных комиссий при органах местной власти и городского самоуправления.

На первом этапе Советы занимались преимущественно политической деятельностью: агитацией и пропагандой, мобилизацией революционных сил на борьбу с классовым врагом. Крупные советы имели для этих целей и собственные печатные органы. На втором месте в деятельности советов, как правило, предусматривалось проведение борьбы за улучшение условий труда, организация рабочего контроля. И только затем решались вопросы повседневной жизни – борьба с преступностью, вопросы питания, образования, медицинской помощи населению. Подобная иерархия задач отражалась и на организационной структуре советов. Например, исполком Полоцкого совета рабочих и солдатских депутатов состоял из редакционно-издательской, судебно-следственной и рабочей комиссий [2, с. 15].

Как и другие Советы, в первые месяцы после февральской революции не претендовал на властные полномочия Минский Совет, он выступал в качестве общественно-политической структуры, призванной мобилизовать рабочих и солдат на поддержку нового демократического строя и противостоять возможным поползновениям приверженцев свергнутой монархии. Городом управлял Минский комитет общественной безопасности. Представители Совета вели агитацию в войсках за расширение прав солдат, за прекращение войны, на предприятиях – за введение 8-часового рабочего дня, помогали рабочим разрешать конфликты с предпринимателями. При Совете работал Демократический клуб, где для рабочих и солдат регулярно читались лекции на актуальные темы, работали курсы пропагандистов и агитаторов, открыта школа грамоты [3, с. 104].

Организационно советы представляли серьезную силу, которая быстро решала насущные повседневные общественно-политические задачи, действовала через митинги, манифестации, политизированные праздники и т. п. Повседневным, рутинным руководством советы серьезно не занимались, поскольку не имели ни механизмов воздействия, ни подготовленных кадров, ни финансов. Проблемы повседневной жизни интересовали советы преимущественно с точки зрения привлечения трудящихся на свою сторону. К примеру, в июне 1917 г. в Гомеле открылась изба-читальня агитационно-пропагандистской комиссии местного совета, где широко предлагались социалистические газеты и литература. При других советах открывались дискуссионные демократические клубы, создавались народные дружины по поддержанию порядка.

Финансировались советы за счет добровольных пожертвований трудящихся, которые в большей степени поступали от фабричных и заводских комитетов. Так, в июне на общем собрании Гомельского совета рабочих и солдатских депутатов была принята резолюция об отчислении из заработка всех рабочих, служащих и солдат города одного процента на нужды «творческого революционного труда» [2, с. 16].

Временное правительство рассматривало реформу местного городского и земского самоуправления как одну из важнейших и первоочередных задач. Идеологи новой власти рассматривали локальные сообщества как важное звено, связывающее государство и общество. Местное самоуправление имело большие возможности по налаживанию взаимоотношений между личностью, групповыми интересами, интересами политических партий и государства, укреплению

различных социальных связей между ними. На уровне местного самоуправления прослеживался весь комплекс социальных, политических и экономических проблем общества. Именно органы местного самоуправления давали возможность рядовым гражданам присоединяться к политическим процессам, повседневной политической практике в качестве активных его участников.

3 марта 1917 г. Временное правительство провозгласило декларацию, в соответствии с которой местное самоуправление на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования рассматривалось в качестве основы будущих преобразований [4]. Было создано особое совещание по реформе местного самоуправления, в течение 6 месяцев – разработан пакет документов по реформированию городского и сельского самоуправления, губернских, уездных и волостных земств. Суть реформ состояла в укреплении юридической и финансовой основы деятельности органов местного самоуправления; расширении их компетенции, обеспечении равных прав граждан, конкуренции, свободы высказываний и общественного контроля.

Уже в первые недели после Февральской революции началась стихийная демократизация городских дум, органов земского самоуправления. Инициатива исходила из революционно настроенных депутатов и граждан, сомневающихся в легитимности дум и земств, созданных на основе цензов избирательного права. 15 апреля Временное правительство приняло постановление, в соответствии с которым городское избирательное право распространялось на всех жителей, независимо от пола, национальности, в том числе, военнотружущих.

Авторитет городских дум возрос после принятия 17 апреля Положения о милиции, которое упраздняло полицию и придавало милиционерам статус муниципальных или земских служащих, начальников городской и уездной милиции подчинило городским думами и уездным управам. Таким образом, новые органы охраны правопорядка, в отличие от полиции, подчинялись властной вертикали, становились частью органов местного самоуправления. К ведению милиции были отнесены: охрана общественного порядка, охрана прав гражданской свободы, ведение учета населения и пр. Ключевые должности в милиции занимали общественные активисты разных политических взглядов и социального происхождения, которых объединяла вера в созидательную силу низовой инициативы [5, с. 27], [6, с. 185–186], [7]. Еще 4 марта 1917 г. сообщение газеты «Известия Совета рабочих депутатов» о состоявшемся в Минске собрании служащих и рабочих содержало решение собрания о немедленной организации демократических элементов в Совет рабочих депутатов, немедленное разоружение полиции и организация милиции [3, с. 113].

Очередное постановление Временного правительства 9 июня 1917 г. дало дальнейший толчок развитию самостоятельности органов городского самоуправления. К предметам его ведения были отнесены вопросы обеспечения содержания улиц, мостовых, тротуаров, общественных садов, набережных, мостов и пр., содержание в исправности коммунального хозяйства города, борьба с пожарами, поднятие нравственности городского населения, здравоохранение, образование, контроль за ценообразованием, оказание юридической помощи населению, попечение о бедных, охрана труда, борьба с пьянством и непотребством [8, с. 446]. За 1917 г. были образованы новые городские думы с широким социальным и национальным составом. Реформа городского самоуправления 1917 г. воплотила ожидания дореволюционного общества: было провозглашено всеобщее избирательное право, расширена компетенция дум, максимально сокращен административный контроль за ними [9, с. 163–170].

Одновременно с проведением реформы городского самоуправления Временное правительство разработало земскую реформу. 21 мая 1917 г. было принято Постановление о волостном земском управлении, фактически завершающее формирование системы самоуправления на селе. Дополнительно к существовавшим губернским и уездным земствам образовывались волостные земства. Гласных избирали все граждане, проживающие на территории волости и достигшие 20 лет. Таким образом, избранные прямым тайным голосованием волостные земства стали всесловными демократическими организациями [2, с. 18]. Реформа расширила полномочия и автономию земств всех уровней. Дополнительно к дореволюционным сферам ответственности органов местного самоуправления (образование, охрана здоровья, статистика, дорожное строительство, агрономия, кооперация) добавились новые компетенции: оказание юридической помощи населению, охрана труда, руководство милицией. Губернский или уездный комиссары могли опротестовать решения земств только через суд.

Укреплению новых параллельных политизированных структур власти – Советов – способствовали глубокий экономический кризис, нерешенность Временным правительством вопроса о земле и мире, а также многоэтничность городского и низкий культурный уровень сельского населения.

Развитие гражданской инициативы поддержало и Постановление Временного правительства от 12 апреля 1917 г., которое провозгласило право всех без исключения граждан, без особого на то разрешения, образовывать общества и союзы. Общества и союзы вправе объединяться с другими обществами и союзами и устанавливать постоянные сношения с общественными и другими организациями [10].

Работа по развитию социальной активности на местах продолжилась сразу после Октябрьской революции. Уже 28 октября 1917 г. Совет Народных Комиссаров РСФСР принял Декрет «О расширении прав городских самоуправлений в продовольственном деле», который предоставил городскому самоуправлению право на учет и распределение всех прибывающих в город продовольственных грузов. «Городское самоуправление имеет право ... взять под надзор и руководство все или некоторые торговые и торгово-промышленные предприятия, в том числе лавки, рестораны, трактиры, мельницы и пр.; изменять их штат, условия труда, производства, продажи и проч., в том числе определять цены на все продовольственные продукты». Городское самоуправление имело право конфисковывать, реквизировать и секвестировать в свою пользу все частные помещения для размещения в них городских продовольственных лавок, общественных столовых [11].

II Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 28 октября 1917 г. провозгласил: вся власть отныне принадлежит Советам [12]. Для объединения всех городских и земских учреждений уже в декабре 1917 г. был образован Комиссариат по местному самоуправлению [13]. Советы по всей стране находились в тесном взаимодействии, вместе с тем, пользовались полной автономией в вопросах местного характера. Поскольку крестьянство организовано слабее других, особое внимание обращалось на организацию Советов крестьянских депутатов и на теснейшее взаимодействие их с Советами рабочих и солдатских депутатов [14].

Исполнительными органами Советов являлись исполнительные комитеты. Так, среди основных задач волостных исполнительных комитетов были: охрана революционного порядка, предупреждение и борьба с преступлениями, организация сельскохозяйственного производства, организация образования и ликвидация безграмотности, создание широкой сети культурно-просветительских учреждений, благоустройство сел и деревень [15].

На освобожденных от немцев в 1918 г. белорусских территориях главную ответственность за установление революционного порядка и организацию органов советской власти несли Военные советы – чрезвычайные органы, которым принадлежала вся полнота военной и гражданской власти. Постепенно советы стали передавать власть местным органам – революционным комитетам или Советам [16, с. 16–12].

Функции местных советов были определены в Конституции РСФСР 1918 г.: проведение в жизнь всех решений высших органов советской власти, принятие мер к поднятию территории в культурном и хозяйственном отношениях, разрешение всех вопросов местного значения, объединение всей советской деятельности в пределах данной местности. Инструкция «О порядке перевыборов волостных и сельских Советов», утвержденная постановлением ВЦИК 2 декабря 1918 г. расширила обозначенные в общих чертах функции, на Советы возлагались обязанности поддержания революционного порядка, учеты населения, земли, посевов, урожая, развитие местных промыслов и т. п. [17, с. 112–118].

В 20-е гг. продолжился поиск направлений совершенствования деятельности местных органов власти, оптимальной структуры и численности [18, с. 5–15]. Постепенное расширение функций местных органов было предусмотрено VIII Всероссийским съездом Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов, который постепенно упразднял институт уполномоченных, представляющих центральную власть, а местные органы самоуправления создавались во всех населенных пунктах – городах, волостях, селах для наи-

более широкого осведомления рабоче-крестьянского населения [19]. На регулярных расширенных совещаниях представителей сельских Советов рассматривались вопросы, требующие совместного обсуждения о борьбе с трудовым дезертирством, выполнении трудовых повинностей, восстановлении сельского хозяйства и промышленности [20].

Общественные движения на территории Беларуси и социально-экономическая ситуация в начале 20 в. послужили мощным толчком для формирования гражданского общества: органов местного самоуправления, политических партий, профсоюзов, общественных организаций. Способствовала этим процессам и деятельность высших государственных органов – Временного правительства, Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, Совета Народных Комиссаров, которые создали правовые условия для обеспечения возможности активного участия каждого в управлении.

Литература

1. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.economy.gov.by/uploads/files/NSUR2030/Natsionalnaja-strategija-ustojchivogo-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitija-Respubliki-Belarus-na-period-do-2030-goda.pdf. – Дата доступа : 01.10.2021.
2. Гужалоўскі, А. Фарміраванне структур грамадзянскай супольнасці ў Беларусі ў 1917 г. / А. Гужалоўскі // Палітычная гісторыя. – 2017. – № 5 (214). – С. 12–20.
3. Рудович, С. С. Минский Совет депутатов : начало пути (1917–1920 гг.) / С. С. Рудович // Беларускі археаграфічны штогоднік. – Мінск : БелНДІ ДАС, 2012. – Вып. 13. – С. 98–119.
4. Декларация № 17 Временного правительства о его составе и задачах от 3 марта 1917 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://history.wikireading.ru/177988>. – Дата доступа : 12.10.2021.
5. Об упразднении департамента полиции и об учреждении временного управления по делам общественной полиции : постановление Временного правительства, 10 марта 1917 г. // Сборник указов и постановлений Временного правительства. – Петроград : Государственная типография, 1917. – Вып. 1 : 27 февраля – 5 мая 1917 г. / Россия. Временное правительство. Законы. – С. 27.
6. Об учреждении милиции : постановление Временного правительства, 17 апреля 1917 г. // Сборник указов и постановлений Временного правительства. – Петроград : Государственная типография, 1917. – Вып. 1 : 27 февраля – 5 мая 1917 г. / Россия. Временное правительство. Законы. – С. 185–186.
7. Дурденевский, В. Н. Новый закон о милиции [Электронный ресурс] : (Врем. полож. 17 апр. 1917 г.) / В. Н. Дурденевский. – М. : Задруга, 1917. – Режим доступа : <https://search.rsl.ru/ru/record/01004217199>. – Дата доступа : 02.10.2021.
8. Об изменении действующих Положений об общественном управлении городов : постановление Временного правительства, 9 июня 1917 г. // Сборник указов и постановлений Временного правительства. – Петроград : Первая государственная типография, 1918. – Вып. 2 : 5 мая – 24 июля 1917 г. – Ч. 1. – Отд. I–VIII / Сост. Упр-нием Кодификационной частью. – С. 444–480.
9. О производстве выборов гласных Городских Дум : постановление Временного правительства, 15 апреля 1917 г. // Сборник указов и постановлений Временного правительства. – Петроград : Государственная типография, 1917. – Вып. 1 : 27 февраля – 5 мая 1917 г. / Россия. Временное правительство. Законы. – С. 163–170.
10. О собраниях и союзах : постановление Временного правительства, 12 апреля 1917 г. // Сборник указов и постановлений Временного правительства. – Петроград : Государственная типография, 1917. – Вып. 1 : 27 февраля – 5 мая 1917 г. / Россия. Временное правительство. Законы. – С. 160–161.
11. О расширении прав городских самоуправлений в продовольственном деле [Электронный ресурс] : Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР, 28 октября 1917 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2019.
12. О полноте власти Советов [Электронный ресурс] : Декрет II Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, 28 октября 1917 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2019.
13. Об учреждении Комиссариата по местному самоуправлению [Электронный ресурс] : Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР, 19 декабря 1917 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2019.

14. О правах и обязанностях Советов [Электронный ресурс] : Инструкция Совета Народных комиссаров РСФСР, 24 декабря 1917 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2019.
15. О волостных исполнительных комитетах (Приложение) [Электронный ресурс] : Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, 18 марта 1920 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2019.
16. Елизаров, С. А. От ревкомов к советам : местные органы государственной власти и управления Первой ССРБ / С. А. Елизаров // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Я. Купалы. Сер. 1, Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. – 2016. – Т. 8, № 2. – С. 6–12.
17. Инструкция о порядке перевыборов волостных и сельских Советов : утв. постановлением ВЦИК 2 декабря 1918 г. // Декреты Советской власти. – М. : Политиздат, 1968. – Т. 4 : 10 ноября 1918 г. – 31 марта 1919 г. / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Институт истории Академии наук СССР. – 751 с.
18. Елизаров, С. А. Оптимизация системы органов местной власти и управления в БССР в 1920-е гг. / С. А. Елизаров // Працы гістарычнага факультэта БДУ : навуковы зборнік. – Минск : БГУ, 2016. – Вып. 1. – С. 5–15.
19. О советском строительстве [Электронный ресурс] : постановление VIII Всероссийского съезда Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов, 23 декабря 1920 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2019.
20. Об организации городских Советов рабочих и красноармейских депутатов [Электронный ресурс] : Циркулярное постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, 8 февраля 1921 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2019.

Экономика

УДК 002.6:001.895(476)

Information waves of economic development and anthropogenic capital in the new economy

A.M. BARANOV

The main directions of economic development under the conditions of Kondratiev's new information wave have been studied. Based on the theoretical model of the development of the network structures of the global economy, determinative indicators of the formation of the information economy of Belarus have been determined, the experience of developed countries, including the sphere of education, science and technological development and the variability of the development of the economy are studied taking into account the use of anthropogenic factors.

Keywords: K-waves, information technology, innovation, research and development, e-business, enterprise networking, computerization, high technology.

Исследованы основные направления развития экономики в условиях появления новой информационной волны Кондратьева, на основе теоретической модели развития сетевых структур глобальной экономики определены детерминирующие показатели формирования информационной экономики Беларуси, в преломлении опыта развитых стран, включая сферу образования, науки и технологического развития, исследуется вариативность развития экономики с учётом использования антропогенных факторов.

Ключевые слова: К-волны, информационные технологии, инновации, научные исследования и разработки, электронный бизнес, сетевые предприятия, компьютеризация, высокие технологии.

Introduction. The information economy is a complex multifaceted phenomenon that includes a set of formal and informal economic institutions and institutional structures in the macroeconomic information space, with the functioning of a large number of information flows that have direct or indirect economic components. In the information economy, the rate of formation of new needs is significantly increasing, intangible assets are increasingly included in the sphere of commercial products. At the same time, consumers acquire new qualities – high intelligence, awareness, the ability to quickly cooperate and implement elements of prosumerism.

The institutional basis of the information economy. The national innovation system acts, and the transfer of knowledge is mediated through institutions (the state, clusters, research centers, virtual and material enterprises, etc.), and long-term sustainable development (a new quality of economic growth) is made possible due to the innovative orientation of the actions of subjects.

In the middle of the 20th century one of the founders of the evolutionary economic theory N.D. Kondratiev developed and theoretically substantiated the concept of large 50-year economic cycles that led to a change in the «stock of basic material goods», that is, the transition of the productive forces of the world community to a new, higher level of development. From the standpoint of economic theory, it is especially important that N.D. Kondratiev connected the cycle and dynamics of economic development with the patterns of development of the world economy and global socio-economic processes. N.D. Kondratiev in his works [1] drew attention to the fact that before the beginning of the upward wave of each large cycle, there are transformations in the economic life of society, which is usually reflected in significant changes in technology, organization of production and exchange, as well as in the transformation of the conditions of monetary circulation. At the same time, the initial stage of cycles, as a rule, is marked by «scientific discoveries and related technical inventions, the widespread introduction of which leads to the emergence and strengthening of an upward wave» [2]. Modern researchers believe that with the intensification of scientific and technological progress, the duration of cycles is significant-

ly reduced [3]. Thus, since the second half of the 20th century, the duration of the cycle has decreased to an average of 40–45 years, which indicates a direct correlation between economic cycles and the processes of the formation of a new information economy, which is the basis of a new technological order. Let us describe the modern K-wave of N.D. Kondratiev: «the widespread introduction of which leads to the emergence and strengthening of the rising wave» [1].

1. development of fundamental science, ideas that can be put into practice, strengthening the role of education, organization of R&D (10–15 years);
2. creation of breakthrough technologies, rapid optimization of existing innovations, production and implementation of new opportunities (10–15 years);
3. diffusion of developed innovations into the technosphere and socio-economic system (10–15 years).

The entire K-wave takes 30–45 years, which is described by the so-called infratrajectories, showing what part of the potential economic niche for a given macrotechnology has been mastered, what part of the development in the industry under consideration has been passed and what phase of the cycle it is in, which is very important, since the economic, social, technological, innovation policies in different countries are highly dependent on the stage of development of the industry.

It should be noted that historically different industries have developed at different speeds – relatively quickly aircraft construction, nuclear energy, television, the Internet and relatively slowly industries leading to the transformation of the infrastructure of the modern socio-economic system – air transport, computers, biotechnology – these technologies have made the transition from one K-waves to another.

The well-known Austrian-American economist J. Schumpeter in his work «The Theory of Economic Development» (1911) connects cyclical changes in the economy with technological structures [4]. Mastering the possibilities of the IV technological order (the basic sectors of which were heavy engineering, big chemistry, mass production, automotive, aircraft building and several others) was the basis of Soviet industrialization, the forced industrial development of Soviet Russia. The implementation of this program allowed the USSR to become a superpower.

Depression in the world economy of the 1970s, which began after the destruction of the Bretton Woods international monetary system and the oil crisis of 1973–1975 contributed to the formation of a cluster of new basic innovations of the fifth K-wave, which were based on computer technology, IT, the Internet and mobile communications [5].

The process of capital depreciation at the downward stage of the fourth K-wave led to the accumulation of capital in TNCs, which tried to overcome the crisis phenomena of the downward wave by investing in the development of new technologies, which provided significant economic and innovative rent. All this created the necessary conditions for overcoming the bottom of the downward wave, and by the mid-1980s, the world economy began to recover.

According to the well-known sociologist G. Malinetsky, the opportunities provided by the fifth technological order (associated with the development of computers, low-tonnage chemistry, telecommunications and the Internet) were missed by the post-Soviet countries, which were drawn into fruitless destructive reforms associated with the collapse of the socialist model [6].

The formation of the 5th technological order was accelerated by the process of activation of complementary and improving innovations (which were described in detail by J. Schumpeter), which began on the basis of the formed cluster of basic technologies, that contributed to the active development of the world economy in the 1990s, during which the innovations of the 5th technological order were diffused into all areas of production (wide penetration of IT into business processes, management, etc.).

The modern world crisis is a natural stage of the downward wave of N.D. Kondratiev cycles. The systemic reason for the crisis that has engulfed the world is that the branches of the fifth technological order no longer give the same return and do not require significant financial resources that are accumulated in the global economy, while the measures taken by the Central Banks of the EU and the USA are not able to change the situation. So, for example, in Russia today there are more than 150 million mobile phones. Advertising may force consumers to buy two mobile phones, but apparently it will no longer be possible to force them to buy three. After twenty years of growth, manufacturing capital is once again showing a trend of overcapacity over demand for products in the IT, microelectronics, and mobile communications sectors. The first evidence of these trends was

the Asian economic crisis of 1997–1998 and the global financial crisis that began in the United States in 2008. The rise in costs and the fall in the average rate of profit led to the transfer of capital from innovative industries to the speculative sphere.

Almost all scientists agree that the active introduction of new technologies leads to the transformation of the technological basis of the economy. At the beginning of the 21st century, the fifth technological order prevails in developed countries. However, its institutional infrastructure in the economic literature remains relatively little explored, since the basic technologies of the new economy are subject to strong evolutionary changes. Meanwhile, in the USA, Japan, South Korea and China, the VI technological order is actively being formed, characterized by the use of quantum technologies, genetic engineering, space avionics, artificial intelligence, exohumanitarian informatics, bioquantum medicine, new nature management) – the synthesis of scientific discoveries in these areas should provide reaching a fundamentally new level in state administration systems, society and economy [7]. According to E.Y. Gusarova, at the present stage of development of the socio-economic system, it becomes clear that the growing needs of the new world economy can only be met within the framework of the VI technological mode [8]. Currently, it is being decided which industries, countries, regions, corporations will become the leaders, and which will be the followers in a new round of technological development. The future of any country depends on effective actions in this area [9] and that will lead to a new round of technological development.

One of the key indicators of the development of the information economy is the Human Development Index – an integral indicator calculated annually for cross-country comparison and measurement of living standards, literacy, education and longevity as the main characteristics of the country's human potential (table 1).

Table 1 – Human Development Index 2020

Country	Place on the Human Development Index
Norway	1
Ireland	2
Switzerland	3
Hong Kong	4
Iceland	5
Germany	6
Sweden	7
Australia	8
Netherlands	9
USA	17
Russia	52
Belarus	53

According to experts' forecasts, while maintaining the current pace of technical and economic development, the VI technological order will enter a phase of maturity in the 2040s. At the same time, in 2020–2025, a new scientific, technical and technological revolution will take place, the basis of which will be developments that synthesize the achievements of the above-mentioned basic areas.

Thus, according to experts, in the EU over the past ten years, it was investments in education and R&D that provided up to 75 % of economic growth [11], [12].

The share of spending on education in Russia's GDP in 2020 reached 3,7 %, in the Republic of Belarus – 4,8 %. According to UNESCO, in terms of the number of people receiving higher and postgraduate education per 1,000 population, Belarus is ahead of such states as Australia, Lithuania, Russia, Poland, Ukraine, and Kazakhstan [13].

The dynamics of changes in public spending on education in countries is presented in table 2.

Table 2 – The level of spending on education in the GDP of the countries of the world, 2020

Country	Level of spending on education, % of GDP
Norway	8
Sweden	7,7

End of table 2

Denmark	7,6
Finland	6,9
Belgium	6,5
France	5,7
Great Britain	5,5
USA	5,0
Belarus	4,8
Russia	3,7

The main indicator characterizing the level of innovative development of the economy is the science intensity of GDP. This indicator is one of the main reporting indicators for the implementation of the EU's economic leadership strategy «Europe-2030».

It should be noted that at the information stage of the development of society, at which most developed countries are located, the determining role is played by qualitative factors of economic growth, including primarily human, scientific and educational elements. The general trend in many states has been the growth of the educational level of the population and the change in the attitude of the people themselves to education. For example, back in the 50s and 60s of the 20th century, some enterprise managers tried to hide the fact that they had a higher education, since at that time the path from a simple worker to a managerial position was considered more promising. Moreover, during this period in the USA, Great Britain, Germany, in order to reach the income level of the middle class, it was not necessary to have higher education, but work experience in a large enterprise where trade unions operated. Now in developed countries, in order to receive high wages, a diploma of higher education is required, which testifies not only to practical skills, but also to the fundamental knowledge gained in a higher educational institution. That is why some of the most technologically advanced countries, such as Japan, are moving towards universal higher education.

The leader in terms of science intensity of GDP is South Korea (4,25 %), Israel (4,2 %), Japan (3,3 %). By 2020, only two EU countries (Sweden and Finland) had exceeded the 3 % research intensity indicator, and they are the ones showing the highest economic growth rates in Europe (more than 3 % per year). In Russia, the science intensity of GDP is 1,1 %, which is not only significantly lower than the science intensity of the countries – leaders in information development, but higher than in the Republic of Belarus – 0,6 % and Ukraine – 1 %. In the United States in 2018, spending on science exceeded 2,74 % of GDP [14].

Investments in science are considered in developed countries as the basis of economic development, which allows them to conquer world markets and receive intellectual rent from new goods and services, which will lead to geo-economic and geopolitical superiority. The science intensity of Belarus GDP is at a low level – this is a deterrent to the development of the information economy. In our opinion, Belarus has a chance to catch up with developed countries in terms of science intensity, taking a worthy place in world science and in the global innovation market. This becomes possible due to the approval in the program of the Main Directions of Socio-Economic Development for 2021–2025 to increase the science intensity of GDP as a priority area of development.

The EU pays more attention to social development and state regulation of the economy in contrast to the United States and Japan, where the preference is given to technological aspects. The anthropogenic orientation of the information strategy of state development should be based on two key indicators: the level of expenditures on the education system and the science intensity of GDP. In general, the process of formation of a highly efficient information economy is influenced by a system of interrelated trends. Therefore, when assessing the degree of development of the information economy, it is necessary to take into account their entire set. As for Russia, the situation here is not as unambiguous as in developed or developing countries. In terms of the share of anthropogenic capital in the structure of national wealth, spending on the social sphere and the level of development of the education system, Russia is among the leaders in readiness for the information economy. On the other hand, the underdevelopment of technological infrastructure and low science intensity are constraining factors that need to be leveled at all levels of government.

In turn, the current level of development of Russia's production base does not allow claiming the status of a leading exporter of high-tech goods in the medium term. Under such conditions, the

status of «exporter of ideas» is much more prestigious than the role of a source of natural raw materials, the reserves of which are not unlimited. As a result of the study, it was revealed that institutional factors, in comparison with technological ones, are of paramount importance for the formation of the information needs of society, and, consequently, for overcoming information asymmetry [15].

Institutional structures, on the one hand, are an integral part of the elements of the information economy, on the other hand, the mechanism for its formation in a complex interactive dynamic environment.

According to experts, the main directions for the transformation of institutional structures in the information economy are:

- the institutional structure that is being formed in the conditions of the information economy acquires poorly controlled legally, mobile and flexible forms;

- in the conditions of the information economy, the institution of property rights gradually spreads its influence on the virtual type of property, the structure of the ways of relations between institutional objects becomes more complicated and acquires new properties and directions, as a result, a conglomerate of predominantly horizontal types of communication is simultaneously implemented;

- in the conditions of information abundance generated by the Internet system, for a more efficient implementation of the functions (initiative, distribution, coordinating, informational, guarantee and protective) of the contracting institution, the following directions for its development are proposed: adaptation, standardization and virtualization;

- the transformation of institutions of norms led to changes in the ratio of institutions-organizations. The development of information technologies, the implementation of economic agents' access to them, as well as the expansion of the possibility and speed of obtaining knowledge, made it possible to involve new economic entities in already established institutions-organizations and create their new, adaptive to a dynamic market environment, forms.

The countries of the post-Soviet space are facing a unique task in terms of scale – to overcome the existing gap in the level of development of the information sector, ensuring positive economic dynamics in post-crisis conditions and the outstripping development of information economy institutions. The current Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030 assumes that the basic target indicator is to reach the level of 20 leading countries in IT technologies in the next 5 years, that is, Russia will overcome more than 50 points behind in global rankings.

Such a task was set in the pre-crisis period, but, according to a number of experts, Russia retains the potential necessary for such a breakthrough, which has been formed over the past years and is capable of providing the necessary advantages to the national economic system, subject to a detailed scientific development of this problem [11].

New institutional structures of the information economy should help reduce transaction costs, reduce barriers to entry of enterprises into most market segments. The emergence of a developed information field in the context of the new economy also contributed to solving some of these problems, which in turn would allow the institutional structures of the future to acquire new forms. In the information economy, a closed loop is formed with feedback and with a significant synergistic effect on the functioning of its individual components. On the basis of an analysis of the processes for the formation of institutional structures in modern conditions, it was possible to conclude that their development took place within the framework of the development of technical and economic frameworks, the pace of change and functioning of which, in turn, was largely determined by the established institutional structures. The role of institutional structures in this process consists in the formation and implementation of relevant socio-economic relations, the formation of new institutions [15].

Conclusion. Now the whole world is preparing for a technological leap, including that associated with the approach to the new VI Kondratiev cycle, within which it is decided which industries, countries, regions, corporations will become the leaders, and which will be the followers in a new round of technological development. The future of any country now depends on effective, thoughtful actions in this area. The basis of each Kondratiev cycle is a cluster of new basic advanced technologies that can significantly change, transform the direction, scale and structure of consumer and industrial demand, the structure of consumed structural materials and/or energy carriers. This approach can be implemented when creating information clusters that are formed on the territory of the country from among enterprises and companies that are capable of performing vari-

ous functions, being united with the help of information and network infrastructure, the result of coordinated actions of which will be the final competitive product. Thus, thanks to the development of information and network technologies within high-tech clusters, a country can get to a bifurcation point in the technological space and get real opportunities for accelerated economic growth.

Summing up the comparison of developed countries, we can state that the EU pays more attention to social development and state regulation of the economy, in contrast to the United States and Japan, where preference is given to technological aspects. The anthropogenic orientation of the information strategy of state development should be based on two key indicators: the level of expenditures on the education system and the science intensity of GDP. In general, the process of formation of a highly efficient information economy is influenced by a system of interrelated trends. Therefore, when assessing the degree of development of the information economy, it is necessary to take into account their entire set. As for Russia and Belarus, the situation here is not as clear-cut as in developed or developing countries. In terms of the share of anthropogenic capital in the structure of national wealth, social spending and the level of development of the education system, Russia and Belarus are among the leaders in readiness for the knowledge economy. On the other hand, the underdevelopment of technological infrastructure and low knowledge intensity are limiting factors that need to be leveled.

Literature

1. Kondratiev, N. D. Problems of economic dynamics / N. D. Kondratiev. – M. : Economics, 1989. – 526 p.
2. Fadeev, V. O. Kondratiev's theory of cycles and recovery growth in economic systems / V. O. Fadeev // Bulletin of the Saratov State Socio-Economic University. – 2012. – № 1 (40). – P. 15–20.
3. Ivanov, V. V. Waves of Kondratiev in the history of mankind / V. V. Ivanov // Social sciences and modernity. – 2010. – № 2. – P. 17–23.
4. Borzova, E. P. Comparative cultural studies / E. P. Borzova – St. Petersburg : SPbKO, 2013. – 345 p.
5. Schumpeter, J. Theory of economic development / J. Schumpeter. – M. : Directmedia Publishing, 2008. – 401 p.
6. Kobayakov, A. Nikolai Kondratiev as a mirror of the crisis [Electronic resource] / A. Kobayakov. – Access mode : http://www.pravoslavnye.ru/monitoring_smi/2008/10/30/nikolaj_kondrat_ev_kak_zerkalo_krizisa/. – Date of access : 14.12.2021.
7. Malinetsky, G. Report on the prospects of the Russian Federation. Innovation is Russia's last hope / G. Malinetsky. – Access mode : http://www.nanometer.ru/2009/07/31/forsajt_156320.html. – Date of access : 14.12.2021.
8. Selishcheva, T. A. Structural transformations and problems of formation of the information economy of Russia : diss. ... doct. of econ. : 08.00.01 / T. A. Selishcheva. – St. Petersburg, 2006. – 477 p.
9. Gusarova, E. Yu. Development of institutional structures of the information economy : diss. ... cand. of econ. sciences : 08.00.01 / E. Yu. Gusarova ; Saratov State Socio-Economic University. – Saratov, 2011. – 170 p.
10. Malinetsky, G. G. Designing the future. The role of nanotechnology in the new reality : speech at conf. nanotechnologist. Islands of Russia «Development of a nanotechnological project in Russia: state and prospects» [Electronic resource] / G. G. Malinetsky. – Access mode : http://www.intelros.ru/intelros/reiting/reiting_09/material_sofi/4946-malmeckij-gg-proektirovashe-budushhego-rol-nanotexnologij-v-novoj-realnosti.html. – Date of access : 22.12.2021.
11. Dudukalov, E. V. Interaction of technological and institutional factors in the development of the information economy : diss. ... cand. econ. sciences : 08.00.01 / E. V. Dudukalov. – Rostov-on-Don, 2020. – 240 p.
12. Human Development Report 2020 // United Nations Development Program. – NY : United Nation, 2020. – 398 p.
13. Rating of the world's countries by spending on education [Electronic resource] // World Bank Humanitarian Portal. – Access mode : <https://gtmarket.ru/ratings/global-education-expenditure>. – Date of access : 02.06.2018.
14. UNESCO Science Report : towards 2030 [Electronic resource]. – Access mode : <http://unesdoc.unesco.org>. – Date of access : 06.02.2018.
15. Baranov, A. M. The education system and the new informational K-wave of development / A. M. Baranov // St. Petersburg Educational Bulletin. – 2019. – № 1 (29). – P. 36–41.

Стратегия сотрудничества Беларуси и Китая на международном рынке строительных работ и услуг

Ю.И. Енин¹, Ци Хуайюань²

В статье исследуются концептуальные подходы к развитию сотрудничества строительных компаний двух стран, в том числе и посредством использования системы FIDIC. Выделяется опыт использования контрактов FIDIC в КНР и в РБ, рассмотрены проблемы в использовании FIDIC и направления разрешения этих проблем в правовой сфере и в договорных отношениях строительных компаний двух стран, анализируются положительные наработки китайских строительных компаний в реализации международных проектов в рамках «Пояса и пути».

Ключевые слова: строительные компании, стратегия сотрудничества, механизм кооперации строительных компаний, международный рынок строительных работ и услуг, контракты FIDIC, международные контракты в рамках реализации китайской инициативы «Пояса и пути».

The article examines conceptual approaches to the development of cooperation between construction companies of the two countries, including the use of the FIDIC system. The experience of using FIDIC contracts in the PRC and the Republic of Belarus is highlighted, the problems in the use of FIDIC and the directions of resolving these problems in the legal sphere and in the contractual relations of construction companies of the two countries are considered, the positive developments of Chinese construction companies in the implementation of international projects within the Belt and Road are analyzed.

Keywords: construction companies, cooperation strategy, cooperation mechanism of construction companies, the international market for construction works and services, FIDIC contracts, international contracts within the framework of the implementation of the Chinese Belt and Road Initiative.

Введение. Китай является одним из важнейших стратегических партнеров Беларуси в различных сферах. По данным Посольства Республики Беларусь в Пекине, товарооборот с Китаем по итогам за 2020 г. увеличился до 4,6 млрд. долл. США, превысив показатель предыдущего года на 0,8 млн. долл. США [1]. При этом, согласно данным Национального статистического комитета Беларуси, по итогам 2020 г. Китай стал вторым после России торговым партнером нашей страны. Следовательно, несмотря на замедление деловой активности в мире в период пандемии коронавирусной инфекции, Беларусь и Китай смогли стабилизировать динамику двустороннего внешнеторгового оборота. При этом отдельного внимания заслуживает вопрос взаимной торговли строительными услугами. В соответствии с данными по международной торговле, экспорт строительных услуг Беларуси в Китай за 6 лет (с 2013 г. по 2019 г.) вырос более чем в 11 раз – с 21 254 тыс. долл. США до 234 533 тыс. долл. США, а импорт строительных услуг из Китая в Беларусь за 6 лет (с 2013 г. по 2019 г.) вырос в 2,7 раза – с 65 535 тыс. долл. США до 177 646 тыс. долл. США [2]. Целесообразно отметить, что значительный потенциал заложен в росте международной совместной деятельности строительных компаний РБ и КНР в строительстве инфраструктуры Экономического пояса Шелкового пути, в котором принимают участие несколько десятков стран. В настоящее время торговля Китая со странами вдоль «Пояса и пути» растет в среднем на 6 % в год. Китай стал крупнейшим торговым партнером для 25 стран, участвующих в инициативе «Пояса и пути». Крупные строительные компании Китая в последние годы накопили значительный опыт в построении инфраструктуры в странах, расположенных вдоль «Пояса и пути». При этом и белорусские строительные компании имеют значительный опыт строительства в России. Поэтому кооперация в строительной отрасли КНР и РБ на внешнем рынке, на наш взгляд, позволит получить значительный синергетический эффект. При формировании эффективных механизмов кооперации строительных компаний двух стран в рамках реализации инициативы «Пояса и пути» целесообразно учитывать и финансовые возможности, которые открываются белорусским строительным компаниям при возможности участвовать в реализации

данных проектов в рамках совместной работы с китайскими коллегами. Банки КНР – Экспортно-импортный банк Китая и Банк развития Китая являются основными источниками финансирования для проектов «Пояс и путь». В качестве примера по состоянию на конец июня 2016 г. Китайский банк развития поддержал более 600 проектов в странах, расположенных вдоль «Пояса и пути», с остатками по ссудам, превышающими 110 млрд. долл. США [3]. В последнее время появились новые мощные финансовые институты, такие как Фонд Шелкового пути, Азиатский инвестиционный банк инфраструктуры (Азиатский инвестиционный банк) и Банк развития БРИКС, которые оказывают значительную финансовую поддержку проектам в рамках «Пояса и пути». В настоящее время международные проекты в области строительства по-прежнему имеют большие масштабы и высокие темпы роста. Это относится и к строительным компаниям Китая, которые имеют солидную финансовую поддержку со стороны международных финансовых институтов. По мнению международных экспертов, зарубежные заказы для китайских строительных компаний будут продолжать расти благодаря накопленному опыту предыдущих проектов, дальнейшей поддержки государства и банков. При этом ведущие компании Китая получили значительную выгоду, и их доля на международном рынке строительных работ и услуг постоянно увеличивалась. За 2018 г. рыночная доля доходов четырех ведущих китайских строительных компаний увеличилась с 2,3 % до 3,9 % [3]. Успешно построив свой бренд в 2014–2018 гг., ведущие строительные предприятия Китая с накопленным опытом и более высокой квалификацией специалистов и менеджеров выиграли крупные международные проекты в новом мировом строительном цикле.

Для формирования эффективного механизма кооперации строительных компаний КНР и РБ целесообразно использовать опыт развитых стран мира по реализации системы FIDIC в рамках международных контрактов при их реализации в рамках «Пояса и пути».

FIDIC – международная федерация инженеров-консультантов, признанная Всемирным банком, Азиатским банком развития и правительствами развитых стран. Система FIDIC установила свой высокий авторитет и влияние в международной строительной отрасли и занимается разработкой типовых условий контрактов для регулирования отношений участников международной инвестиционно-строительной деятельности. При этом федерация FIDIC разработала ряд основных положений, основанных на принципах беспристрастности и независимости. Сегодня система FIDIC охватывает более 100 стран. За рубежом контракты такого типа действуют в среде инвесторов, кредиторов, подрядчиков и заказчиков. Стандартизованные проекты этой системы позволяют разным странам с разными законодательствами и подходами к строительству «говорить на одном языке» в области международного строительства и финансирования международных строительных проектов. Эти типовые формы учитывают более чем столетний опыт работы стран-участниц в сфере международного строительства. С момента своего основания FIDIC составила и опубликовала серию текстов контрактов и документов по управлению контрактами, которые используются для стандартизации контракта и содействия управлению такими контрактами. Поэтому аббревиатура «FIDIC» обычно используется для обозначения условий контрактов FIDIC или методов FIDIC. Условия контрактов FIDIC – это нормативные и стандартизированные условия контракта, подготовленные организацией FIDIC для международного рынка контрактов. С момента появления условий контракта FIDIC они широко используются международными финансовыми организациями и правительствами, а также признаны и оценены инвесторами, инженерами-консультантами, подрядчиками и субподрядчиками в области международных инженерных контрактов. Они отражают отраслевые стандарты и руководство для закупок, строительства, управления контрактами, управления проектами и предъявления претензий. Выделим основные причины популярности международных контрактов FIDIC: во-первых, широта применения. Строительные инженерные проекты являются относительно сложными, в дополнение к профессиональным техническим методам строительства и организации и управления проектами, они также включают в себя природные и социальные условия страны, в которой находится данный проект. Условия контракта FIDIC известны своей полнотой и научностью. Кроме того, через часть «исключительных условий» в тексте договора части общих условий

первоначального договора может быть изменена по мере необходимости, чтобы в наибольшей степени соответствовать требованиям различных инженерных проектов и условиям страны. Таким образом, при условии соблюдения сроков и бюджета строительства применение условий контракта FIDIC может обеспечить успешное завершение различных крупных и сложных проектов. Во-вторых, рациональность норм. В последней версии условий контракта FIDIC – унаследовали многолетний опыт в области строительной науки в развитых странах и сосредоточились на самых передовых международных тендерах, торгах, строительстве, надзоре, претензиях, урегулировании споров и других сопутствующих вопросах. Условия контракта FIDIC не только четко определяют обязанности, права и связанные с ними обязательства участвующих сторон, но также регулируют фактические изменения и корректируют непредвиденные обстоятельства в соответствии с законами и правилами разных стран, изменениями в социальной среде и значительными колебаниями рыночных цен. В-третьих, строгое соблюдение договоренностей. В различных типах инженерных проектов, будь то торги на ранней стадии проекта или надзор за строительством и инжинирингом на более поздних стадиях, в последней версии условий контракта FIDIC были установлены строгие правила. Любая из сторон должна строго выполнять и не должна произвольно изменять. В то же время условия договора FIDIC также строго ограничивают поведение двух сторон договора. При этом целесообразно отметить, что с точки зрения законодательства в области строительства, Китай прошел различные этапы от разработки чисто технических спецификаций до принятия административных норм в области строительства, от принятия нормативных актов департаментов ведомств, местных нормативных актов до стандартизации норм в области строительства. С 1978 г. по настоящее время в Китае были разработаны многие нормативные акты, регулирующие строительную сферу и направленные на улучшение управления строительными проектами. В результате реформы строительной отрасли ускорился рост объемов строительства, начало развиваться строительство энерго- и землесберегающих зданий, улучшены комплексная пропускная способность города и уровень управления, расширены возможности управления рынком строительства и недвижимости, и улучшены муниципальные, общественные механизмы работы и надзора. Принцип автономии в контракте FIDIC является важнейшим принципом, предусмотренным сторонами в их правах и обязанностях, но стороны не должны превышать требования законодательства при использовании этого принципа в контракте FIDIC. Существуют четкие правила проведения торгов на право осуществления строительных проектов. Крупные строительные проекты в Китае имеют четкие правила для участвующих сторон в отношении квалификации, проведения торгов, субподряда и системы ответственности юридических лиц по проекту. Заключение таких инженерных контрактов в форме FIDIC должно соответствовать китайским законам и нормативно-правовым актам. Когда договор FIDIC предусматривает сотрудничество с иностранным государством, стороны договора не только заключают соглашение о применении определенного закона, но также могут выбирать правила, которые можно применять для разрешения спора по договору. Однако Китай все еще является развивающейся страной и находится в процессе перехода к стране с рыночной экономикой. Ограниченный таким уровнем экономического развития и конкретными историческими условиями общества, Китай все еще имеет разрыв с развитыми странами с точки зрения правовой системы и выполнения контрактов, в том числе и в рамках FIDIC. Как свидетельствует международная практика, строительная отрасль Китая достигла значительных результатов за последние два десятилетия, в том числе и через систему FIDIC. В стране были созданы эффективная система тендеров и система надзора за строительством объектов; проведено внедрение системы отчетности проекта и системы надзора за контрактами. Однако, при этом, еще имеются и проблемы в использовании контракта FIDIC. Так, например, в тех случаях, когда в договоре недостаточно четко прописаны обязательства сторон, возникают различные проблемы, и ожидаемые результаты не могут быть достигнуты. Это было заметно, например, во время реализации проекта Западного железнодорожного вокзала в Пекине. Итоги строительства этого проекта во многом способствовали тому, чтобы Китай принял условия контракта FIDIC для внутренних инженерных проектов. Еще одна

трудность внутреннего строительства – социальные требования. На протяжении всей истории условий контрактов FIDIC было установлено, что применение положений FIDIC производится и применяется в условиях развитой рыночной экономики. Применение условий контрактов FIDIC требует наличия правовой системы, направленной на обеспечение социальных гарантий для сотрудников в строительном процессе. На данном этапе Китай все еще сталкивается с трудностями при выполнении данных требований в условиях контракта FIDIC. С одной стороны, Китай находится в процессе перехода к рыночной экономике, и новые социальные механизмы пока полностью не заменили систему плановой экономики. С другой стороны, в настоящее время формирование правовой системы Китая все еще не завершено. Встречаются случаи нарушения условий контрактов вследствие нечеткого понимания правовой системы. Для рассмотрения спорных дел в судебном порядке необходимы судьи и другие специалисты, профессионально разбирающиеся в строительных, инженерных и экономических вопросах. В дополнение к требованиям социальной системы, реализация условий контракта FIDIC также требует выполнения условий, таких как уровень управления и качество управленческого персонала. Управление строительным проектированием является наукоемкой деятельностью, которая объединяет множество профессиональных дисциплин и требует наличия управленческого, экономического, юридического и инженерного опыта. Это предъявляет высокие требования к качеству управленческого персонала, который должен обладать высоким уровнем профессиональных знаний, богатым практическим опытом и хорошими управленческими, координационными возможностями. В условиях все более жесткой конкуренции на мировом строительном рынке предъявляются более высокие требования к техническому уровню оборудования и качеству управления крупными строительными проектами. Ввиду того, что национальная строительная индустрия Китая прошла период активного развития за довольно короткий промежуток времени, не хватает опыта управления крупными строительными проектами, особенно контрактного управления. С одной стороны, некоторые проекты часто являются предметом большого количества претензий со стороны иностранных подрядчиков, а с другой стороны, в крупных контрактных проектах управление качеством проекта и контроль графика соответствуют ожиданиям заказчика, но происходят задержки платежей по контракту. С тех пор как Китай присоединился к ВТО, с одной стороны, все больше иностранных компаний выходит на рынок строительной индустрии Китая, а с другой стороны, все больше национальных проектов самостоятельно выбирают условия контракта FIDIC для строительства. В процессе реформирования и открытости национальной экономики строительная отрасль Китая предъявляет повышенные требования к механизму регулирования крупными международными проектами и соответствия международным стандартам. Условиям контракта FIDIC в Китае уделяется первостепенное значение, и за более чем два десятилетия их применения в стране существует множество успешных примеров. Так, проект «Эртанская ГЭС» является первым национальным проектом, в котором был реализован механизм международных торгов и осуществлялось управление строительством в соответствии с условиями контракта FIDIC. В рамках данного проекта Всемирный банк предоставил наибольшее количество кредитов отдельным проектам (930 млн. долл. США). Строительство Эртанской ГЭС стало первым в Китае, где было внедрено управление «четырьмя системами» (система ответственности проектной организации, система тендера по проекту, система надзора за проектом и система управления контрактами) во главе с системой ответственности заказчика, что соответствует требованиям FIDIC. Таким образом, FIDIC сегодня в Китае – это международный стандарт условий международных строительных контрактов. В нем воплощены правила рыночных транзакций: симметрия ответственности, равенство и взаимная выгода, выполнение контрактов и надежность, разделение рисков, кодекс поведения и управление процедурами. Это и важный критерий управления, который справедливо регулирует поведение участников инженерного проекта, ограничивает обе стороны договора, уравнивает требования и интересы обеих сторон договора и справедливо распределяет риски и обязанности всех сторон.

Республика Беларусь фактически находится примерно в схожих условиях. Более широкое применение в Беларуси контракта FIDIC, как и в Китае, позволит оказать значительное влияние на реформу управления строительным бизнесом. Как свидетельствует международный опыт, движение в этом направлении идет от использования контрактов этого типа несколькими крупными строительными компаниями до понимания и использования такой контрактной системы на международном рынке, и далее до принятия и использования генерального подрядного инжиниринга на территории всей страны. Рассмотрим некоторые проблемы Беларуси с активным внедрением контрактов FIDIC. Ситуация схожа с китайской: из-за необходимости реформировать многие положения в рамках устаревшей системы и относительного отставания законов и нормативно-правовых актов от требований контракта FIDIC и международного рынка. Так, в Республике Беларусь с 21 октября 2011 г. действует новая редакция Правил заключения и исполнения договоров строительного подряда. В частности, Правилами была введена процедура согласования при увеличении сроков строительства. Согласование должно проводиться с Министерством архитектуры и строительства Республики Беларусь или местными исполнительными и распорядительными органами (в зависимости от источника финансирования работ). Было отменено лицензирование для строительной деятельности, и теперь подрядчику необходимо иметь аттестованных специалистов в штате и иметь разрешительную документацию на право архитектурной, градостроительной и строительной деятельности. По новым правилам подрядчик должен предоставлять заказчику сведения о строительном оборудовании, транспортных средствах, материалах для строительства. Целесообразно отметить, что новые правила позволили сторонам регулировать свои отношения с применением международных типовых контрактов, в частности, контракта FIDIC. Однако такие контракты применялись разово вплоть до 2019 г. Предполагалось, что до конца 2019 г. Правительство Беларуси сможет адаптировать национальное законодательство в строительной сфере к требованиям типовых контрактов FIDIC. Внедрение стандартов FIDIC позволит белорусским строительным компаниям быстрее и проще реализовывать строительные проекты в международной сфере и привлекать для них дополнительное финансирование из-за рубежа. Однако при этом стандарты FIDIC отличаются от требований белорусского законодательства в ряде факторов, и эти противоречия необходимо оперативно устранить. В FIDIC прописаны другие протоколы урегулирования споров, финансирования проектов, отчетности и пр. Удобство стандартных договоров в системе FIDIC состоит в том, что они могут легко адаптироваться к условиям разных стран и условиям сторон, это делает их удобными в применении. Сегодня система FIDIC активно используется в Азии, Америке, Европе, России, Украине, Казахстане. Целесообразно отметить, что чаще всего они используются в сфере крупных инфраструктурных объектов и при финансировании проектов международными банками. По мнению международных экспертов, при адаптации белорусского законодательства к требованиям системы FIDIC Беларусь сможет реализовывать международное сотрудничество в строительной сфере с меньшими трудностями и затратами, а также привлекать дополнительное финансирование из-за рубежа. Это позволит повысить инвестиционную привлекательность страны, так как использование договоров типа FIDIC позволяет повысить доверие иностранных инвесторов к проектам в области международного строительства. Правомерно отметить, что в Республике Беларусь действует национальная ассоциация правоприменения FIDIC, и в стране имеются отдельные договоры FIDIC для инвестиционных проектов, так, в частности, были реализованы проекты по стандартам FIDIC в дорожном строительстве и при реконструкции очистных сооружений, финансируемых Европейским банком реконструкции и развития, а также имеются отдельные проекты с привлечением частных иностранных инвестиций. Крупные строительные объекты в Беларуси на современном этапе, как правило, являются международными, и их реализация требует привлечения зарубежного капитала. В условиях неизбежной экономической интеграции тем, кто хочет работать с иностранными партнерами, необходимо учитывать их требования работать на основе FIDIC. Каждая страна в этом случае должна иметь сформированную инфраструктуру, прозрачную для иностранных инвесторов и привлекательную для них среду. Инвестор должен видеть, что рис-

ки максимально снижены для него. Для унификации международных строительных норм как раз и необходимо последовательное внедрение стандартов FIDIC и расширение их использования в строительной отрасли. Знание принципов работы контрактов FIDIC позволит специалистам Республики Беларусь более активно выходить на международные рынки, получать международные контракты, участвовать в международных тендерах в строительной сфере. Применение таких стандартов позволяет экономить временные и финансовые ресурсы, в том числе и в случае возникновения разногласий и спорных ситуаций. Целесообразно отметить, что в структуре большинства типовых договоров FIDIC выделяется две части – общая (где содержатся нормы по общему применению) и особенная (где изложены специфические для данного проекта черты). Кроме них, в договоре могут быть приложения, которые определяют разные аспекты взаимоотношений сторон. Применение договоров FIDIC удобно для освоения новых рынков, в том числе рискованных рынков, осложненных коррупцией или неразвитыми правовыми системами. Каждый договор может быть доработан с учетом действующего законодательства определенной страны, именно поэтому есть широкие и перспективные возможности использования договоров системы FIDIC в Республике Беларусь и Китайской Народной Республике при строительстве объектов инфраструктуры в рамках «Пояса и пути».

Заключение. Китай добился больших успехов в международных проектах в рамках реализации китайской инициативы «Пояса и пути». Поэтому более активное привлечение крупных китайских строительных компаний (имеющих большой опыт в рамках FIDIC) для реализации совместных международных проектов КНР и РБ в Европе и Азии позволит: 1) привлекать финансирование из крупных международных банков Китая; 2) организовывать международное сотрудничество между двумя странами на разных уровнях; 3) продвигать новейшие строительные методы и технологии; 4) проводить обмен передовым опытом; 5) улучшать правовую обстановку в строительной сфере страны; 6) развивать и эффективно использовать человеческий капитал.

Литература

1. Посольство Республики Беларусь в Китайской Народной Республике [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://china.mfa.gov.by>. – Дата доступа : 23.07.2021.
2. Официальный портал Национального статистического комитета Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.belstat.gov.by>. – Дата доступа : 24.07.2021.
3. Сяюй, Л. Китайское поглощение иностранных инвестиций в 2018 году достигло рекордного уровня / Л. Сяюй // China News Network. – Режим доступа : <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1622634126587194439&wfr=spider&for=pc>. – Дата доступа : 19.03.2020.
4. Енин, Ю. И. Современное состояние и отдельные направления развития взаимной торговли стран-членов ЕАЭС в условиях пандемии COVID-19 / Ю. И. Енин, Н. А. Подобед, Л. С. Пацай // Белорусский экономический журнал. – 2021. – № 3. – С. 29–39.
5. Енин, Ю. И. Международная торговля строительными услугами РБ и КНР / Ю. И. Енин, Ци Хуайюань, А. Ю. Дашко // Проблемы прогнозирования и государственного регулирования социально-экономического развития : материалы XXII Международной научной конференции, Минск, 21–22 октября 2021 г. : в 3 т. / НИЭИ Минэкономики РБ ; редкол.: Н. Г. Берченко [и др.]. – Минск, 2021. – Т. 2. – С. 20–21.

¹Белорусский государственный
экономический университет

²Институт экономики НАН Беларуси

УДК 330.1

О необходимости социального и налогового регулирования предпринимательской деятельности

З.А. ИЛИМЖАНОВА

Принимаемые правительством меры социального регулирования нуждаются в введении мер налогового регулирования. Изменения в процессе социального регулирования условий ведения предпринимательской деятельности самозанятых граждан, имеющих личное подсобное хозяйство в настоящее время не учитываются в расчёте и прогнозе их налогового потенциала. Участие самозанятых граждан в различных социальных программах не позволяет увидеть их ретроспективную и перспективную историю в качестве налогоплательщика. Прозрачность «налоговой истории» самозанятого гражданина позволит рассчитать эффективность социальных программ, проводимых правительством и возможные риски. Сочетание двух мер регулирования, социального и налогового позволят сдерживать побочные эффекты роста издержек производства, улучшить благосостояния самозанятых граждан и подготовить их к добросовестному участию в социальных фондах и контроля со стороны государственного социального аудита.

Ключевые слова: социальное регулирование, бедность, налоговое регулирование, личное подсобное хозяйство, налоговое обязательство, адресная социальная помощь, побочные эффекты, издержки регулирования, налоговые меры администрирования, крестьянское хозяйство, доход, налоговая ставка, налогоплательщик, мораторий, социальные фонды, государственный социальный аудит.

The social regulation measures taken by the Government need introducing tax regulation measures. Changes in the process of social regulation of the business conditions of self-employed citizens with a personal subsidiary farm are currently not taken into account in the calculation and forecast of their tax potential. The participation of self-employed citizens in various social programs does not allow them to see their retrospective and prospective history as a taxpayer. Transparency of the «tax history» of a self-employed citizen will allow calculating the effectiveness of social programs conducted by the government and possible risks. The combination of two regulatory measures, social and tax, will help to contain the side effects of the growth of production costs, improve the well-being of self-employed citizens and prepare them for conscientious participation in social funds and control by the state social audit.

Keywords: social regulation, poverty, tax regulation, personal subsidiary farming, tax obligation, targeted social assistance, side effects, regulatory costs, tax administration measures, peasant farming, income, tax rate, taxpayer, moratorium, social funds, state social audit.

Введение. Наряду с мерами экономического, в том числе налогового регулирования в шестидесятых годах прошлого столетия, появляется социальное регулирование, в основном в части условий производства товаров и услуг, их объемом производства, влиянием производства на общество [1].

Социальное регулирование позволяет поднять общий уровень благосостояния, но при условии, что предельные издержки социального регулирования не станут превышать его предельные выгоды.

Проблемы выхода из состояния бедности усугубляются нежеланием получателей социальных пособий менять свой статус, так как повышение уровня доходов выводит их из числа участников государственных программ социального обеспечения и в то же время не улучшает сколько-нибудь их материального положения после вычета налогов.

Основная часть. В Республике Казахстан в настоящее время принимаются меры по масштабированию положительного опыта развития проекта сельхозкооперации в Жамбылской области, или практически одна из новых мер социального регулирования, направленная на повышение доходов в основном представителей социально-уязвимых слоев населения [2].

В сельской местности региона проживает 685,1 тыс. человек (60,1 %) из 1 млн. 139 тыс. человек. Получателями пособия по адресной социальной помощи являются 51,1 тыс. человек, из них 31,1 тыс. человек (60,8 %) сельских жителей.

С начала проекта в 2019 г. из освоенных 9,2 млрд. тенге получателями кредитов стали 2478 жителей и 11 новых сельхозкооперативов.

В сфере растениеводства на 95 % возросла эффективность использования приусадебных участков и более 10 тысяч га паевых земель.

В животноводстве приобретено 45032 головы скота на 6,4 млрд. тенге.

Кроме того, на 972,4 млн. тенге приобретено 190 единиц сельхоз техники. Жителями региона открыто 11 проектов, финансирование которых составило 56,2 млн. тенге.

Первые итоги выглядят следующим образом: возросло количество зарегистрированных предпринимателей на 2282 человека, расчетная эффективность составит 14,9 млрд. тенге (годовая 2,98 млрд.).

Одновременно, увеличились показатели занятости: снижение количества безработных на 194 человека, создано 589 рабочих мест, уменьшилось на 1058 количество семей, получавших адресную социальную помощь (65 %), где среднемесячный доход участников возрос с 44 тыс. тенге до 73 тыс. тенге, т. е. рост на 165 %.

Для масштабирования проекта в регионы необходимо для 29 тыс. личных подсобных хозяйств (далее – ЛПХ) финансирование порядка 117 млрд. тенге.

Планируются следующие условия финансирования для ЛПХ, где срок займа до 7 лет, средняя сумма займа – до 4 млн. тенге, ставка по займам составляет 2,5 % годовых.

На наш взгляд, здесь несомненно надо параллельно внедрять меры налогового регулирования для участников все новых и новых проектов социального регулирования, в результате которых будет достигнуто исполнение налогового обязательства в полном объеме новыми налогоплательщиками, а также будет прогнозироваться ожидаемый налоговый потенциал [3].

Проект, несомненно, выделяет наиболее сложную категорию для налогового и социального регулирования – личное подсобное хозяйство или самозанятые граждане.

В Земельном кодексе от 20.06.2003 г. впервые был введен этот термин, в настоящее время в Республике Казахстан готовится к принятию Закон «О личном подсобном хозяйстве» [4].

В части налогового и социального регулирования местные представительные органы будут определять нормативы содержания животных в ЛПХ или предельно допустимое количество животных в одном личном хозяйстве и правила их содержания.

Граждане будут обязаны помимо других требований предоставлять информацию о личном подсобном хозяйстве государственным органам, обеспечивать целевое использование животных, приобретаемых по программе поддержки развития животноводства.

Учет ЛПХ будет осуществляться в похозяйственных книгах местных исполнительных органов. При действии таких норм законодательства, несомненно, возможен учет доходов ЛПХ в результате функционирования масштабных проектов на территории страны.

Функция социального регулирования здесь выражена в разработке условий, в которых производятся товары и услуги, влиянием производства на общество и физическими характеристиками самих товаров [5].

В данном случае – это раскрытие таких понятий как животные, культурных (искусственных), обводненных пастбищ, предельные размеры участков.

Социальное регулирование раскрывает права и обязанности граждан, ведущих ЛПХ. Одним из наиболее интересных и перспективных выгод является право на создание кооперативов, общественных объединений и ассоциаций.

Одной из слабых сторон таких проектов являются неучтенные побочные эффекты, что может привести к большим издержкам регулирования, или уменьшение выгод регулирования.

Если рассматривать проект в контексте изменений условий труда, климата, погодных условий, то он должен масштабироваться до тех условий, когда предельные выгоды от социального регулирования будут хотя бы равны расходам на них.

На наш взгляд, здесь важна прозрачность субъекта рынка как для социального, так и налогового регулирования, где больше важно не увеличение налогового бремени, а открытость налоговой базы, участие в виде заимствования в государственных программах социального обеспечения, что в свою очередь дает право участвовать в дальнейшем в социальных программах, и в случае успешности, быть добросовестным налогоплательщиком, добросовестным плательщиком отчислений в социальные фонды [6].

Государство посредством налогового регулирования, а это косвенное воздействие на экономические и социальные процессы, через комплекс мер, может сдерживать побочные эффекты роста издержек производства и способствовать росту доходов участников таких проектов, как в Жамбылской области пока в промежуточных итогах отличается только рост количества индивидуальных предпринимателей.

В комплекс налоговых мер может входить изменение вида, ставок, льгот налогов, а также повышение или снижение общего уровня налогообложения, отчислений в бюджет.

В проекте можно применить, сохраняя интересы конкретных социальных слоев, новые меры налогового регулирования, по результатам которых назрела необходимость внесения в Налоговый кодекс нормы налогового обязательства для участников льготных государственных программ. В настоящее время трудно определить эффективность бюджетных вложений, так как налоговое обязательство ограничивается практически регистрационным учетом налогоплательщика в органах государственных доходов, дальнейшее исполнение налогового обязательства в свете мер социального регулирования не рассматривается.

До сих пор нет научного метода определения платежеспособности налогоплательщика. В случае с ЛПХ есть семьи, выращивающие сезонные овощи для своей семьи и ЛПХ, имеющие большое количество скота на приусадебном участке, и эти различия не учитываются при их одинаковых условиях участия в государственных программах [7].

В части же налогообложения личных подсобных хозяйств вносим следующие предложения: наиболее приемлемым к обложению ЛПХ режимом является специальный налоговый режим для крестьянских или фермерских хозяйств согласно ст. 702, 703, 704 Налогового кодекса Республики Казахстан, где объектом обложения является полученный за налоговый период доход от реализации сельскохозяйственной продукции собственного производства. Исчисление единого земельного налога производится налогоплательщиком самостоятельно путем применения к объекту налогообложения за отчетный налоговый период ставки в размере 0,5 % и обязанностью ежемесячно уплачивать пенсионные взносы, взносы в социальные фонды. Главному вхождению в процесс налогообложения будет способствовать объявленный Президентом мораторий с 1 января 2020 г. до 1 января 2023 г. на проверки и профилактический контроль и надзор с посещением субъектов малого предпринимательства в РК [8], [9].

Данные предложения подтверждают принцип платежеспособности, где налоги должны быть пропорциональны доходу и уровню благосостояния налогоплательщика, а также контролировать предельные издержки социального регулирования и эффективность масштабных государственных программ по выводу из бедности, на функционирование которых ежегодно выделяется порядка 45 % расходов в стране.

Заключение. Развивающийся в настоящее время государственный социальный аудит контролирует расходы, направленные на стабилизацию экономики в рамках государственных программ и оценку достижения социального эффекта, что может в последующем законодательно закрепить методологию оценки, а также критерии социального и налогового регулирования [10].

Таким образом, предлагаемые меры налогового регулирования самозанятых и лиц, занятых ведением личного подсобного хозяйства позволят им в первую очередь, выйти из «тени», легализовать статус «налогоплательщика» и регулярно производить отчисления в социальные фонды, что будет способствовать исключению диспропорций между предпринимательскими, трудовыми доходами населения и социальными трансфертами государства, снижению бедности.

Литература

1. Макконелл, К. Р. Экономикс : принципы, проблемы и политика : учебник / К. Р. Макконелл, С. Л. Брю, Ш. М. Флинн ; пер. с англ. – 19-е изд. – М. : ИНФРА-М, 2017. – XXVIII, 1028 с.
2. Нурғалиев, Д. Алгоритмы масштабирования / Д. Нурғалиев // Казахстанская правда. – 2021. – 4 авг. – С. 3.
3. Мельников, В. Д. Финансы : учебник / В. Д. Мельников, К. К. Ильясов. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Алматы : Қаржы-Қаражат, 1997. – 472 с.

4. Земельный кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс] : 20 июня 2003 г., №442 : с изм. и доп. – Режим доступа : https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1040583. – Дата доступа : 11.09.2021.
5. Исаков, В. Б. Теория государства и права: игропрактикум / В. Б. Исаков, Д. М. Азми, Ю. Г. Арзамасов. – М. : НОРМА, ИНФРА-М, 2020. – С. 109–118.
6. Об обязательном социальном страховании [Электронный ресурс] : Закон Республики Казахстан, 26 декабря 2019 г., № 286-VI ЗРК. – Режим доступа : https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32615593. – Дата доступа : 11.09.2021.
7. Об утверждении Государственной программы развития продуктивной занятости и массового предпринимательства на 2017–2021 годы «Енбек» [Электронный ресурс] : постановление Правительства Республики Казахстан, 13 ноября 2018 г., № 746. – Режим доступа : https://online.zakon.kz/m/document/?doc_id=37399591. – Дата доступа : 12.09.2021.
8. О налогах и других обязательных платежах в бюджет (Налоговый кодекс) [Электронный ресурс] : кодекс Республики Казахстан, 25 декабря 2017 г., № 120-VI : с изм. и доп. по сост. на 24.06.2021 г. – Режим доступа : https://online.zakon.kz/document/?doc_id=36148637. – Дата доступа : 12.09.2021.
9. О внесении дополнения в Указ Президента Республики Казахстан от 26 декабря 2019 г. № 229 «О введении моратория на проведение проверок и профилактического контроля и надзора с посещением в Республике Казахстан» [Электронный ресурс] : Указ Президента Республики Казахстан, 17 сентября 2020 г., № 417. – Режим доступа : <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2200000798>. – Дата доступа : 12.09.2021.
10. Муканова, А. Аудит на благо граждан / А. Муканова // Казахстанская правда. – 2021. – 13 сент. – С. 3.

Жетысуский университет им. И. Жансугурова

Поступила в редакцию 22.10.2021

Феномен стартапов-единорогов: опыт Китая

А.А. КАЗУЩИК, СУН ЧЖОТАО

В статье рассматривается тенденция последнего десятилетия – появление технологических стартапов, получивших рыночную оценку более 1 миллиарда долларов. Авторы анализируют статистику по компаниям-единорогам, рассматривают китайский опыт инвестирования в эти компании.

Ключевые слова: стартап, инвестирование, компания-единорог.

The article examines the trend of the last decade – the emergence of technology startups that have received a market valuation of more than \$1 billion. The authors analyze the statistics on unicorn companies, consider the Chinese experience of investing in these companies.

Keywords: startup, investment, unicorn company.

Стремительное развитие информационных технологий за последнее десятилетие способствовало возникновению нового феномена – с компаниями-гигантами начинают успешно конкурировать частные компании-стартапы, оценка которых по мнению инвесторов превышает 1 млрд. долл. Такие компании по инициативе венчурного предпринимателя Айлин Ли в 2013 г. получили название «единороги» (unicorn) в коннотации «редкостный, уникальный». Как правило, компания-единорог выделяется инвесторами на этапе стартапа, поскольку результат деятельности компании имеет большие перспективы на рынке. Мировая практика показывает, что только 0,07 % стартапов смогли достичь оценки в 1 млрд. долл., причем меньше чем за 10 лет.

Следует отметить, что определение стартапа было впервые введено компанией Gartner в 1985 г. Стартапы, или вновь образованные предприятия, – это конечный успех создания и организации нового бизнеса для разработки, производства и вывода на рынок продукта или услуги, которые удовлетворяют неудовлетворенный рыночный спрос с целью получения прибыли и роста [1]. Chrisman, Bauerschmidt и Hofer в 1998 г. определили стартапы как стадию развития бизнес-предприятия до достижения им зрелой коммерческой стадии. Все их определения стартапов имеют общую характеристику – это компании, которые молоды, находятся на ранних стадиях развития, не имеют достаточных ресурсов и капитала [2]. Согласно кривой развития компании, стартап – начальный этап развития компании, представляющий собой коммерческий проект, основанный на уникальной инновационной идее, требующий финансирования для дальнейшего развития [3].

Стартапы обладают следующими характеристиками:

- имеют многообещающие перспективы роста и сильный потенциал для инноваций;
- не имеют достаточного капитала по сравнению с уже развитыми и зрелыми предприятиями;
- структура управления относительно однородна, а собственность и операционная деятельность еще не разделены;
- риск неудачи высок; порядка 90 % стартапов терпят провал.

Поскольку **Unicorn** рассматриваются как стартапы, не зарегистрированные на бирже, оценка стоимости компании становится важной задачей. В настоящее время среди международных структур, занимающихся оценкой, можно отметить *Клуб единорогов TechCrunch* (Aileen Lee), *Клуб мобильных единорогов Digi-Capital*, *Клуб единорогов стартапов CB Insights*, *Клуб единорогов стартапов Wall Street Journal* и *Клуб единорогов Fortune* [4]. Китайские агентства по оценке включают Центр Министерства науки и технологий (обычно совместно с Административным комитетом Чжунгуаньцунь и Институтом корпоративной стратегии «Великая стена») и Исследовательский институт «Хурун», которые регулярно публикуют списки единорогов.

Поскольку в мировой практике отсутствует единая методика оценки компаний-единорогов, различные аналитические ресурсы приводят разные данные о количестве таких компаний. По состоянию на 05.02.2022 г. *CB Insights* называет 1 000 компаний [5]; *Crunchbase Private Unicorn Company List* относит к единорогам 1 199 компаний [6], а *Dealroom* – 2 250 [7].

Рассмотрим современное состояние феномена компаний-единорогов, основываясь на данных *CB Insights* [5]. Совокупная оценка 1 000 компаний достигла 3 281 миллиарда долларов. Топ-5 компаний по стоимости представлен *Bytedance* (140 млрд. долл.), *SpaceX* (100,3 млрд. долл.), *Stripe* (95 млрд. долл.), *Klarna* (45,6 млрд. долл.) и *Epic Games* (42 млрд. долл.). Распределение компаний-единорогов по стоимости приведено в таблице 1.

Таблица 1 – Распределение компаний-единорогов по стоимости

Страна регистрации	Стоимость компании					Всего компаний
	более 10 млрд. долл.	4,0–9,9 млрд. долл.	2,0–3,9 млрд. долл.	1,1–1,9 млрд. долл.	1 млрд. долл.	
США	28	70	143	164	105	510
Китай	9	18	32	58	50	167
Индия	2	9	19	18	11	59
Великобритания	3	9	8	11	8	39
Германия	1	4	7	7	6	25
Франция		3	7	8	6	24
Израиль		3	6	9	6	24
Канада		4	4	5	4	17
Бразилия		3	5	1	6	15
Сингапур			3	2	7	12
Южная Корея		2	3	3	3	11
Гонконг	2		1	2	2	7
Индонезия	1		2		3	6
Швеция	1	1	1	2	1	6
Австралия	1	1		2	2	6
Япония			2	2	2	6
Швейцария			1	1	2	4
Испания			1	3		4
ОАЭ			1		2	3
Другие страны		10	15	17	13	55
Всего	48	137	261	315	239	1000

Как свидетельствуют данные таблицы 1, наибольшее количество компаний зарегистрированы в США (51 %) и Китае (16,7 %). Среди компаний, стоимость которых превышает 10 млрд. долл., 58 % приходится на США, 18,7 % – на Китай. Количество компаний-единорогов в категории «Другие страны» следующее: Аргентина (1), Австрия (2), Бельгия (3), Бермуды (1), Вьетнам (2), Чили (2), Колумбия (2), Хорватия (1), Чешская Республика (1), Дания (2), Эстония (2), Финляндия (2), Ирландия (5), Литва (1), Люксембург (1), Малайзия (1), Мексика (6), Нидерланды (5), Нигерия (1), Норвегия (4), Филиппины (2), Сенегал (1), Южная Африка (3), Таиланд (2), Турция (2).

Распределение компаний-единорогов по отраслям представлено в таблице 2.

Таблица 2 – Распределение компаний-единорогов по отраслям

Отрасль	Стоимость компании					Всего компаний
	более 10 млрд. долл.	4,0–9,9 млрд. долл.	2,0–3,9 млрд. долл.	1,1–1,9 млрд. долл.	1 млрд. долл.	
Финансовые технологии	12	32	56	57	49	206
Программное обеспечение	9	26	53	63	33	184
Электронная коммерция	5	15	28	37	24	109
Искусственный интеллект	2	12	17	21	25	77
Медицина и здоровье	2	11	14	23	16	66
Поставки, логистика	4	1	12	18	18	53
Кибербезопасность		8	13	12	10	43
Управление данными и аналитика	2	5	10	17	7	41
Мобильная связь и телекоммуникации		5	10	10	12	37
Аппаратное обеспечение	3	5	6	8	10	32

Окончание таблицы 2

Автомобилестроение и транспорт	1	6	10	11	2	30
Образование и технологии	2	1	10	7	8	28
Ритейл	3	2	4	8	8	25
Путешествия		2	4	5	3	14
Другое	3	6	14	18	14	55
Всего	48	137	261	315	239	1000

Как свидетельствуют данные таблицы 2, наибольшее количество компаний приходится на сферы: финансовые технологии (20,6 %), разработка программного обеспечения (18,4 %), электронная коммерция (10,9 %), медицинские технологии и здоровье (6,6 %), обеспечение поставок и логистических операций (5,3 %). Следует отметить, что из 48 компаний-декакорнов, стоимость которых превысила 10 млрд. долл., 12 компаний (25 %) работают в сфере финансовых технологий и 9 компаний (18,7 %) занимаются разработкой программного обеспечения.

Рассмотрим распределение компаний-единорогов по годам регистрации, представив данные в таблице 3.

Таблица 3 – Распределение компаний-единорогов по годам регистрации

Годы	Стоимость компании					Всего компаний
	более 10 млрд. долл.	4,0–9,9 млрд. долл.	2,0–3,9 млрд. долл.	1,1–1,9 млрд. долл.	1 млрд. долл.	
2007				1		1
2011	1	1				2
2012	2		2			4
2013				2	1	3
2014	2	4	2	2	3	13
2015	2	3	8	9	13	35
2016	2	4	5	7	4	22
2017	5	5	10	15	10	45
2018	13	21	21	26	23	104
2019	7	27	31	27	15	107
2020	5	29	41	20	12	107
2021	8	41	135	180	147	511
2022 (на 02.02.2022)	1	2	6	26	11	46
Всего	48	137	261	315	239	1000

Данные таблицы показывают, что более половины всех компаний-единорогов зарегистрированы в 2021 г. Можно прогнозировать сохранение интереса инвесторов к технологическим стартапам в 2022 г., на первый месяц которого приходится 4,6 % всех компаний-единорогов. Динамика появления компаний-единорогов по годам представлена на рисунке 1.

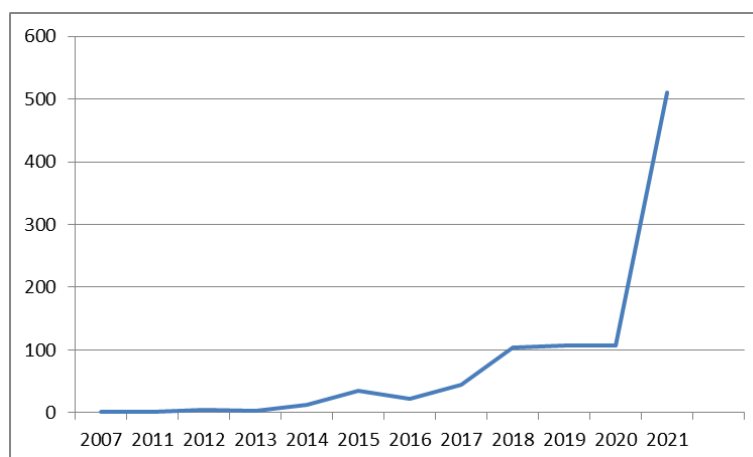

Рисунок 1 – Распределение компаний-единорогов по годам регистрации

Далее обратимся к опыту Китайской Народной Республики.

Теоретико-методологическая база исследования стартап-компаний представлена работами ряда китайских ученых. Так, *Zhao Yulin* и *Huang Zhigang* (2000) изучили жизненный цикл технологических стартапов и разделили процесс их развития на четыре различных этапа: период стартапа, период обучения и стабилизации, период быстрого развития и период консолидации и зрелости. *Han Ruiqiang* и *Xu Chengming* (2008) предположили, что путь роста стартапов проходит через пять стадий: посев, запуск, расширение, зрелость и спад. Технологические предприятия на каждом этапе имеют различные характеристики, и их стратегии финансирования должны основываться на характеристиках этапа, на котором развивается предприятие, чтобы выбрать соответствующую модель финансирования [9]. *Zhang Aizhu* (2010), изучая проблему финансирования стартапов, предложил соответствующее решение: стартапы могут использовать нематериальные активы, такие как патенты и торговые марки, для залога при финансировании. Таким образом, перспективные малые и средние технологические стартапы с нематериальными активами, такими как интеллектуальная собственность, могут получить кредитную поддержку. *Wang Honglin* (2000) в ходе исследования способа финансирования стартапов предложил изменить способ финансирования с преимущественно долгового финансирования на преимущественно акционерное финансирование, такое как венчурный капитал и листинговое финансирование. Это позволит сформировать диверсифицированную систему финансирования высокотехнологичных предприятий с преимущественно акционерным финансированием, дополненным собственными средствами, вкладом государства и банковскими кредитами. *Wang Xuedong* (2018) разработал количественную систему показателей предварительной оценки бизнес-модели стартапа [10]. *Zheng Zheng* (2017) провел исследование ценностных характеристик стартапов, предложил соответствующие кейсы [11]. *Zhong Guangchi* (2016) изучал развитие стартапов с институциональной точки зрения [13].

После проведения экономической реформы и вступления Китая в ВТО модель экономического развития страны начала меняться от традиционной экономики к открытой. Термин «*двойные инновации*» впервые прозвучал из уст премьера Госсовета КНР Ли Кэцяна на Давосском форуме в сентябре 2014 г., где было предложено запустить новую волну «массового предпринимательства и низового предпринимательства», создав новую тенденцию «*инновации для всех*».

В отчете о работе правительства за 2015 г. Ли Кэцян отметил, что необходимо сделать «массовое предпринимательство и инновации для всех» ключевыми драйверами, которые будут способствовать дальнейшему развитию экономики Китая. Была поставлена задача «стимулировать дух предпринимательства и инновационный ген нации». В сентябре 2018 г. Государственный совет Китая выпустил «Рекомендации по продвижению высококачественного развития инноваций и предпринимательства для создания обновленной версии *двойных инноваций*» [8].

В вышеуказанном контексте Китай вступил в новую эру предпринимательства и инноваций, что является отражением демократизации инноваций в экономике знаний. В частности, быстрое развитие информационных технологий упростило получение знаний и значительно облегчило людям обмен интеллектуальными достижениями друг с другом. Основная часть предпринимательского пространства также изменилась от первоначальной корпоративной элиты и ученых к широким слоям населения.

За 20 лет ВВП Китая вырос почти в 13 раз (с 962 млрд. долл. в 1997 г. до 12,3 трлн. долл. в 2017 г.). Благодаря таким условиям, как наличие инвестиционного капитала в результате экономического роста и огромного рынка с населением в 1,4 миллиарда человек, число стартапов в Китае неуклонно продолжает расти. Согласно статистике, предоставленной Национальной комиссией по реформам и развитию (NDRC) Китайской Народной Республики, с 2000 г. китайская индустрия венчурного капитала растет более быстрыми темпами, чем рынки США и Европы. В настоящее время в Китае действует более 3500 венчурных фондов, под управлением которых находится в общей сложности почти 2 трлн. юаней (около 285 млрд. долл.).

В таблице 4 представлены компании-единороги Китая. Суммарная стоимость китайских компаний-единорогов составляет 569,5 млрд. долл. (17,35 %).

Таблица 4 – Компании-единороги Китая

Отрасль	Стоимость компании					Всего компаний
	более 10 млрд. долл.	4,0–9,9 млрд. долл.	2,0–3,9 млрд. долл.	1,1–1,9 млрд. долл.	1 млрд. долл.	
Финансовые технологии			1	3	4	8
Программное обеспечение			3	6	4	13
Электронная коммерция	2	5	6	8	9	30
Искусственный интеллект	1	2	5	5	4	17
Медицина и здоровье		2	2	1	3	8
Поставки, логистика				7	4	11
Кибербезопасность				2		2
Управление данными и аналитика				2		2
Мобильная связь и телекоммуникации			4	5	5	14
Аппаратное обеспечение	2	4	1	3	7	17
Автомобилестроение и транспорт	1	2	6	7	1	17
Образование и технологии	1	1	1	4	5	12
Ритейл	2	1	1	1	3	8
Путешествия			1	2		3
Другое		1	1	2	1	5
Всего	9	18	32	58	50	167

Таким образом, благодаря экономическому росту и развитию интернет-технологий Китай сегодня является вторым по величине инвестиционным рынком в мире.

Литература

1. Gartner, W. B. A conceptual frame for describing the phenomenon of new venture creation. / W. B. Gartner // Academy of Management Review. – 1985. – № 10. – P. 696–706.
2. Chrisman, J. The determinants of new venture performance : an extended model. / J. Chrisman, A. Bauerschmidt, C. Hofer // Entrepreneurship Theory and Practice. – 1998. – № 23 (1). – P. 5–29.
3. Kirzner, I. M. Competition and entrepreneurship / I. M. Kirzner. – Chicago : The University of Chicago Press, 1973. – P. 63–65.
4. Лю, Чэн. «Предприятия-единороги» на подходе / Лю Чэн, Ван Шэньнань // Guangming Daily. – 2016. – № 11. – P. 11.
5. CBInsights [Electronic resource] – Mode of access : <https://www.cbinsights.com/research-unicorn-companies>. – Date of access : 28.01.2022.
6. Crunchbase Private Unicorn Company List [Electronic resource] – Mode of access : <https://www.crunchbase.com/lists/crunchbase-private-unicorn-company-list>. – Date of access : 28.01.2022.
7. Dealroom.Co [Electronic resource] – Mode of access : https://app.dealroom.co/unicorns/f/tags/anyof_verified%20unicorns%20and%20%241b%20exits_verifiedunicornsand1bexits. – Date of access : 28.01.2022.
8. Опора на реформы и инновации для придания нового импульса экономическому развитию: выступление на 8-м Летнем Давосском форуме [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.gov.cn/guowuyuan/2014-09/11/content_2748703.htm. – Дата доступа : 11.04.2021.
9. Han, Ruiqiang. Стратегии финансирования технологических МСП на разных стадиях развития / Han Ruiqiang, Xu Chengming // Финансовая вертикаль. – 2008. – № 12. – С. 13–17.
10. Wang, Xuedong. Исследование построения системы показателей предварительной оценки бизнес-модели стартапов / Wang Xuedong, Tian Minghao, Kuang Haibo // Управление научными исследованиями. – 2018. – № 9. – С. 159–168.
11. Zheng, Zheng. Изучение оценки стоимости стартапов с использованием подхода на основе согласованных реальных опционов / Zheng Zheng, Zhu Wuxiang // Инвестиционные исследования. – 2017. – № 4. – С. 118–135.
12. Линь, Сонг. Встраиваемость и склонность стартапов к инновациям / Линь Сонг, Сюй Цзянь // Научно-технический прогресс и контрмеры. – 2018. – № 35 (01). – С. 102–108.
13. Чжун, Гуанчи. Размышления о налоговой политике для содействия развитию научно-технических стартапов / Чжун Гуанчи // Theory Monthly. – 2016. – № 4. – С. 123–127.

Эффективный инновационный проектный менеджмент на основе программно-целевого планирования

А.М. КУНЯВСКИЙ

В статье раскрывается сущность и содержание эффективного инновационного проектного менеджмента. Обосновываются и формулируются понятия: проект, цель, проблема, синергический эффект, централизованный и децентрализованный проектный менеджмент, его принципы, практическая значимость для экономики Беларуси.

Ключевые слова: проект, цель, проблема, синергический эффект, централизованный и децентрализованный проектный менеджмент.

The article reveals the essence and content of the effective innovational project management. The following concepts are substantiated and formulated: a project, a goal, a problem, synergy effect, centralized and decentralized project management, its principles, practical significance for the economy of Belarus.

Keywords: project, purpose, problem, synergetic effect, centralized and decentralized project management.

Введение. В рамках марксовской теории и советской экономической науки три с половиной десятилетия назад нами было выявлено и обосновано содержание программно-целевого метода планирования, базирующегося на особом виде разделения труда в сущности своей – программно-целевом [1]. В современной экономике программно-целевое планирование или программно-целевое управление – это, по существу, проектное планирование или проектный менеджмент, особая роль в котором принадлежит инновационной деятельности.

Инновационная деятельность или научно-технический прогресс (НТП) как объект планирования и управления широко исследуется в экономической литературе. При этом многие авторы, рассматривая различные аспекты данного процесса, предлагают свои определения НТП как экономического понятия. Обобщая имеющиеся подходы, можно выделить два направления: широкое и узкое. Согласно первому, НТП – это процесс совершенствования всех сторон общественного производства (национальной экономики) на базе использования достижений науки и техники с целью решения социально-экономических задач, стоящих перед страной. Другие исследователи трактуют сущность НТП более узко и наиболее последовательные из них считают, что научно-техническим прогрессом является совершенствование на основе использования научных достижений материально-технического базиса трудовой деятельности, соответствующее социально-экономическим целям национальной экономики, т. е. обеспечивающее экономический рост, улучшение условий труда, оздоровление окружающей среды и т. д.

Приведенные два подхода не противоречат друг другу с точки зрения определения места НТП в социально-экономическом развитии страны. Всех авторов объединяет понимание того, что НТП становится главным фактором экономического роста, усиливается социальная направленность НТП. С точки зрения сущности, содержания и места инновационной деятельности (НТП) в национальной экономике, её можно было бы определять как «единый научно-техничко-производственный комплекс» (ЕНПК), наряду с «... национальная экономика – это хозяйственная система страны, отвечающая принципам суверенности, целостности, социальности, национальной ориентации» [2].

Источники становления инновационного проектного менеджмента. Общеизвестно, что на современном этапе экономического развития производство, как таковое, уже невозможно без предварительной тщательной научно-технической подготовки, соответственно это касается и всех других стадий воспроизводственного процесса национальной экономики. Именно поэтому важнейшая роль здесь принадлежит научно-производственному комплексу (НПК). Важнейшей причиной развития и совершенствования науки и техники, выделения их в составной элемент воспроизводственного процесса выступают общественные потребности

(их рост, развитие, обновление). Другая причина, находящаяся в диалектическом единстве с первой, состоит во внутренней логике развития науки и техники, что предопределяет образование и совершенствование различных (больших и малых и др.) технических систем. Развитие техники закономерно ведет к преобразованию её в действительно целостную систему и неверно, давая определения таким понятиям как технический прогресс, научно-технический прогресс, техника, новая техника, нововведение, инновация – не включать в эти определения изменения способов организации производства и труда. Другими словами, исследуя подсистему НТП или национальный НПК и закономерности его динамики в целостной межхозяйственной системе национальной экономики необходимо выделять три стороны: материально-вещественную, социально-экономическую и организационно-экономическую.

Социально-экономическая сторона национальной экономики Беларуси и её НПК характеризуются целями и задачами, отраженными в Конституции страны, прогнозах, программах, планах, утвержденных Президентом и Парламентом, одобренных Всебелорусскими народными собраниями. Проектный менеджмент, также как и инновационный менеджмент НПК Беларуси является одной из характеристик его организационно-экономической стороны.

Рассмотрим теперь структурные составляющие проектного менеджмента, посредством которых отражается его содержание. Естественно, что первичным элементом выступает – проект. В действующих методических разработках [3], а также во многих экономических исследованиях под проектом справедливо понимается прежде всего плановый документ – бизнес-план проекта, содержащий комплекс научно-технических, организационно-экономических, социально-экономических и т. п. мероприятий, объединенных конечной целью или системой целей. При этом параметры мероприятий (масштабность, продолжительность, значимость и т. п.) зависят от объекта проекта, соответствующего уровня в системе хозяйственной иерархии, на котором формируется данный проект. Однако ограничиться такой трактовкой проекта было бы неправомерно, ибо в нем не просто фиксируются комплексы мероприятий, а предполагается их практическая реализация. Поэтому другой особенностью проекта является рассмотрение его как объекта управления. С этой целью вполне обосновано предусматривается необходимость увязки комплекса проектных мероприятий по ресурсам, времени, исполнителям, а также обеспечение единого организационно-экономического руководства. Вполне понятно, что оба отмеченных аспекта тесно взаимосвязаны. Разрыв указанных аспектов ведет к одностороннему пониманию проекта – исключительно как планового документа. В этом разрыве скрыта причина того, что до настоящего времени не разработаны четкие рекомендации по организационно-методическому обеспечению формирования и особенно по реализации проектов. Отсюда и непосредственные исполнители, соисполнители и другие участники проектов относятся к ним зачастую без должной ответственности, что нередко ведет к невыполнению заданий по проектам. Здесь правомерно упомянуть о существенных срывах сроков выполнения известных Республиканских проектов по модернизации бетонной отрасли, деревообработки, Минского камвольного комбината и др.

Со вторым аспектом содержания проектов тесно связан и третий, наиболее существенный аспект, как правило, не находящий полного отражения в экономической литературе, а потому и не позволяющий получить полной характеристики проектов. Речь идет о том, что проект предполагает создание реальной организационно-экономической интеграционной формы современного производства. Эта специфическая интеграционная производственная форма возникает в результате изменений, свойственных этапам развертывания современной научно-технической революции и НТП, происходящих в самом процессе интеграционно-диверсификационного комбинирования производства в ходе трансформации от индустриального к постиндустриальному обществу. Имеются в виду процессы развития новых видов общественного разделения труда (межотраслевого, программно-целевого, проектного), предопределяющих и новые формы кооперации и комбинирования. В силу своей специфики проекты обогащают процесс интеграции производства, усиливают его дальнейшее углубление и расширение.

Таким образом, понятие проекта может быть наиболее полно раскрыто в триедином его определении: как плановый документ, как объект управления в системе национальной экономики и как форма развития интеграции производства. Последняя черта проекта имеет особое значение для проектного планирования и менеджмента.

Дело в том, что важнейшая особенность процесса интеграции состоит, как известно, в возрастании по мере его углубления эффективности производства, поскольку интеграция, как процесс слияния многих производств в единое, предопределяет появление и функционирование различных организационно-экономических форм, каждой из которых (от простой кооперации до ЕНПК) присущ так называемый эффект взаимодействия, возникающий из слияния многих сил в одну общую. Еще дедушка К. Маркс в главе «Кооперация» 1 тома «Капитала» писал по этому поводу: «Подобно тому, как сила нападения эскадрона кавалерии или сила сопротивления полка пехоты существенно отличны от суммы тех сил нападения и сопротивления, которые способны развить отдельные кавалеристы и пехотинцы, точно также и механическая сумма сил отдельных рабочих отличная от той общественной силы, которая развивается, когда много рук участвуют одновременно в выполнении одной и той же нераздельной операции, когда, например, требуется поднять тяжесть, вертеть ворот, убрать с дороги препятствия. Во всех таких случаях результат комбинированного труда или вовсе не может быть достигнут единичными усилиями, или может быть осуществлен лишь в течение гораздо более продолжительного времени, или же лишь в карликовом масштабе» [4].

В экономической литературе эффект взаимодействия часто называется синергическим (синергетическим), а его разновидности: эмерджентный, мультипликативный эффекты. В приведенном ракурсе интеграция производства может быть представлена как процесс непрерывного достижения возрастающих синергических эффектов посредством совершенствования организационно-экономических её форм.

Таким образом, проект как форма развития интеграции производства привносит в проектное планирование и менеджмент весьма важное существенное свойство – необходимость отражения синергического эффекта, причем по мере развития и совершенствования проектного менеджмента, значимость и роль отражения этого вида эффекта должна возрастать.

Наряду с проектом, не менее важным элементом проектного планирования и менеджмента выступает цель. Сам по себе проект не осуществим, а потому и не мыслим вне цели, поэтому проект всегда уже содержит в себе определенность цели. Конкретизация последней связана с развитием современной методологии проектного менеджмента, которая в свою очередь определяется как процессами углубления интеграции производства, так и характером целей общественного развития, появлением сложных социально-экономических, научно-технических и др. проблем, предопределяющих долгосрочную стратегию развития национальной экономики. Эффективное решение современных проблем не может быть найдено (достигнуто) в условиях существующей традиционной регионально-отраслевой структуризации экономики. Поэтому проектное планирование и менеджмент призваны в значительной мере решить важнейшие проблемы общественного развития на основе разработки и создания, реализации и функционирования экономических проектов межотраслевых, территориально-производственных и др. хозяйственных комплексов. Это может достигаться посредством интеграции предприятий различных отраслей не только на принципах технологической связанности и единства производственного цикла, но в большей степени исходящей из единства решаемой проблемы, или достижения конечных результатов производства.

Проектное управление представляет собой особый метод (наряду с отраслевым и региональным), позволяющий наиболее эффективно (за счет синергических эффектов) достигать конечные цели (прежде всего межотраслевые и межрегиональные), стоящие перед обществом в условиях интенсификации экономики. В этой связи экономический проект, как одна из главных форм проектного менеджмента, разрабатывается и реализуется с целью наиболее эффективного решения стоящих перед обществом (регионом, отраслью, промышленным комплексом, предприятием и т. д.) важнейших проблем.

Под инновационной проблемой следует понимать концентрированное выражение противоречий научно-технического развития (как подпроцесса общественного развития), форму их проявления в хозяйственной жизни. С точки зрения проектного менеджмента весьма важно определение взаимосвязи между «проблемой» и «целью». Представляется правомерным раскрывать взаимодействия проблем и целей по следующей логической цепочке: противоречия

(проблемы) – потребности – интересы – цели. В практике хозяйствования это означает (применительно к инновационной деятельности) необходимость разработки действенного хозяйственного механизма по формированию и внедрению научно-технических нововведений как на основе традиционных методов управления, так, и в особенности – проектным. Специальное выделение последнего метода обусловлено тем, что порождаемые им эффекты взаимодействия (синергические) необходимо субординировать в соответствии со сложным переплетением и противоречивым взаимодействием на практике личных, коллективных и общественных интересов. Между тем, теоретический аспект этих взаимосвязей еще не разработан, что в существенной мере обусловлено отсутствием достаточного практического опыта в этом деле.

Применение проектного менеджмента на практике. Решение о целесообразности использования в каждом конкретном случае проектного менеджмента должно приниматься в зависимости от параметров проблемы (значимость, сложность, комплексность, временной аспект и др.) и уровня ее возникновения (в системе хозяйственной иерархии). Важными вопросами методологии проектного менеджмента являются: определение критерия (или их системы), на основе которого выясняется целесообразность применения данного метода для решения возникающих проблем и достижения существующих целей, а также нахождение и теоретическое обоснование оптимального соотношения между «централизованным» и «децентрализованным» проектным менеджментом.

Под централизованным проектным менеджментом понимается применение методов государственного регулирования и выделение государственного бюджетного финансирования для разработки и реализации проектов. Децентрализованный проектный менеджмент – это, как правило, частная инициатива как в основном частных, так возможно и с привлечением государственных организаций естественно на собственные средства субъектов хозяйствования. Возможен и наиболее распространенным является смешанный проектный менеджмент на основе государственно-частного партнерства реализуемый организациями разных форм собственности с выделением бюджетных средств государственной финансовой поддержки.

Главным критерием целесообразности применения проектного менеджмента является приоритетность научно-технической проблемы, выяснение которой требует решения по меньшей мере двух задач. Во-первых, каждая проблема должна быть оценена с точки зрения ее влияния на социально-экономическую эффективность национальной экономики, решение главных социально-экономических целей и задач общества. Во-вторых, требуется определить также локальные социально-экономические и научно-технические цели в рамках решения проблемы. Здесь уже должны учитываться конкретные потребности и интересы предполагаемых участников решения проблемы (предприятий, учреждений, организаций и т. д.). Как главные, так и локальные цели должны разворачиваться через систему показателей социально-экономической эффективности. Проблемы принятые для решения проектным менеджментом подлежат дальнейшему тщательному исследованию и разработке в различных аспектах (комплексно).

Под децентрализованным менеджментом следует понимать не только альтернативу централизованному, но и дальнейшее их совместное развитие на основе взаимоотношений государственно-частного партнерства, которое в свою очередь требует дальнейшего глубокого изучения и регламентирования в условиях белорусской социально-ориентированной рыночной модели экономики.

В широком смысле проектный менеджмент базируется на известных принципах классического менеджмента изначально разработанных Анри Файолем, которые могут быть дополнены следующими:

- 1) управление возникновением новых интегративных качеств, не свойственных образующим проект частям (производственные процессы предприятий, деятельность организаций и др.);
- 2) определение главных и локальных конечных целей проекта (на основе разворачивания проблемы), подчиненных целям более высокого порядка (социально-экономического развития национальной экономики);
- 3) целенаправленное, сбалансированное распределение необходимых ресурсов;

4) обеспечение комплексного (многоаспектного) характера всех взаимосвязей и взаимодействий (функционирования и развития), предопределяющего принятие решений на основе необходимой последовательности (технологической, организационной, системной и др.) и преемственности получаемых в рамках проекта результатов;

5) использование альтернативных способов решений;

6) определение социально-экономической эффективности (в том числе синергических эффектов) при принятии решений;

7) управление реализацией проекта.

Последний из отмеченных принципов требует особого пояснения.

Управление реализацией проекта можно понимать двояко: широко и узко. В широком смысле все выделенные принципы следует отнести к методическим основам управления реализацией, поскольку без должного учета какого-либо одного из них теряется смысл проектного менеджмента как особого метода. В узком смысле управление реализацией проекта должно учитывать следующие важные моменты:

1) централизованное управление работами по проекту, преодоление ведомственности и местничества;

2) создание специального органа управления проектом, наделенного соответствующими полномочиями по координации работ, обеспечивающего методическое и организационное единство процессов формирования и контроля выполнения проекта, порядок финансирования и поощрения исполнителей;

3) определение и правовое закрепление функций каждого участника проекта как правило на коммерческой основе;

4) разработку системы социально-экономических показателей.

Изложенные принципы проектного менеджмента предопределяют его содержание, помогают выявить те характерные особенности данного метода, которые отличают его от других видов и типов менеджмента и выделяют в общем менеджменте.

Специфика проектного менеджмента заключается в том, что этот метод межотраслевой, межведомственный, межрегиональный, устанавливает производственно-хозяйственные связи, возникающие между различными сферами национальной экономики по поводу решения важнейших социально-экономических (научно-технических, социальных, экономических и др.) проблем на основе межотраслевого, проектного по своей сути разделения общественного труда. Точно также, как отраслевому и территориальному видам разделения труда соответствуют одноименные методы планирования и управления, проектному разделению труда – проектный метод планирования и менеджмента.

Заключение. Проектный менеджмент ввиду свойственных ему особенностей способен охватить весь жизненный цикл нововведения (и (или) их системы). Он предполагает: выбор основных наиболее важных инновационных целей и задач; их системное расположение, взаимодействие и взаимосвязь; определение наиболее эффективных из множества альтернативных путей и средств достижения целей и решения задач; учет фактора времени; комплексность (многоаспектность) решения.

На основе проектного метода достигается последовательное (поэтапное, постадийное) принятие решения и проведение работ по всем звеньям общего цикла разработки научно-технической проблемы: определение целей (задач) – разработка мероприятий – обеспечение их ресурсами – установление исполнителей – оценка социально-экономической эффективности. Наряду с циклом разработки проблемы проектным методом следует различать цикл её реализации. Последний должен включать в себя цикл разработки в качестве составной части. Другой составляющей цикла реализации можно выделить механизм управления, который целесообразно разрабатывать для каждого проекта в отдельности, но на основе общих для всех проектов принципов. Завершение цикла реализации инновационного проекта будет характеризоваться двумя специфически проектными результатами: достижением эффекта комплексности (синергического эффекта) и замкнутостью цикла на конечные национальные результаты, сформулированные в главной цели (системе целей) проекта.

Литература

1. Кунявский, А. М. Реализация народнохозяйственного эффекта научно-технических программ в хозрасчетной деятельности предприятий : автореф. дис. ... канд. эконом. наук : 08.00.08 / А. М. Кунявский. – М. : ИЭ АН СССР, 1986. – 18 с.
2. Национальная экономика Беларуси : учебник / В. Н. Шимов [и др.] ; под ред. В. Н. Шимова. – 5-е изд., перераб. и доп. – Минск : БГЭУ, 2018. – С. 18.
3. Об утверждении Правил по разработке бизнес-планов инвестиционных проектов [Электронный ресурс] : постановление Министерства экономики Республики Беларусь, 31 августа 2005 г., № 158 : в ред. Постановления Министерства экономики Республики Беларусь от 10.05.2018 г., № 15. – Режим доступа : <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=W20513184>. – Дата доступа : 11.06.2021.
4. Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. : Политиздат, 1952. – Т. 1, кн. 1 : Процесс производства капитала. – С. 337.

Белорусский государственный
экономический университет

Поступила в редакцию 07.07.2021

Концептуальные основы поддержки женского предпринимательства в Республике Беларусь

А.В. ОРЛОВА

В статье представлен новый взгляд на теоретическое осмысление поддержки женского предпринимательства в Республике Беларусь. Идентифицированы слабые стороны отечественной практики поддержки женского предпринимательства. На основе адаптации зарубежного опыта предложена структурно-логическая схема и институциональная модель поддержки женского предпринимательства в Республике Беларусь.

Ключевые слова: женское предпринимательство, поддержка женского предпринимательства, институциональная модель.

The article presents a new look at the theoretical understanding of support for women's entrepreneurship in the Republic of Belarus. Weaknesses of the domestic practice of supporting women's entrepreneurship have been identified. Based on the adaptation of foreign experience, a structural and logical scheme and an institutional model for supporting women's entrepreneurship in the Republic of Belarus are proposed.

Keywords: women's entrepreneurship, support for women's entrepreneurship, institutional model.

Наиболее обсуждаемой темой в области исследований предпринимательства является женское предпринимательство. Проблематика женского предпринимательства впервые балы затронута в исследованиях 1970-х гг., а уже в настоящее время на постоянной основе издается специализированный журнал «Международный журнал гендера и предпринимательства» и публикуются отчеты Глобального мониторинга (GEM. Women's Entrepreneurship Report).

Проблемам развития женского предпринимательства посвящены исследования таких зарубежных авторов, как Э. Шварц, Дж. Шрэйер, К. Браш, Р. Хизрич, Р. Гоффи, Р. Скейз, С. Марлоу, Э. Шоу, Дж. и Д. Уоткинсы, М. Фей, Л. Уильямс, Д. Паттон, С. Картер, П. Роза, Д. Хамильтон, Г. Йонсен, Р. Мак-Магон, С. Адки, Н. Чамлу, М. Саджад, Н. Калим. Вклад в научное исследование развития женского предпринимательства внесли такие белорусские, российские и казахстанские авторы, как А. Чирикова, С.Ю. Барсукова, Е.Б. Амбарнова, Г. Карелова, Г.Х. Гильманова, Е.А. Кипервар, М.А. Савелова, Л.В. Московцева, Ю.С. Семенова, А.Е. Колобова, Р.Р. Галлямов, Н.Ю. Уткина, Л.В. Орлова, Ю.С. Пиньковецкая, Т.П. Быкова, М. Акулова, А. Агинская, Л. Л. Скворцова, А.В. Семенчук, Б.Т. Джаникешева, Р.Б. Сарсембаева, Ж.А. Нурбекова, С.М. Шакирова.

Исследования по проблематике женского предпринимательства охватывают различные аспекты: от особенностей управления на микроуровне (на уровне фирмы) до изучения его вклада в мировую экономику. Несмотря на отсутствие единства среди ученых по вопросу необходимости гендерной теории предпринимательства, зарубежные и отечественные исследователи сходятся в мнении, что государственная поддержка женского предпринимательства играет важную роль в связи с его вкладом в экономическое развитие, с одной стороны, и наличием многих сдерживающих факторов, с другой.

Наибольшего успеха в поддержке женского предпринимательства добились инновационно-ориентированные страны. Так, в рейтингах Female Entrepreneurship Index и Mastercard Index of Women Entrepreneurs (MIWE) традиционно лидирующие позиции занимают следующие страны: США, Канада, Швейцария, Великобритания, Германия, Ирландия [1], [2].

MIWE включает 12 показателей и 25 индикаторов, позволяющих оценить условия развития женского предпринимательства по 3 компонентам: компонент А «Результаты улучшения положения женщин»; компонент В «Активы в области знаний и доступ к финансам»; компонент С «Поддержка предпринимательских факторов». MIWE дает представление о том, какие факторы и условия наиболее способствуют сокращению гендерного разрыва между предпринимателями в экономике и какие условия являются основными препятствиями

для женщин-предпринимателей. Так, наиболее благоприятными и стимулирующими факторами для развития женского предпринимательства являются: доступ к разнообразной поддержке в форме государственных программ для малого и среднего предпринимательства, высокая финансовая доступность и социальная поддержка.

Поддержка женского предпринимательства в зарубежных странах (особенно, в инновационно-ориентированных) подчиняется неолиберальным целям, таким как создание рабочих мест и экономический рост. Многие страны рассматривают женское предпринимательство и как способ решения актуальных социальных проблем. Институциональная основа достижения данных целей различна: в одних странах вопросы женского предпринимательства находятся в рамках экономической политики (США, Канада, Германия), в других – они «геттоизируются» в социальной и гендерной политике (Российская Федерация, Республика Казахстан).

Республика Беларусь, являясь частью мирового сообщества, не может игнорировать его современные тренды. Поэтому формирование национальной практики поддержки женского предпринимательства является важной составляющей устойчивого развития страны. В этой связи, особую значимость приобретает определение направлений развития поддержки женского предпринимательства в Республике Беларусь.

На наш взгляд, не следует революционно подходить к формированию отечественной практики поддержки женского предпринимательства. В зарубежных странах этот процесс эволюционировал: так, например, в Канаде вопросы развития женского предпринимательства перешли из социальной плоскости в экономическую; в США действующая практика также сформировалась с течением времени, пройдя путь от признания роли женского предпринимательства в развитии страны до формирования комплексной системы поддержки, сочетающей в себе профильные нормативно-правовые акты и развитый институциональный механизм; в Германии поддержка женского предпринимательства перешла в ведение специализированного государственного учреждения с трехуровневой организационной моделью. Вместе с этим, является очевидным тот факт, что развитие национальных практик поддержки женского предпринимательства в зарубежных странах осуществлялось в направлении дифференциации, то есть переход от общей практики поддержки предпринимательства к гендерно ориентированной.

В настоящее время поддержка женского предпринимательства в Республике Беларусь осуществляется в рамках общей практики поддержки малого и среднего бизнеса. Правовая и институциональная основа, а также инфраструктура поддержки малого и среднего бизнеса не дифференцированы по гендерному признаку. Среди инструментов поддержки предпринимательства отдельной программы, направленной на женщин-предпринимателей (потенциальных или действующих), нет.

Очевидно, что женское предпринимательство должно развиваться в Республике Беларусь стратегически. Для этого есть необходимые предпосылки организационного, экономического, социального и рыночного характера. Стратегический ориентир требует объединить и скоординировать усилия государства, бизнеса, женщин-предпринимателей (потенциальных и действующих) для достижения целей устойчивого развития через социальный и экономический компоненты. Анализ основных стратегий и программ развития Республики Беларусь позволил выявить основные системообразующие стратегические элементы в области развития женского предпринимательства (таблица 1) [3], [4], [5], [6], [7].

Таблица 1 – Системообразующие стратегические элементы в области развития женского предпринимательства в основных стратегиях и программах развития Республики Беларусь

Наименование документа	Стратегические ориентиры	Цели	Задачи	Мероприятия	Ресурсное обеспечение
Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 г.	—	—	—	—	—

Окончание таблицы 1

Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь до 2035 г.	—	—	+	—	+
Стратегия развития малого и среднего предпринимательства «Беларусь – страна успешного предпринимательства» на период до 2030 г.	—	—	—	+	+
Государственная программа «Малое и среднее предпринимательство в Республике Беларусь» на 2021–2025 гг.	—	—	—	+	+
Национальный план действий по обеспечению гендерного равенства в Республике Беларусь на 2021–2025 гг.	—	—	—	+	+

Одним из недостатков отечественной практики поддержки женского предпринимательства является некорректность логической последовательности «проблема-решение». Следуя управленческой логике, эту последовательность можно расширить следующим образом: «проблема (возможность)-решение (использование возможности)». На уровне используемых инструментов и государственных инициатив женское предпринимательство рассматривается через призму решения социальных проблем. На наш взгляд, это ограничивает возможности использования его потенциала и экономического, и социального.

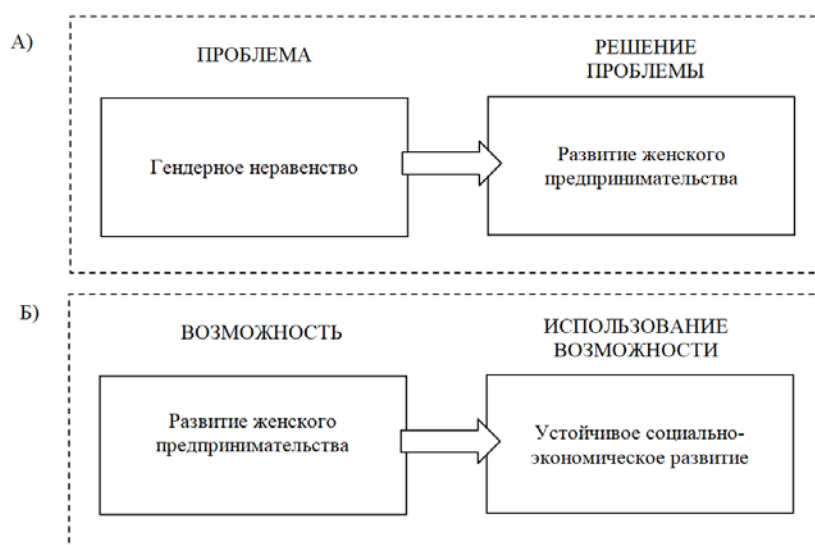

Рисунок 1 – Варианты логической последовательности формирования управленческого воздействия в рамках поддержки женского предпринимательства

Женское предпринимательство, находясь в плоскости «возможность-использование возможности» (вариант Б на рисунке 1), может рассматриваться как более широкое социально-экономическое явление, нежели в рамках варианта А. Именно на основе логики «возможность-использование возможности» формируется зарубежная практика поддержки женского предпринимательства.

Следует отметить, что отечественные государственные программы и стратегии не решают какие-то комплексные задачи в области поддержки женского предпринимательства. Они концентрируются на отдельных точечных задачах и не формируют, как следствие, стратегическую направленность процесса поддержки женского предпринимательства. Зарубежный опыт свидетельствует об обратном: прослеживается приверженность на уровне государственного управления к решению комплексных задач в таких областях поддержки женского предпринимательства, как сети, финансы, информация, образование.

Основываясь на вышеизложенном и [8] предлагаем следующую структурно-логическую схему поддержки женского предпринимательства в Республике Беларусь (рисунок 2).

Предлагаем в качестве стратегического ориентира поддержки женского предпринимательства использовать следующую формулировку «достижение целей устойчивого развития за счет активизации женского предпринимательства». В качестве общей цели предлагаем использовать следующую формулировку «формирование благоприятной среды для развития женского предпринимательства». Данные формулировки гармонизированы с ключевыми документами в области поддержки малого и среднего предпринимательств в стране и отражают

основные стратегические ориентиры: создание стабильных, комфортных и предсказуемых условий ведения бизнеса; увеличение вклада малого и среднего предпринимательства в экономические показатели национальной экономики [5], [6].

Рисунок 2 – Структурно-логическая схема поддержки женского предпринимательства в Республике Беларусь

Считаем необходимым реализовывать поддержку женского предпринимательства в Республике Беларусь на основе системного и процессного подходов. Использование данных подходов является характерной чертой современного зарубежного опыта поддержки женского предпринимательства. Применение системного подхода предполагает взаимосвязанное функционирование соответствующих элементов системы (звеньев и связей), деятельность которых координируется для достижения общей цели. Применение процессного подхода продиктовано цикличностью деятельности по поддержке женского предпринимательства. Этот подход может быть представлен в виде этапов: планирование, организация, регулирование, контроль.

Предлагаем в качестве звеньев рассматривать органы государственного управления, государственные учреждения, общественные организации, банки и финансовые организации, задействованные на различных этапах и в ключевых областях поддержки женского предпринимательства: 1) органы государственного управления: Министерство экономики Республики Беларусь; Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь; Министерство информации Республики Беларусь; Министерство образования Республики Беларусь; исполнительные комитеты; 2) научно-исследовательские организации и учреждения образования: институт экономики Министерства экономики Республики Беларусь; учреждения высшего образования Республики Беларусь; учреждения среднего специального образования Республики Беларусь; учреждения школьного образования Республики Беларусь; 3) субъекты предпринимательской инфраструктуры и общественные организации; центры поддержки предпринимательства Республики Беларусь; инкубаторы малого предпринимательства Республики Беларусь; общественные организации в области содействия развития предпринимательства; женские общественные организации; 4) банки и финансовые организации: Европейский банк реконструкции и развития; Банк Развития; Белинвестбанк; Белорусский народный банк; Белорусский инновационный фонд; Белорусский фонд финансовой поддержки предпринимателей и прочие финансовые организации. Каждый институциональный элемент участвует в соответствующем этапе процесса поддержки женского предпринимательства.

Таблица 2 – Матрица распределения функций между звеньями в рамках системы поддержки женского предпринимательства

	Планирование	Организация	Регулирование	Контроль
Информация	Органы государственного управления, научно-исследовательские организации	Субъекты инфраструктуры, общественные организации, учреждения образования	Органы государственного управления	Органы государственного управления

Окончание таблицы 2

Образование	Органы государственного управления	Субъекты инфраструктуры, общественные организации, учреждения образования	Учреждения образования	Органы государственного управления
Сети	Органы государственного управления	Субъекты инфраструктуры и общественные организации	Органы государственного управления	Органы государственного управления
Финансы	Органы государственного управления, банки и финансовые организации	Банки и финансовые организации	Банки и финансовые организации	Банки и финансовые организации

Взаимодействие между рассмотренными звеньями осуществляется на основании связей: вертикальных и горизонтальных. Вертикальные связи представляют собой цепь команд в рамках взаимодействия органов управления, горизонтальные – формируются по мере необходимости обмена информацией между перечисленными звеньями.

Таким образом, институциональная модель поддержки женского предпринимательства представим в виде следующей схемы (рисунок 3).

В основу разработки модели положены следующие принципы:

- принцип комплексности (достижение целей и решение задач в области развития женского предпринимательства невозможно без функционирования его элементов в комплексе);
- принцип сбалансированности (необходимо соблюдать баланс интересов всех участников поддержки женского предпринимательства);
- принцип многофункциональности (так как женское предпринимательство выполняет различные функции, то его поддержка должна быть реализована с позиции возможности реализации их реализации);
- принцип экономической и социальной интеграции (поддержка женского предпринимательства должна соответствовать направлениям государственного развития);
- принцип уникальности (несмотря на наличие общих черт развития женского предпринимательства реализация поддержки должна учитывать специфику различных его групп);
- принцип социальной ответственности (ответственность за развитие женского предпринимательства несут не только органы государственного управления, но и субъекты хозяйствования, имеющие обязательства за развитие знаний и навыков своего персонала);
- принцип равенства (в процессе поддержки женского предпринимательства должен быть обеспечен равный доступ к соответствующим ресурсам);
- принцип рациональности поведения населения (инициативность и предприимчивость женщин формируется не только на основании врожденных способностей, возможностей получения образования и повышения квалификации, но и совокупности экономических интересов и мотивации к повышению уровня жизни);
- принцип экономической эффективности (вложения в развитие женского предпринимательства должны быть обоснованы с позиции получения максимального эффекта от его последующего развития).

Ядро предлагаемой модели формируют: концептуальные основы; инструменты; ключевые области. Концептуальные основы определяют общий вектор развития женского предпринимательства в стране. В рамках рассматриваемой модели они базируются на основах общей политики поддержки развития малого и среднего предпринимательства в Республике Беларусь, рассмотренных сквозь призму развития женского предпринимательства, и отражены на структурно-логической схеме поддержки женского предпринимательства.

Функционирование модели на практике требует соответствующих инструментов. На наш взгляд, инструменты в рамках данной модели целесообразно использовать в двух направлениях: программно-целевой блок; проектный блок. Программно-целевой блок подразумевает разработку единого стратегического документа в направлении поддержки женского предпринимательства, например, стратегии, где будут отражены: цель, задачи, этапы, организационные принципы, формы, организационные рекомендации, приоритетные меры по ключевым направлениям. Проектный блок конкретизирует меры программно-целевого блока и включает в себя реализацию различных профильных проектов [8].

Рисунок 3 – Общая схема институциональной модели поддержки женского предпринимательства в Республике Беларусь

Реализация рассмотренных направлений развития поддержки женского предпринимательства в Республике Беларусь позволит: адаптировать зарубежный опыт в практику поддержки женского предпринимательства в Республике Беларусь посредством изменения взаимодействия институциональных субъектов; создать благоприятные условия для активизации женского предпринимательства; реализовать комплексную стратегически направленную поддержку женского предпринимательства; интегрировать в единый механизм действующие институциональные элементы в направление поддержки женского предпринимательства.

Литература

1. Mastercard Index of Women Entrepreneurs 2019 [Electronic resource]. – Mode of access : <https://newsroom.mastercard.com/wp-content/uploads/2019/11/Mastercard-Index-of-Women-Entrepreneurs-2019.pdf>. – Date of access : 16.09.2021.
2. Female Entrepreneurship Index [Electronic resource]. – Mode of access : <https://thegedi.org/research/womens-entrepreneurship-index/>. – Date of access : 16.09.2021.
3. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.economy.gov.by/uploads/files/NSUR2030/Natsionalnaja-strategija-ustojchivogo-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitija-Respubliki-Belarus-na-period-do-2030-goda.pdf>. – Дата доступа : 10.09.2021.
4. Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь до 2035 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.economy.gov.by/uploads/files/ObsugdaemNPA/NSUR-2035-1.pdf>. – Дата доступа : 10.09.2021.
5. О Государственной программе «Малое и среднее предпринимательство в Республике Беларусь» на 2021–2025 гг. [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Республики Беларусь, 29 янв. 2021 г., № 56. – Режим доступа : <https://economy.gov.by/uploads/files/gos-progr-2021-2025/gos-progr-na-2021-2025.pdf>. – Дата доступа : 12.09.2021.
6. Стратегия развития малого и среднего предпринимательства «Беларусь – страна успешного предпринимательства» на период до 2030 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.government.by/upload/docs/fileбаес29e3f635aee3.PDF>. – Дата доступа : 16.09.2021.
7. О Национальном плане действий по обеспечению гендерного равенства в Республике Беларусь на 2021–2025 гг. [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Республики Беларусь, 30 дек. 2020 г., № 793. – Режим доступа : https://pravo.by/upload/docs/op/C22000793_1609880400.pdf. – Дата доступа : 16.09.2021.
8. Орлова, А. В. К некоторым вопросам формирования практики поддержки развития женского предпринимательства в Республике Беларусь / А. В. Орлова // Международный научно-практический журнал «Эпоха науки». – 2020. – № 21. – С. 164–167.

УДК 330.34; 331.5; 338.45; 338.47

Обоснование дорожной карты внедрения европейского стандарта электронных компетенций в Беларуси, Грузии и Украине

А.И. Поболь

В статье рассматриваются вызовы на пути внедрения нового инструмента – европейского стандарта электронных компетенций, выявленные в ходе опроса стейкхолдеров, а также индикативный подход (дорожная карта) для его внедрения, выработанный в рамках проекта МТП «Содействие формированию повестки и институциональных предпосылок для укрепления цифровых компетенций в Беларуси, Украине и Грузии» (SEC004/2019/WG2/01, финансируемого ЕС через Секретариат Руководящего комитета Форума гражданского общества Восточного партнерства).

Ключевые слова: цифровая экономика, компетенции, специализация, ИТ профессии.

The paper considers the challenges of introducing the new tool – European e-competence standard, that have been revealed by stakeholders' survey, as well as the indicative approach (roadmap) on introduction of this tool, elaborated in the framework of the project «Contributing to the formation of the agenda and institutional preconditions for enhancing digital competencies in Ukraine, Georgia and Belarus» with the financial support of the European Union in the framework of the Eastern Partnership Civil Society Forum re-granting scheme (SEC004/2019/WG2/01).

Keywords: digital economy, competences, specialization, IT professions.

1. Введение и постановка проблемы. В условиях становления цифровой экономики происходит изменение характера труда и форм трудовой деятельности [1]; с учетом актуального технологического базиса происходит уточнение требований к профессиональным умениям и навыкам [2]. Ряд авторов подчеркивает тенденции формирования новой архитектуры рынка труда, новой сегментации системы рабочих мест [3], [4], [5], [6], потребность в развитии модульной системы формирования цифровых компетенций человека, в совершенствовании институциональной среды [7], [8].

В странах с многолетним историческим разрывом в освоении информационных технологий (ИТ) по сравнению со странами-экономическими лидерами, включая Беларусь, Грузию, Украину, в явном виде проявляется проблема разрыва между типовыми программами обучения в вузах и потребностью ИТ-предприятий в специалистах, которые сразу после вузов могли бы приступить к работе с современными технологиями и инструментами [9]; обосновывается формирование дополнительной системы подготовки ИТ-специалистов [10]. Для преодоления разрыва становится необходимым интегрировать передовые мировые инструменты измерения и развития компетенций специалистов и руководителей в цифровой экономике, – выработанные мировой практикой рамочные подходы, единые словари, которые можно использовать для поиска, оценки, обучения специалистов на международном рынке.

Одним из таких инструментов и **объектом** анализа в данной статье является *Европейская система электронных компетенций (e-CF)*, принятая в 2016 г. как Европейский стандарт (EN) 16234, – первая отраслевая реализация Европейской системы квалификаций для сферы ИКТ, отражающая современную структуру ИКТ-профессий и набор компетенций, необходимых и применяемых в сфере информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) (в версии 3.0 – 40 компетенций) [11]. На основе данного стандарта был сформирован второй инструмент – справочник 30 профилей ИКТ профессий [12].

Предметом анализа данной статьи являются основные проблемы, вызовы и задачи при освоении рассматриваемых инструментов в Беларуси, Грузии и Украине, которые нужно учесть при разработке индикативной дорожной карты действий по внедрению стандарта электронных компетенций и справочника профессиональных ролей в сфере ИКТ. Освоение этих двух инструментов позволяет спросу и предложению рабочей силы найти «общий знаменатель» в виде общего словаря компетенций. Однако, оно сталкивается с разнообразием интересов затронутых сторон (стейкхолдеров), нехваткой лидерства и стимулов к изменениям.

2. Концептуально-методологический подход.

Концептуально-методологическую основу анализа составляют наработки новой институциональной теории. Так, мы знаем, что инновационный процесс в условиях неопределенности, асимметрии информации и неполной рациональности возможен лишь благодаря заключению *отношенческих контрактов* (О. Уильямсон), понимаемых как долгосрочные взаимовыгодные договоренности, определяющие лишь общие условия и цели взаимоотношений сторон, механизмы принятия решений и разрешения конфликтов, где неформальные условия преобладают над формальными [13]. Эффективность формирования институционального каркаса цифровой экономики может рассматриваться через призму *адаптивной эффективности институтов*, т. е. способности институтов распределять правомочия между экономическими субъектами с учетом актуальной ситуации [14]. Опираясь на такие разработки новой институциональной теории, как защита институционального разнообразия и общие принципы институционального дизайна Э. Остром, в т. ч. *принципы самоорганизации и вовлечения широкого круга пользователей в выработку «правил игры»* [15], мы можем при разработке дорожной карты применить принцип параллельно-последовательного и встречного развития гибридного институционального устройства на уровне как частной инициативы («снизу-вверх»), так и централизованного регулирования («сверху-вниз»), что позволяет учесть разнообразие интересов стейкхолдеров.

С целью выявления и обозначения основных вызовов и задач в освоении стандарта электронных компетенций и справочника профессиональных ролей в сфере ИКТ в рамках проекта МТП *«Содействие формированию повестки и институциональных предпосылок для укрепления цифровых компетенций в Беларуси, Украине и Грузии» (SEC004/2019/WG2/01, донор – ЕС через Секретариат Руководящего комитета Форума гражданского общества Восточного партнерства)*¹ в Беларуси, Грузии и Украине были проведены фокус-группы и круглые столы, вовлекшие около 100 представителей заинтересованных организаций. Данные методы предоставляют максимальную возможность участникам обсуждать противоречащие на первый взгляд мнения и формировать системную картину проблем и решений. Выбранный метод исследования опирается на формирование выборки из числа экспертного сообщества с релевантным профессиональным опытом, однако, предусматривает сбор мнений участников *не как официальной позиции организаций, а как профессиональных мнений экспертов*. Следуя методологическим требованиям к данным методам исследования, репрезентативная выборка включала стейкхолдеров различных секторов экономики, чья профессиональная деятельность непосредственно или потенциально тесно связана с внедрением и использованием рассматриваемых инструментов (включая органы государственного управления; НИИ; ведущие вузы; специализированные центры дополнительного обучения и повышения квалификации; бизнес-ассоциации и компании ИТ и традиционных секторов экономики).

3. Целесообразность и возможности использования европейского стандарта электронных компетенций в Беларуси, Грузии и Украине.

3.1. Релевантность инструментов для стран-соседей ЕС. Все вовлеченные в фокус группы эксперты в Беларуси, Грузии, Украине отметили целесообразность имплементации действующих в ЕС документов и стандартов, описывающих структурное поле цифровых компетенций, чтобы содействовать интеграции в глобальный цифровой рынок. Самостоятельная разработка собственного стандарта в этих странах была признана нецелесообразной ввиду высокой трудоемкости его разработки и потребности в общем словаре. Экспертами отмечается, что инструмент e-CF хорошо систематизирует эволюционный опыт работы ИКТ-специалистов в разных сферах, и его принятие необходимо для единообразного понимания и сопоставления уровней компетенций руководителями и сотрудниками традиционных предприятий и ИТ компаниями. Он может стать сервисным документом для набора дальнейших стандартов для индустрии 4.0 и отраслевых парадигм.

¹Исполнители проекта: Общественная организация «Полесский фонд международных и региональных исследований» (Украина) (ведущий партнер); Международный центр делового и экономического развития (Грузия); Научно-технологическая ассоциация «ИНФОПАРК» (Беларусь).

3.2. Динамические потребности актуализации компетенций в сфере ИКТ. Поскольку информационные технологии развиваются очень быстро, новые должности и профессии в сфере ИКТ появляются по мере усложнения и роста специализации функций работников в этой сфере, а также на стыке различных отраслей. Существенным требованием является требование гибкости применяемой рамки компетенций – возможности ее своевременного обновления в соответствии с потребностями рынка и с учетом быстрого развития технологий. Практически выполнение такой работы требует идентификации конкретных организаций и экспертов, готовых работать над описанием новых компетенций и ролей. Такая работа может быть проделана силами крупных глобальных компаний, видящих необходимость и практическую ценность для себя в актуализации международного стандарта; малые же компании вряд ли смогут описать такие профили достаточно компетентно и всеобъемлюще, чтобы эти описания стали стандартами де факто. Любая адаптация eCF к национальной специфике может потребовать колоссального объема работ, поэтому при освоении международного стандарта рекомендуется начинать работать с существующей версией рамки компетенций, и лишь затем, по мере ее использования могут быть выявлены дополнительные потребности, навыки, знания, компетенции и профили.

3.3. Риски внедрения инструмента e-CF и их нивелирование. Первый значимый риск, возникающий в связи с внедрением e-CF, состоит в том, что специалисты, подготовленные по европейскому стандарту, начнут уезжать из страны. Поскольку профессионалам будет легче найти работу в ЕС, существует вероятность того, что «утечка мозгов» усилится. Однако, управление этим риском путем отказа страны от подготовки специалистов с компетенциями, соответствующими мировым стандартам, не является адекватным решением – такой отказ лишь лишит собственную страну конкурентоспособной рабочей силы. Подготовка специалистов для работы в международных проектах важна для стран с малой экономикой и узким внутренним рынком; критическая масса таких специалистов способна привлечь в страну транснациональные компании. Необходимо готовить специалистов, нужных рынку, чьи компетенции зарубежный заказчик способен оценить: формулировка компетенций и их содержания должны быть понятны на международном уровне. Необходимым условием нивелирования этого риска и превращения его в источник развития экономики является создание внутри страны хорошей правовой, налоговой, социальной среды для работы этих специалистов и международных компаний.

Второй значимый риск связан с тем, что небольшим компаниям может быть сложно скорректировать свою организационную структуру в строгом соответствии со стандартом e-CF: их масштаб работ может и не требовать такой степени специализации функций либо выполнения части функции вообще. Для *снижения риска* эксперты рекомендуют компаниям адаптировать под свои нужды ту часть e-CF, которая является наиболее важной для развития компаний, а не следовать каждой строке документа.

Третий значимый риск связан с выбором подхода к внедрению стандарта – при формализации его только для потребностей системы основного и специального образования скорость реакции на потребности рынка в обновлении состава компетенций может быть недостаточной. Для *снижения риска* рекомендуется первоочередное освоение стандарта организациями дополнительного образования.

Также экспертами были перечислены следующие риски и вызовы при внедрении e-CF:

- риски возможной несопоставимости e-CF и национальной рамки квалификаций;
- риски низкой абсорбционной способности к инновациям и медленного принятия стандартов классической системой образования, где отсутствуют рыночные механизмы;
- слабая развитость государственно-частного партнерства и механизмов сотрудничества в общественно значимых и рыночных инициативах.

Возможные способы преодоления вызовов и уменьшения рисков при внедрении e-CF:

- готовность к постоянному внесению изменений в систему стандартизации цифровых компетенций с опорой на мнение и рекомендации предприятий; вовлечение бизнес-сообщества на всех этапах внедрения рассматриваемых инструментов;

- проведение широкой информационной кампании о положительных эффектах от внедрения и использования международных стандартов цифровых компетенций;
- уточнение понимания категорий субъектов, вовлекаемых в практическое внедрение стандарта и последующих нормативно-правовых актов, и их потребностей обучения.

3.4. Особенности потребностей ключевых стейкхолдеров. Первичной задачей в развитии дорожной карты, вовлекающей разнообразие затронутых сторон (стейкхолдеров), является рассмотрение их специфических интересов и ограничений.

В ходе дискуссии экспертов стало очевидно, что *понимание ролей и компетенций в ИКТ сфере важно в первую очередь для работников и их нанимателей* – будь то ИКТ компания, предприятие традиционного сектора экономики или орган государственного управления. Система образования должна подстраиваться под требования рынка и готовить для нанимателей востребованных ими специалистов, предлагать на рынок программы, фактически реализующие уровень компетенции, востребованных практикой. Ввиду потребности постоянного обновления практических навыков для освоения новых технологий (обучение в течение всей жизни), возникает необходимость вовлечения не только *системы высшего образования* (с ее фундаментальными знаниями), но и *дополнительного образования*.

ИТ-компаниям приходят к пониманию необходимости структуризации компетенций по мере своего роста. Пока компания невелика, роли в ней распределяются обобщенно, новые сотрудники нанимаются под конкретные нужды. На определенном уровне роста компания приходит к необходимости реструктуризации. На этом этапе наличие устоявшихся традиций и бизнес-процессов тормозит изменения, а применение международных стандартов и опора на общепринятые структуры может существенно помочь компании справиться с неопределенностью периода реструктуризации. Стандарт как общий инструмент малых и крупных компаний дает ориентир не только для развития компетенций сотрудников. Также полезный экономический эффект от использования стандарта достигается благодаря более гармонизированной оценке различий в уровне компетенций сотрудников и соответствующей дифференциации зарплаты. В настоящее время у каждой *крупной ИТ компании* в Беларуси и Украине имеется своя внутренняя система определения квалификаций, нужд, компетенций, ролей. Из-за разных скоростей развития ИТ-компаний, вузы и регуляторы по-своему классифицируют свои знания о компетенциях в ИТ сфере; одни и те же роли и компетенции называют по-разному, что обуславливает несопоставимость компетенций сотрудников и непрозрачность ИКТ-сегмента рынка рабочей силы. Применение общей классификации позволило бы значительно снизить транзакционные издержки на рынке рабочей силы в сфере ИКТ, увеличить его прозрачность и конкуренцию.

Европейский стандарт цифровых компетенций ориентирован на потребности не только ИТ, но и других отраслей, в том числе реального сектора экономики (машиностроение, приборостроение, энергетика, иные). Если в стране наблюдается разница в уровне зарплат между сферой ИТ и традиционными отраслями, то потребность последних в ИТ компетенциях закрыть тяжело – нет избыточного предложения рабочей силы, нет возможностей для экспериментов с наймом кадров. *Предприятиям традиционных отраслей, решившимся на цифровую трансформацию*, важно понимать, какими именно компетенциями должен обладать ИКТ специалист, уметь грамотно формулировать эти компетенции.

При этом нужно помнить о *необходимости адаптации цифровых компетенций для конкретной отрасли*: для работы в сфере промышленности, финансовых организациях, транспорте цифровые специалисты должны дополнительно к описываемым в общих классификаторах компетенциям иметь понимание специфических бизнес-процессов (производственных, обеспечивающих, управленческих) этих отраслей. Проблема касается не только компетенций предприятий реального сектора экономики, но и *государственного управления, сельского хозяйства, строительства*. Вовлеченные в обсуждение органы государственного управления отметили высокую актуальность повышения квалификации работников государственного управления, особенно в регионах, для грамотного управления мероприятиями по цифровизации регионов, реализации государственной цифровой повестки.

3.5. Сложность интеграции инструментов в типовой образовательный процесс.

Рынок ИТ характеризуется крайне высокой скоростью развития. Потребность в специалистах растет намного быстрее, чем скорость, с которой система высшего образования производит специалистов. К тому моменту, когда будут разработаны образовательный и профессиональный стандарты под конкретную профессиональную роль, функциональное наполнение и требования к компетенциям специалиста на рынке очень сильно эволюционируют. Соответствовать этим темпам изменений системе высшего образования достаточно трудно. Выпускники высших учебных заведений не важны рынку как таковые, не важно наличие у них высшего образования, важны их навыки и компетенция. На практике появляется всё больше моделей обучения типа «ЕРАМ», когда предприятие готовит кадры для себя, или моделей «ІВА», готовящей кадры не только себе, но и в целом для экономики. Это естественные механизмы адаптации: появляются институты, принимающие на себя новые функции, которые не способны выполнить традиционные институты. Учреждения высшего образования в условиях высокой конкуренции также вынуждены трансформироваться, осваивая модель дуального образования (вовлечение студентов в получение компетенций на практике) и предпринимательского университета (подготовка к самозанятости вместо работы по найму). Однако, в Беларуси, Грузии, Украине эксперты считают затруднительным для традиционных университетов внедрения новых рамок компетенций, требующего оснащения преподавателей новыми инструментами выращивания компетенций.

4. Дорожная карта внедрения европейского стандарта электронных компетенций и системы профессиональных ролей в Беларуси, Грузии и Украине. На основе обсуждения экспертов был сформирован индикативный подход, дорожная карта, описывающая ключевые мероприятия по внедрению классификаторов ИТ компетенций и профессиональных ролей (рисунок 1). Они требуют изменений с двух сторон:

а) со стороны начального, среднего и высшего образования (долгосрочная стратегия эволюции фундаментального образования). В секторах, где есть востребованность определенного типа специалистов для решения долгосрочных задач, – как умные города, умные регионы, – экспертов нужно готовить систематически, а не только авральными методами; должны быть сформированы актуальные требования к их компетенциям, которые система высшего и профессионального образования должна быть способна взрастить. Улучшение системы образования следует начинать с раннего школьного образования: повышать уровень выпускников в сфере математики и других точных наук, способных работать с высокими технологиями, создавать прорывной интеллектуальный продукт. На уровне дошкольного образования требуется развивать способность к обучению в течение всей жизни, внутреннюю любознательность и открытый трудолюбивый ум;

б) со стороны рынка (пользователей и системы дополнительного образования и повышения квалификации). «Страна не может ждать, пока система образования подготовит людей для цифровой экономики с нуля и они накопят практический опыт (средний срок 10 лет). Для руководства сейчас первоочередная задача – начиная работать с теми, кто есть, очень точно и быстро повысить их компетенции и способность принимать решения в цифровой экономике» – из обсуждения фокус-группы. Исходя из этого требуется выстраивать курсы дополнительного образования, повышения квалификации тысяч госслужащих, а для этого выстроить понимание, какие именно компетенции нужны в отраслях, – юристам, экономистам, кадровикам, специалистам реального сектора. Наиболее реалистичный сценарий успешной быстрой интеграции в практику подобных инструментов – это инициатива бизнеса (изнутри рынка). Такая инициатива в Беларуси, например, может быть опосредована ПВТ или ассоциацией ИТ-компаний. Крупнейшие отраслевые компании (как ЕРАМ) могли бы принять этот стандарт для себя как внутренний. Постепенно эта практика могла бы распространиться на рынке труда как стандарт де факто (посредством перечня вакансий и требований на биржах труда и посредством публикации перечня и описания специалистов, подготовкой которых занимаются непосредственно ИТ компании, чтобы нивелировать проблемы кадрового рынка).

Рисунок 1 – Дорожная карта внедрения европейского стандарта электронных компетенций и системы профессиональных ролей в Беларуси, Грузии и Украине

Источник: собственная разработка.

Важнейшую роль в обеспечении системного развития цифровых навыков и компетенций играют механизмы координации и сотрудничества различных стейкхолдеров. Примером соответствующего института из опыта стран с передовым уровнем развития цифровой экономики, являются *технические комитеты*, выполняющие постоянную работу над обновлениями, в состав которых входят представители ВУЗов, органов государственной власти, бизнеса. Другой пример института для координации стейкхолдеров из различных секторов экономики – «*коалиции*» (*объединения*) *по цифровым навыкам и рабочим местам* (Digital Skills and Jobs Coalitions). В Беларуси и Украине уже есть опыт реализации инициатив в сфере цифровой экономики через коллегиальные органы (например, на базе Конфедерации цифрового бизнеса). Дальнейшее *развитие организационных форм*, которое может содействовать развитию цифровых навыков, может опираться на понимание *ключевых функций*, осуществление которых должны обеспечить эти организационные формы:

- обеспечение взаимодействия разнообразия стейкхолдеров, включая регуляторы, вузы, отраслевые бизнес-сообщества, консолидацию и координацию инициатив;
- создание открытых площадок для коммуникации заинтересованных сторон;
- популяризация международных стандартов и их возможностей применения;
- разработка стратегии развития цифровых компетенций в стране, в которой стейкхолдеры идентифицируют свои роли и будут последовательно их выполнять;
- предоставление экспертизы через центры компетенций для консультирования бизнеса и учреждений основного и дополнительного образования.

Примеры таких организационных форм включают:

- советы ИТ-предпринимателей и профильных представителей системы образования;
- платформы на базе крупнейших компаний, предоставляющие инструментарий для общего пользования / изучения другими игроками рынка.

Все эксперты сходятся во мнении, что ИТ-отрасль должна выступить образцом для подражания на старте внедрения рассматриваемых инструментов с параллельным привлечением компаний из других отраслей. При этом со стороны государственных органов требуется большая готовность к взаимодействию с отраслевыми бизнес-сообществами и осуществлению совместных инициатив и проектов.

5. Заключение. Стандарт e-CF и классификатор 30 профессиональных ролей в сфере ИКТ являются важными инструментами поддержки развития цифровой экономики, поскольку они отражают современную структуру ИКТ-профессий и набор необходимых для них компе-

тенций. Внедрение этих инструментов, однако, сталкивается с потребностями организационных и структурных изменений как в секторе образования, так и предприятий. Учет разнообразия интересов затронутых сторон объективно необходим при внедрении данных инструментов.

Представленная в статье индикативная дорожная карта опирается на принцип параллельно-последовательного и встречного развития институционального каркаса на уровне как частной инициативы («снизу-вверх»), так и централизованного регулирования («сверху-вниз»). Этот принцип позволяет интегрировать разнообразие интересов и ограничений стейкхолдеров и обеспечить адаптивную эффективность институтов, т. е. способность институтов распределять полномочия между экономическими субъектами через самоорганизацию и вовлечение широкого круга пользователей в выработку «правил игры».

Литература

1. The impact of new technologies on the labour market and the social economy [Electronic resource] // European Parliamentary Research Service. – Mode of access : [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2018/614539/EPRS_STU\(2018\)614539_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2018/614539/EPRS_STU(2018)614539_EN.pdf). – Date of access : 16.06.2021.
2. Skills shortages and labour migration in the field of information and communication technology in India, Indonesia and Thailand / International Labour Organisation. – ILO, 2019. – 74 p.
3. Колосова, Р. П. Социально-трудовые отношения в цифровой экономике [Электронный ресурс] / Р. П. Колосова // Неустойчивость занятости : введение в анализ. – М. : МГУ, 2018. – Режим доступа : <https://www.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=48746&p=attachment>. – Дата доступа : 16.06.2021.
4. Богдан, Н. И. Инновации и человеческие ресурсы для развития цифровой экономики / Н. И. Богдан // Белорусский экономический журнал. – 2018. – № 3. – С. 110–123.
5. Головенчик, Г. Г. Трансформация рынка труда в цифровой экономике / Г. Г. Головенчик // Цифровая трансформация. – 2018. – № 4 (5). – С. 27–43.
6. Кононович, К. Д. Социально-трудовые отношения : новые тренды в условиях цифровизации экономики / К. Д. Кононович, Т. Б. Русакова, М. Е. Целик // Неделя науки Санкт-Петербургского государственного морского технического университета. – 2020. – № 4. – С. 13.
7. Данильченко, А. В. Цифровая трансформация обрабатывающей промышленности Республики Беларусь : тенденции и перспективы развития / А. В. Данильченко, И. А. Зубрицкая, К. В. Якушенко ; Белорусский национальный технический университет. – Минск : Право и экономика, 2019. – 246 с.
8. Грибанов, Ю. И. Цифровая трансформация социально-экономических систем на основе развития института сервисной интеграции : дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.05 / Ю. И. Грибанов. – СПб., 2019. – 355 л.
9. Колодник, Т. Д. Подготовка квалифицированных кадров в свете развития цифровой экономики / Т. Д. Колодник // Цифровая трансформация образования : сб. мат. 2-й Межд. науч.-практ. конф., Минск, 27 марта 2019 г. / отв. ред. А. Б. Бельский. – Минск : ГИАЦ Минобразования, 2019. – С. 90–92.
10. Марушко, Д. А. К вопросу об участии Парка высоких технологий в управлении системой образования в цифровую эпоху / Д. А. Марушко, А. А. Ващило // Цифровая трансформация образования : сб. мат. 2-й Межд. науч.-практ. конф., Минск, 27 марта 2019 г. / отв. ред. А. Б. Бельский. – Минск : ГИАЦ Минобразования, 2019. – С. 108–110.
11. The European e-Competence Framework (e-CF) version 3.0 [Electronic resource] // The CEN workshop on ICT Skills. – Mode of access : http://ecompetences.eu/wp-content/uploads/2014/02/European-e-Competence-Framework-3.0_CEN_CWA_16234-1_2014.pdf. – Date of access : 16.06.2021.
12. European ICT professional role profiles [Electronic resource] // The CEN workshop on ICT Skills. – Mode of access : http://www.ecompetences.eu/wp-content/uploads/2018/05/CWA_Part_1_EU_ICT_professional_role_profiles.pdf. – Date of access : 16.06.2021.
13. Уильямсон, О. Экономические институты капитализма. Фирмы, рынки, отношенческая трактовка / О. Уильямсон. – СПб. : Лениздат ; CEV Press, 1996. – 702 с.
14. Капелюшников, Р. И. Множественность институциональных миров : Нобелевская премия по экономике-2009 / Р. И. Капелюшников // Экономический журнал ВШЭ. – 2010. – № 1. – С. 12–69.
15. Ostrom, E. Understanding Institutional Diversity / E. Ostrom. – Princeton : Princeton University Press, 2005. – 375 p.

УДК 314.14:616-036.21(100)

Study of the problems of collecting and analyzing data on the COVID-19 pandemic in different countries

O.V. PUGACHEVA

The article discusses important features of the statistics COVID-19 distribution around the world. The study is based on the well-known data of operational information on the countries. Particular attention is paid to countries with a large economy. The article shows how great the difference in the formation of data on a pandemic in different countries is. That makes it difficult to compare situations using standard statistical processing.

Keywords: pandemic, demographic statistics, operational information, tests redundancy, excess mortality rate.

В статье рассматриваются важные особенности статистики распространения COVID-19 по всему миру. Исследование основано на известных данных оперативной информации по странам. Особое внимание уделено странам с крупной экономикой. В статье показано, насколько велика разница в формировании данных о пандемии в разных странах. Это затрудняет сравнение ситуаций с использованием стандартной статистической обработки.

Ключевые слова: пандемия, демографическая статистика, избыточность тестов, оперативная информация, показатель избыточной смертности.

Introduction. According to Johns Hopkins University, the number of identified cases of coronavirus in the world exceeded 372,5 million as of 31.01.2022 [1]. Since the pandemic began, 5,658,016 people have died. The leader in the number of cases is the United States (74,235,709 people), followed by India (41,092,522 people) and Brazil (25,256,198 people).

The widely available and fairly detailed daily statistics on the spread of the COVID-19 pandemic across the countries of the world in 2020–2021 had a great impact on human behavior. In Russia, daily statistics came from the Information Center for Monitoring the Situation with Coronavirus (ICC), created in March 2020 to collect and analyze information on the development of the situation with the spread of COVID-19 infection. In Belarus, such data are generated by the Ministry of Health of the Republic of Belarus. Such information has enabled health systems in all countries to promote the necessary culture of behavior in the context of the global epidemic. With the rapid growth of those infected with a new and practically unexplored virus, doctors and all medical personnel made tremendous efforts to provide possible assistance to those who fell ill. In almost all countries, at the initial stage, there was a need for additional equipment and medicines.

Note that about a year before the pandemic was announced, the Global Health Security Index for 195 countries (GHSI) had been published. This Index was created by a solid group of international experts [2]. The Index is the result of a joint project by three organizations: the Johns Hopkins Health Security Center, the Nuclear Threat Reduction Initiative (NTI) and the Economist Intelligence Unit (EIU). The general conclusion of the invited panel of experts is: «The indicators show serious deficiencies in the ability of countries to prevent, detect and respond to disease outbreaks». And, unfortunately, this general conclusion was fully confirmed by the development of the situation with the COVID-19 pandemic.

A detailed analysis of the achievements and mistakes in the struggle for the health of citizens in extreme conditions is the field of activity of experimental scientists and medical practitioners. They gained invaluable experience, which will undoubtedly form the basis for subsequent practical recommendations. In this work only issues related to the statistical description of such processes are considered. There are several questions of the kind.

Registration of infected with COVID-19. The daily registration of the infected, the recovered and the dead, as well as the collection of this information from many medical units and the further publication of the resulting data on the Internet – all this turned out to be quite a difficult task. Technical information problems were largely resolved within a few months. But still, the harsh impossibility of correcting mistakes made in the past when collecting data from various sources sometimes led to the fact that negative values appeared in the reports, while by definition, these values could only be positive or equal to zero. We are talking about the daily number of people infected, recovered and died.

Recall that modern international statistical standards used during a pandemic include daily information on five indicators for countries (cities, regions). One of them – Inf (Infected with coronavirus) – characterizes the total number of people infected with coronavirus on a given day on a cumulative basis. And the other value – $dInf$ – characterizes the number of confirmed cases of infection on the given day, respectively. The relationship between the values of the indicated quantities for two consecutive dates $t-1$ and t is determined by the ratio:

$$dInf(t) = Inf(t) - Inf(t-1).$$

Three other indicators determine the further detailing of the infected into three groups: patients with Ac (Active cases), deceased D (Deaths) and recovered R (Recovered). Of course with this method of keeping statistics, the D value does not mean the number of deaths due to the coronavirus. Obviously, on every fixed day, the identity

$$Inf(t) = Ac(t) + D(t) + R(t),$$

is realized.

Thus, in order to get into the published statistics, it is necessary to obtain the infected status. However, on the recommendation of the WHO, a person receives such a status if his situation refers to the so-called confirmed case, when «there is laboratory confirmation of the presence of COVID-19 infection, regardless of the clinical manifestations and symptoms of the disease». And this means that if a person for some reason did not pass the test, or if he received a false-negative test result, and, unfortunately, died, then he does not fall into the global statistics on coronavirus.

Table 1 contains data for 26 countries [3]: 24 countries belong to countries with a large economy [4], and two countries (Belarus and Israel), as representatives of small countries with approximately the same population. Countries are sorted in descending order by the fourth column – the amount of test redundancy as of 20.05.2021. Here, the redundancy of tests is understood as the value of the ratio of the total number of tests to the total number of registered infected. The last column shows data on vaccination with at least one dose of vaccine as of 25.06.21.

The second and third columns of data are provided to illustrate the economic and human potential of the countries in question. The second column shows the share of the country's GDP in total global GDP for 2019, according to the International Monetary Fund. This data is referred to as wGDP2019 in table 1.

The number of tests among the countries under consideration varies greatly. Of course, the recommendations on the need for laboratory tests to declare the number of infected in general are being followed: as of 20.05.2021, the redundancy of tests lies in the range of 2,9 (Mexico) – 1759,8 (China). The spread in the number of tests per million population is also large: from $5,26 \times 10^4$ (Mexico) to $2,52 \times 10^6$ (Great Britain).

Table 1 – Country data on the number of tests performed, the number of infected and the percentage of the population vaccinated

Country	wGDP 2019, %	Population, million people	Tests redundancy (Tests / Inf)	Number of tests per million people	Number of infected per million people	% of the population vaccinated on 25.06.21
China	16,29	1404,44	1759,79	$1,11 \cdot 10^5$	64,7	43,21
Australia	1,62	25,97	589,95	$6,85 \cdot 10^5$	1154,9	23,79
Korea	1,90	52,08	70,44	$1,84 \cdot 10^5$	2575,2	29,82
Saudi Arabia	0,87	34,54	41,80	$5,16 \cdot 10^5$	12668,5	no data
United Kingdom	3,24	67,25	38,69	$2,52 \cdot 10^6$	66208,6	64,93
Russia	1,85	146,75	27,06	$9,20 \cdot 10^5$	33900,6	14,82
Canada	1,99	37,82	25,14	$8,85 \cdot 10^5$	35494,1	67,52
Japan	5,93	125,75	19,27	$1,05 \cdot 10^5$	5552,7	20,21
Israel	0,44	8,71	17,30	$1,57 \cdot 10^6$	88296,8	63,98
Belarus	0,07	9,51	16,13	$6,49 \cdot 10^5$	43805,5	7,40
Germany	4,54	82,96	15,99	$6,91 \cdot 10^5$	43788,0	52,95
Italy	2,32	60,72	15,27	$1,05 \cdot 10^6$	68811,9	54,77
USA	24,46	331,81	13,87	$1,41 \cdot 10^6$	101881,7	54,04
France	3,16	65,32	13,86	$1,25 \cdot 10^6$	90590,9	50,47
Spain	1,64	46,86	13,47	$1,05 \cdot 10^6$	77500,2	52,03

End of table 1

Belgium	0,61	11,53	12,92	$1,15 \cdot 10^6$	90070,6	59,58
India	3,41	1369,56	12,39	$2,30 \cdot 10^5$	19000,6	18,86
Switzerland	0,81	8,69	10,82	$8,48 \cdot 10^5$	78958,8	48,53
Turkey	0,81	84,04	10,02	$6,05 \cdot 10^5$	61404,4	38,22
Indonesia	1,26	269,86	9,00	$5,70 \cdot 10^4$	6517,8	9,52
Sweden	0,63	10,42	8,99	$9,34 \cdot 10^5$	101264,2	44,63
Netherlands	1,05	17,29	8,37	$7,88 \cdot 10^5$	93435,5	54,39
Iran	0,56	84,15	6,61	$2,17 \cdot 10^5$	33329,0	4,60
Argentina	0,55	45,55	3,73	$2,77 \cdot 10^5$	74888,3	34,55
Brazil	2,25	211,21	2,98	$2,20 \cdot 10^5$	74879,0	32,08
Mexico	1,42	127,09	2,88	$5,26 \cdot 10^4$	18786,0	23,15

Source: number of tests for coronavirus by country: URL: <https://covid-stat.com/ru/kolichestvo-testov-koronavirus/>; number of infected per 1 million people: URL: <https://coronavirus-monitor.info/country/russia/>; number of vaccinated from coronavirus in the world, there is no data on vaccination in Saudi Arabia: URL: <https://gogov.ru/covid-v-stats/world>.

The first three leaders in terms of test redundancy (China, Australia, the Republic of Korea) are also leaders in the lowest number of infected per 1 million population. Japan demonstrates moderate redundancy, however, in terms of the number of infected, it is closest to the aforementioned leaders. For the rest of the countries, there is no clear dependence of the number of infected people on the value of test redundancy. Although statistically, the correlation between the redundancy of tests and the number of infected is nonzero at the 5 % significance level and is -0,39.

Moreover, it is easy to see that the difference between countries in the data on the number of infected per 1 million of the population is large even with close values of test redundancy. These facts suggest that a clear effect on the number of tests is achieved with redundancies greater than 70. Perhaps the cause and effect can be reversed: namely, having achieved a small amount of infection by strict local quarantine measures, countries can afford to conduct a large number of tests.

The constructed mathematical model showed that people begin to be infectious, on average, 2–3 days before the onset of symptoms, and the peak of the ability to infect occurs in the period from 14 to 16 hours from the moment of the first manifestation of symptoms. Further, within a week, the ability to infect the virus decreases until it disappears completely.

These data cannot be considered accurate complete. For example, the moment of onset of primary symptoms was noted retrospectively: the patients themselves spoke about this after they were diagnosed. In addition, patients received treatment, which could affect the concentration of the virus in the mucous membranes, and, accordingly, the data on the rate of its decrease could also be underestimated relative to the drug-free variant of the development of events.

So, we can fix the following factors that make the daily published data on the number of infected, objectively not reliable enough:

- difficulties in organizing daily collecting data from numerous medical organizations;
- rather vague criteria for including citizens who have applied for help in the category of infected with the COVID-19 virus, taking into account the possibility of identifying the virus by tests;
- the existence of a fairly large number of asymptomatic patients who do not even go to doctors.

If the first factor presents mainly difficulties for building a mathematically adequate model according to these time series and ultimately is integrally corrected by correcting fictitious negative values⁴, then two other factors can lead to a significant decrease in the number of deaths from among those infected with the COVID-19 virus. In addition, these factors make it difficult to estimate the number of people who are already immune and do not yet need vaccination.

In many countries, there have been many such assessments from officials. But it is difficult to find out the true picture of the number of people infected with the COVID-19 virus, as the only official source of this information is the data provided by each country. And this data is practically unrelated to other indicators not included in the operational summary. The situation with mortality data is somewhat different.

Mortality statistics. At the initial stage of the pandemic, the lack of approved protocols for the treatment of a new disease required constant experimentation from doctors and the involvement of various specialists for consultation. The rapid spread of the pandemic to large segments of the

population required the mobilization of the entire health system. That led, in many cases, to postponement of routine care for other chronic diseases, which also led to additional deaths that could have been avoided in the absence of a pandemic.

On the Internet, in some countries, you can find a lot of criticism about the published figures on the number of deaths among those infected. At the same time, as a rule, the authors had in mind precisely the fact that the deceased, who had symptoms of COVID-19, did not always fall into the «like» statistics, the openness and publicity of which had no previous analogue. But these new qualities of the «like» statistics made it possible to notice that the number of deaths in these statistics does not always correspond to the statistics of total mortality, which is also available in many (but, unfortunately, not in all) countries.

In many countries, statistics on total mortality are in a weekly or monthly format and are published with some delay. The level of detail of these data varies. Eurostat has adopted a weekly format disaggregated by sex and age. At the same time, official national mortality statistics are provided weekly from 29 European countries or subnational regions within the framework of the joint EuroMOMO (European mortality monitoring) network. This network is supported by the European Center for Disease Prevention and Control (ECDC) and the World Health Organization (WHO) and is hosted by the Statens Serum Institut, (Denmark).

Regular information on total mortality from African countries, as well as from India, Indonesia, China, Saudi Arabia, Turkey, is generally unavailable. In Russia, Rosstat publishes monthly statistics showing reported deaths by cause of death, but with a delay of about 1.5 months. The statistics are presented by regions and three cities (Moscow, St. Petersburg, Sevastopol), but there is no breakdown by sex and age. For 2020, the information on causes of death not clearly related to the pandemic is not provided, but there is monthly information on deaths associated with COVID-19. The information is presented for the country as a whole, for regions and three cities [5].

This statistics include cases from four causes of death:

- 1) COVID-19, the virus has been identified;
- 2) COVID-19 is possible, but the virus has not been identified;
- 3) COVID-19 is not the main cause of death, but had a significant impact on the development of fatal complications of the disease;
- 4) COVID-19 is not the main cause of death, and did not have a significant impact on the development of fatal complications of the disease.

In the previous section, it was shown that the data on those infected with the COVID-19 virus is difficult to verify. But it turned out that the data on the number of deaths from COVID-19 is not a very adequate indicator, because in different countries the deaths from COVID, and presumably from COVID are taken into account in different ways, even the WHO recommendations on this are somewhat contradictory. In the article by I. Danilova back to the spring of 2020, it was shown that the published data on the number of infected and deaths may not be comparable between countries, as countries use different criteria for both testing for the virus and determining deaths from COVID-19 [6].

There were first assertions that a reasonable indicator in this case could be the amount of excess mortality (the so-called Excess mortality). And now many see it as the only adequate overall indicator. Sometimes it is even called the «gold standard». Various options for finding this indicator have been proposed.

The simplest way to calculate excess mortality is the difference between monthly data on total mortality of the studied year and the corresponding data of the previous year. We denote such a model calculating excess mortality as M1. Consider the situation in Russia for 2015–2021, using data from Rosstat [5]. Figure 1 shows graphs of total mortality in Russia for 2018–2021.

From the data in figure 1 it follows that the total mortality in Russia from April 2020 to March 2021 significantly exceeds the total mortality for previous 2015–2019, and total mortality for 2015–2019 differs little over the years, but has a general downward trend. Let's calculate excess mortality in 2020 in the simplest models as the difference between the values of the total mortality in 2020 and 2019 (model M1) and compare it with daily published data on the coronavirus of the Information Center for Monitoring the Situation with Coronavirus (ICC) for 2020 and detailed data from Rosstat, indicating the impact of the COVID-19 virus on some of the total reported deaths.

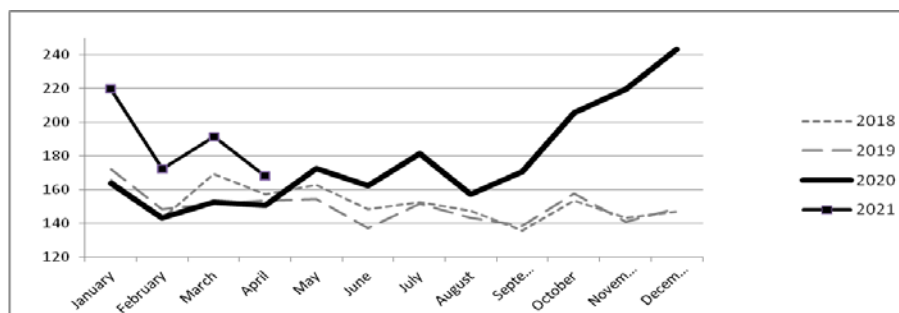

Figure 1 – The total number of deaths in Russia (thousand people) by months for 4 years

Without going into details of the data by month, we will focus only on the resulting data for 2020, given in the line «Total for 2020» in table 2. Excess mortality for the year according to the M1 model is 323,8 thousand people. At the same time, according to the operational statistics of the ICC (the last column in table 2), only 57 thousand people are shown. And this natural comparison gives rise to many unpleasant questions. Of course, the excess mortality data includes all sorts of causes of death, but Rosstat reports on the number of deaths related to COVID-19 (columns 1–4 in table 2 in the line «Total for 2020») somewhat clarified the situation. It became clear that of the 323,8 thousand people included in the excess mortality, only 162,4 thousand can be directly related to COVID-19, as the sum of columns 1 + 2 + 3 + 4.

Table 2 – Excess mortality, mortality with the presence of covid according to Rosstat data and operational statistics of the ICC for 2020 and three months of 2021 (thousand people)

Month	Excess mortality	Cause of death				Sum 1	Sum 2	Operational statistics
2020	M1	1	2	3	4	1+2+3+4	1+3+4	Internet
January	-8,4	0	0	0	0	0	0	0
February	-5,2	0	0	0	0	0	0	0
March	0,7	0	0	0	0	0	0	0,017
April	-2,9	1,35	0,398	0,435	0,642	2,825	2,427	1,056
May	18,3	5,926	1,677	1,609	3,457	12,669	10,992	3,62
June	25,5	5,825	1,492	1,484	3,534	12,335	10,843	4,627
July	29,9	5,063	1,021	1,237	3,05	10,371	9,35	4,643
August	13,8	3,436	0,582	1,184	2,471	7,673	7,091	3,213
September	31,7	4,579	0,859	1,428	3,313	10,179	9,32	3,546
October	47,8	13,077	2,026	1,794	7,436	24,333	22,307	7,268
November	78,5	21,262	3,845	2,288	10,214	37,609	33,764	11,905
December	94,1	25,98	5,57	2,065	10,82	44,435	38,865	17,124
Total for 2020	323,8	86,498	17,47	13,52	44,937	162,429	144,96	57,019
2021								
January	47,319	22,747	4,708	2,337	8,086	37,878	33,17	16,163
February	24,181	14,791	2,329	1,956	5,708	24,784	22,455	12,94
March	39,4	15,003	2,454	1,401	4,857	23,715	21,261	12,728
Total for 04.20–03.21	448,3	139,04	26,961	19,22	63,588	248,806	221,85	98,85

Legend in table 2: M1-model of excess mortality as the difference between the data for 2020 (2021) and 2019 from the data in Figure 1; column 1 – COVID-19, virus identified; column 2 – possibly COVID-19, but no virus identified; column 3 – COVID-19 is not the main cause of death, but had a significant impact on the development of fatal complications of the disease; column 4 – COVID-19 is not the main cause of death, and did not have a significant impact on the development of fatal complications of the disease; column Sum1 – the sum of columns 1–4; column Sum2 – the sum of columns 1, 3, 4; the Internet column is from daily ICC data. All data are in thousand people.

This represents approximately 50 % of excess mortality. However, in the deaths listed in column 2, COVID-19 was not identified and therefore, formally, only the sum of the columns (1 + 3 + 4) should have been included in the operational statistics, and this is only 144 thousand. But only 57 thousand people are reflected in the operational information.

Two conclusions follow from these comparisons. First, the ICC data were 2,5 times underestimated. And secondly, the prediction of Academician V.M. Polterovich about the possible impact of restrictive measures, expressed by him back in April 2020, unfortunately, was realized: about half of the excess mortality was not directly associated with the virus. And this discrepancy began in June 2020.

If we correlate the numbers M1 and ICC in the line «Total for 2020» in table 2, it turns out that the excess mortality in Russia as a result of the pandemic for 2020 is 5,7 times exceeds the ICC data. It is this fact that determined the title of D. Kobak's article «Excess mortality shows the true losses of Russia from Covid-19», published in the journal «Royal Statistical Society» [7]. The last line in table 2 characterizes the situation with data on deaths for the year from April 2020 to March 2021. During that time excess mortality according to the M1 model is 448 thousand (rounded off). To cases associated with COVID-19, column data can be referred to 1 + 2 + 3 + 4, which is 248 thousand (55 % of the excess mortality). However, only 221 thousand of them had the virus confirmed. But again, according to the data on deaths from the ICC, only 99 thousand cases were confirmed, that is, 2,24 times less. Thus, we can state that the ratio of excess mortality to the operational data of the ICC began to change rapidly after January 2021 and for the annual period from April 2020 to March 2021 was already only 4,5 instead of former 5,7.

There are different methods for calculating the value of excess mortality. The general calculation scheme is based on comparing the mortality rate of the studied year with the predictive mortality model – the so-called baseline. The latter is based on the analysis of mortality for several previous years. Model M1, which was used here for Russia and Germany, assumed that the predictive model of mortality for 2020 is mortality in 2019.

A more sophisticated method for calculating excess mortality in 2020 is based on an analysis of mortality over several previous years with the availability of weekly statistics and a smooth baseline curve for 2020. This method was used by the Institute for Health Metrics and Evaluation based at Washington State University in Seattle [8]. Obviously, the obtained values of excess mortality will depend on the applied calculation method, but most often the results of different methods differ within the calculated error.

Conclusion. Comparing data on today's pandemic in different countries is significantly different from comparing data from various laboratory experiments on which all knowledge in the scientific and technical field of knowledge is based. And this difference is due to the absence of uniform standards for recording data in different countries. And as a consequence of this, great difficulties arise in the analysis of these data by conventional statistical methods, which have proven themselves in the natural and scientific field. Therefore, the use of such methods, with such a wide variety of methods for generating data on a pandemic, can lead to doubtful conclusions.

In this sense, an indicative example is the limited data on the spread of the pandemic and mortality from it in the Republic of Belarus, which is associated with particular difficulties in obtaining reliable statistics on the spread of COVID-19 and the fact that more than a year after the end of 2020, when the coronavirus pandemic began, the Belarusian statistical office did not publish mortality data in 2020.

References

1. COVID-19 map. Johns Hopkins Coronavirus Resource Center [Electronic resource]. – Mode of access : <https://origin-coronavirus.jhu.edu/map.html>. – Date of access : 31.01.2022.
2. 2021 Global Health Security Index [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.ghsindex.org/about/>. – Date of access : 01.02.2022.
3. Chetverikov, V. M. Challenges to generating reliable COVID statistics : domestic and international experience / V. M. Chetverikov, O. V. Pugacheva, T. D. Vorontsova // *Voprosy Statistiki*. – 2021. – № 28 (4). – P. 45–66.
4. Chetverikov, V. M. Unique features and intensity of COVID-19 spread in large economies / V. M. Chetverikov // *Voprosy Statistiki*. – 2020. – № 27 (6). – P. 86–104.
5. Natural movement of the population in the context of the constituent entities of the Russian Federation [Electronic resource]. – Mode of access : <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/D4uPozCj/edn05-2021.htm>. – Date of access : 13.09.2021.
6. Danilova, I. Morbidity and mortality from COVID-19. The problem of data comparability / I. Danilova // *Demographic Review*. – 2020. – № 7 (1). – P. 6–26. (In russ.).
7. Kobak, D. Excess mortality reveals covid's true toll in Russia [Electronic resource] / D. Kobak // *Significance*. – 2021. – № 18 (1). – Mode of access : <https://rss.onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/1740-9713.01486>. – Date of access : 03.02.2021.
8. Karlinsky, A. The World mortality dataset: tracking excess mortality across countries during the COVID-19 pandemic [Electronic resource] / A. Karlinsky, D. Kobak // *medRxiv*. – Mode of access : <https://www.medrxiv.org/content/10.1101/2021.01.27.21250604v3>. – Date of access : 01.02.2022.

УДК 338.3

Этапы формирования стратегии повышения уровня использования производственного потенциала

М.Д. ЯТЧЕНКО

В статье рассмотрены основные этапы процесса формирования стратегии повышения уровня использования производственного потенциала предприятия и порядок действий по ее реализации, дана характеристика и отличительные особенности каждого этапа формирования стратегии.

Ключевые слова: стратегия, анализ, среда, структура, потенциал.

The article discusses the main stages of the process of forming a strategy for increasing the level of using the production potential of an enterprise and the procedure for its implementation; it gives the characteristics and distinctive features of each stage of strategy formation.

Keywords: strategy, analysis, environment, structure, potential.

В современной экономике, которая характеризуется постоянными изменениями и трансформацией, с целью стабильного функционирования организации нужно решать постоянные задачи. Самая сложная задача, которая стоит перед предприятием, состоит в определении своего современного положения и цели своего дальнейшего развития.

Основные параметры имеющихся у предприятия ресурсов, возможность этих ресурсов изменяться в зависимости от запросов экономической среды, прямым образом влияют на потенциал предприятия, на котором строится стратегия функционирования предприятия, основная цель его деятельности и направления достижения этой цели, то есть направления его экономической политики.

Для решения этих задач, учитывая ограниченный характер ресурсов, для предприятия первоочередной задачей становится грамотная оценка ресурсов, находящихся в его распоряжении, и основанного на этом совокупного производственного потенциала. От того насколько полно и грамотно будет охарактеризован производственный потенциал, будет зависеть какая экономическая стратегия будет выработана предприятием, и какие экономические показатели будут в нее заложены. От того насколько правильно будут проведены экономические измерения будут зависеть основные направления деятельности предприятия, которые позволят ему выиграть в конкурентной борьбе в условиях меняющейся конъюнктуры рынка, на основе гибкости всех имеющихся ресурсов, включая трудовые, финансовые, инновационные, материальные ресурсы и перераспределить их для удовлетворения потребностей потребителей. Но следует учитывать, что взаимодействие с поставщиками данных ресурсов также требует изменений.

Разработать стратегию повышения уровня производственного потенциала предприятия означает предсказать состояние предприятия с учетом его инновационного пути развития.

Для того чтобы выбрать стратегию эффективного функционирования системы производственного потенциала, необходимо комплексное взаимодействие всех субъектов предприятия (как управленческого персонала, так и исполнителей всех уровней). Каждый субъект предприятия вносит свой вклад в реализацию стратегии, основываясь на своем практическом опыте, идеях и интуиции. Поэтому применение системных методов моделирования, а также их сочетание с другими методами принятия стратегических решений является наиболее перспективным и целесообразным инструментом решения рассматриваемой проблемы.

Стратегическое прогнозирование и планирование достаточно широко изучено в современной литературе. Анализ источников по данной теме позволил определить основные этапы процесса формирования стратегии повышения уровня использования производственного потенциала предприятия, которые обуславливают определенный порядок ее реализации (рисунк 1).

Рисунок 1 – Основные этапы процесса формирования стратегии повышения уровня использования производственного потенциала предприятия

Источник: собственная разработка автора на основании данных [1, с. 65–66].

Основываясь на общем алгоритме системного анализа сложных систем, формирование стратегии повышения уровня использования производственного потенциала предприятия будет основываться на выполнении следующих этапов:

- совокупный анализ прошлого и оценка текущего уровня использования производственного потенциала. На данном этапе предприятие рассматривается как система с взаимосвязанными компонентами, которые имеют четкую структуру, а также определяется степень детализации элементов, входящих в его состав;

- определение созидательных и деструктивных тенденций состояния производственного потенциала. Необходимость проведения ретроспективного анализа тенденций состояния обусловлена свойством преемственности и непрерывности развития системы. Состояние производственного потенциала в будущем напрямую зависит от решений, принятых в прошлом. Исследование тенденций как созидательных и деструктивных позволит изучить причины их появления, а также выявить и избежать отрицательных тенденций и, наоборот, находить благоприятные;

- определение причинно-следственной связи возникновения проблемных ситуаций. Этот этап нацелен на выявление проблем, которые мешают эффективному использованию производственного потенциала. Их необходимо решать в рамках достижения поставленных целей предприятия, поскольку они могут стать причиной фиаско перспективного развития потенциала.

Внешняя среда включает в себя различные объекты, которые не являются элементами структуры производственного потенциала, но непосредственно влияют на его состояние в будущем. Состояние внешней среды зависит от множества факторов, которые выступают параметрами для ее оценки. Ситуация это определенное состояние среды в рассматриваемый момент времени;

– характеристика возможностей повышения уровня использования существующего производственного потенциала. Данный этап заключается в моделировании возможных ситуаций, которые могут происходить с системой производственного потенциала в ходе хозяйственной деятельности, определения и осуществления целей инновационного развития предприятия. Для моделирования возможных ситуаций разрабатываются логические, грамотно обоснованные сценарии, что является прогнозированием возможных ситуаций. Это обуславливает необходимость создание такой системы, которая будет адекватно реагировать на возникновение непредсказуемых и нежелательных ситуаций будущего;

– выявление направлений роста уровня использования производственного потенциала и формулировка стратегических целей. Стратегическая цель – это такое состояние системы производственного потенциала, при котором он будет находиться в необходимом для эффективной деятельности состоянии на определенном временном промежутке. Достижение желаемого состояния системы осуществляется с помощью решения возникающих задач, т. е. через промежуточные результаты деятельности, которые должны быть положительны. Задачами в данном случае будут выступать эти промежуточные результаты, которые назовём подцели, а они в свою очередь должны быть достигнуты за определенное время, которое ограничено достижением стратегической цели.

Направление развития заключается в последовательной реализации главных целей, которые являются основной задачей функционирования производственного потенциала. Цели определяют направления развития, а также соотносятся с задачами.

При определении цели необходимо рассчитать конкретные показатели деятельности (например, объем выпуска продукции, стоимость предприятия и т. д.), характеризующие показатели состояния производственного потенциала за определенный плановый период времени. На основе этих показателей определяются основные этапы при формировании стратегии:

– определение конкретных способов и средств достижения цели. Определение направлений развития производственного потенциала осуществляется звеньями организационной структуры внутри предприятия. Эта структура формируется на основе стратегических целей, состояния самой системы, состояния среды, с которой взаимодействует система производственного потенциала.

Самые простые организационные элементы составляют нижний уровень (основание) организационной структуры. Каждый уровень иерархической структуры является достаточно самостоятельным элементом, так как имеет всю необходимую информацию не только о своем состоянии, но и о состоянии остальных систем. Благодаря этому, элементы структуры имеют возможность определять собственные цели в соответствии с указанием вышестоящих уровней, определять ход процесса достижения целей. Исходя из этого формирование стратегии управления производственным потенциалом – это процесс определения норм поведения системы, которые регулируют ее целостность;

– оценка возможных вариантов реализации стратегии. Ввиду различных способов и методов достижения целей может возникать неограниченное количество последствий для системы производственного потенциала. Последствия в данном случае определяют возможность возникновения нежелательных или, наоборот, благоприятных ситуаций, то есть достижение или недостижение целей. Полный анализ таких последствий необходим для определения сильных и слабых сторон стратегии управления производственным потенциалом;

– определение критериев оценки выбора эффективной стратегии. Этот этап заключается в выборе стратегического направления на основе определенных критериев, как комплекса показателей каждого направления стратегии управления производственным потенциалом. Разработка универсальной системы критериев, с помощью которой можно было бы давать оценку любому стратегическому направлению, сложный процесс. Но, если каждый элемент системы можно конкретизировать, то можно выделять классы критериев оценки стратегических альтернатив. Например, можно использовать следующие классы критериев: экономические критерии (инновационная активность, эффективность инвестирования), экологические критерии (экологичность производства, оценка влияния на окружающую среду), технологические критерии;

– выбор эффективной стратегии использования и развития производственного потенциала. При выборе стратегии всегда остается возможность возврата к предшествующим этапам, то есть процесс реализации этапов может многократно повторяться.

Итерационный подход в выборе стратегии позволяет выбрать более жизнеспособную стратегию, так как он предоставляет возможность своевременно определить и устранить слабые позиции на каждом уровне системы, корректировать элементы с низкой эффективностью, учитывать информацию о системе и определяющих ее факторах. Поэтому в любое время объект, принимающий решение, может поменять цели, скорректировав их для достижения наилучшей эффективности деятельности всей системы, а также может уточнить некоторые параметры исследуемых альтернатив. Итерации позволяют вернуться и найти факторы, которые не были учтены первоначально на этапе проектирования стратегии, а появились на этапе ее реализации [2, с. 145].

Для реализации процесса принятия стратегического решения относительно роста уровня использования производственного потенциала необходимо учитывать специфику исследуемого субъекта хозяйственной деятельности, особенности принятых во внимание факторов, достоверность и актуальность информации.

Некоторые из рассмотренных этапов разработки стратегии могут быть пропущены из-за отсутствия необходимости анализа полученных результатов. Некоторые этапы могут рассматриваться более подробно по причине повышенного интереса к результату, полученному на данном этапе. Выбор методов реализации этапов стратегии будет зависеть от конкретной системы, ее особенностей и накопленных о ней знаний. В результате, учитывая специфику рассматриваемой системы, будет определена стратегия управления производственным потенциалом.

Литература

1. Карсунцева, О. В. Выявление и использование резервов повышения производственного потенциала предприятия / О. В. Карсунцева // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2013. – № 4. – С. 65–70.
2. Карсунцева, О. В. Многомерный факторный анализ как метод оценки производственного потенциала / О. В. Карсунцева // Вестник Поволжского государственного университета сервиса. – 2013. – № 2 (28). – С. 140–147.

Технический редактор: *О.Г. Шляхтова*. Корректоры: *В.А. Бобрик, И.А. Хорсун*

Подписано в печать 07.04.2022. Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная.
Ризография. Усл. печ. л. 19,53. Уч.-изд. л. 17,01. Тираж 100 экз. Заказ № 201.
Цена свободная

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 3/1452 от 17.04.2017.
Специальное разрешение (лицензия) № 02330 450 от 18.12.2013.
Ул. Советская, 104, 246028, Гомель.